ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

Коко Шанель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта сенсационная книга впервые проливает свет на самые тайные страницы биографии Коко Шанель. Это не просто мемуары, а предельно откровенная исповедь величайшей женщины XX века. История Шанель, рассказанная ею самой. «Герцогинь много, а Шанель одна», — ответила она на предложение руки и сердца от герцога Вестминстерского, самого богатого человека в Европе. Она никогда не лезла за словом в карман, не подчинялась правилам и жила «против течения». Настоящая self-made woman, она сделала не только себя, но перекроила по собственным лекалам весь мир — не просто моду, а стиль жизни! Короткая юбка до колен — Шанель. Брючный костюм для дам — Шанель. «Маленькое черное платье» — Шанель. Небольшие шляпки вместо огромных сооружений с широченными полями — Шанель. Бижутерия — Шанель. Изящный аромат вместо удушающего запаха целой цветочной клумбы — Шанель. Именно Великая Мадемуазель подарила женщине право быть естественной, стильной, желанной, женственной — самой собой…

- Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой
  - Шанель № 1
  - Обазин
  - Мулен. Свобода! Свобода?
  - Этьен Бальсан
  - Бой Кейпел
  - Когда любовь уходит…
  - Серты
  - Русские
  - Шанель № 5
  - Герцогиня Вестминстерская
  - Голливуд
  - Ириб
  - Начало сумасшествия
  - Как я «сотрудничала» с немцами
  - После большой войны
  - Come back!
  - Маленькое черное платье и я
  - Отец
  - Шанель навсегда
  - Так говорила Шанель

Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой

Шанель № 1

Герцогинь много, а Шанель одна! — Такого ответа на

предложение стать его супругой герцог Вестминстерский от меня явно не ожидал.

У него было все, и даже больше. Герцог и сам не ведал, сколько стоят его яхты, дворцы, замки, оранжереи, охотничьи угодья, лошади, бриллианты… Он не был снобом — обожал удобную одежду, плевал на множество правил и запретов и носил страшно стоптанные туфли, потому что ими не натрешь ноги. У нас нашлось много общего, даже прозвища: у меня Коко из-за песенки про петуха, у него Вендор по кличке любимой кобылы деда. А еще герцог дружил с Уинстоном Черчиллем, которого «странности» Вендора не шокировали и который звал его запросто: «Бенни».

Безумно богатый, прекрасный любовник и интересный человек, не испугавшийся моего происхождения, готов сделать меня, вчерашнюю швею, пусть и заработавшую целое состояние (но ведь заработавшую, а не получившую по наследству), герцогиней.

И вдруг отказ…

Когда-то первый герцог Вестминстерский, дед моего Вендора, в ответ на предложение американского миллиардера продать знаменитую лошадь, в честь которой назван внук, заявил:

— Всех денег Америки не хватит, чтобы купить это сокровище.

Я могла бы ответить похоже:

— Всех денег мира не хватит, чтобы купить Коко Шанель.

Оставить свое дело ради призрачного счастья зваться герцогиней?

Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой.

И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней — КОКО ШАНЕЛЬ, единственная и неповторимая.

Обазин

Детские обиды самые сильные и помнятся дольше других, потому что дети обижаются сердцем, а взрослые разумом. Разум способен победить обиду, сердце — нет, на нем остаются шрамы, которые не расправишь, как складки на ткани.

Наверное, надо по порядку? Попробую…

Из детства я хорошо помню отца и плохо мать. Не помню или не хочу помнить? Скорее второе.

Она часто кашляла и задыхалась. Позже мне стало казаться, что это была чахотка, наверняка это была чахотка. Мать — это бедность, страдания и ожидание. «Вот вернется отец…» Из ее рассказов получалось, что отец вернется из своих бесконечных вояжей по ярмаркам, и мы все уедем в какую-то лучшую жизнь, где нет холода, где всегда светло, тепло и сытно. А еще весело. Отец ассоциировался с этой жизнью и с надеждой.

Постепенно мне стало казаться, что именно мать виновата, что он не живет с нами, как другие отцы. Наверное, ему надоели болезни и нытье жены.

Однажды я поинтересовалась, почему же папа не забирает и нас в это прекрасное далёко? Может, у него там другая семья? Мать рассердилась и стала уезжать тоже. Она ездила за мужем следом и рожала детей. А потом умерла.

Пятерых детей надо куда-то девать, ведь отец так и не нашел благословенных земель. Однако родственники от нас отказались, у них не было возможности приютить сирот.

Сирота. Ненавижу это слово! Сирота — это когда ты никому не нужна, причем любой может ткнуть в тебя пальцем и объявить об этом во всеуслышание. Вы хотели бы вспоминать такое детство?

Казалось, мы с сестрами достаточно взрослые, чтобы искать эту самую красивую жизнь вместе с отцом, ведь колесила же с ним по дорогам мать. Но он считал иначе и отвез нас в приют в Обазине. «Я вернусь, я обязательно приеду за вами…»

— Когда найдешь красивую жизнь?

— Да, обязательно.

Я смотрела вслед отцу и понимала, что не вернется, что сиротство навсегда. Но разве можно поверить в ненужность, когда

тебе двенадцатый год? На сердце уже был шрам, но оно еще предпочитало надеяться. Он так же обещал матери, и она так же ждала.

Я тоже ждала вопреки всему: здравому смыслу, оскорблениям, проходящим годам. До сих пор жду, вдруг он все же вернется?

Обазин… Обазин… Обазин…

Дался им этот Обазин! Ездят, копают, вынюхивают… Словно в моей жизни ничего более значительного и интересного, чем монастырский приют, не было.

Мне самой иногда кажется, что я родилась ПОСЛЕ Обазина. Какая разница, в каком возрасте меня туда определили и в каком выпустили?

— Я не нищая!

— А кто же ты, если за тебя не платят? Вы с сестрами самые что ни на есть нищие сироты.

— Неправда! Наш отец просто уехал!

— Куда?

— В… в Америку! Вот он вернется и заберет нас туда!

Я слышала разговоры о том, что в Америке люди живут очень богато, и тогда думала, что это где-то около Парижа просто потому, что Париж для всех был чем-то совершенно роскошным.

— Он прислал мне платье для первого причастия!

Отец и правда прислал белое платье с оборками, кружевами, пояском, на котором висела сумочка, и, наконец, венком из искусственных розочек. Мне казалось, что ничего красивей быть просто не может, потому что платье выбрал отец! Позже поняла, что оно удивительно безвкусное именно из-за обилия отделки, аляповатой и дешевой. Но тогда оборки выглядели верхом совершенства, ведь это подарок отца, отец не забыл, значит, он вернется!

Я не могла написать слов благодарности, потому что у отца не имелось постоянного адреса, но сколько раз мысленно сочиняла письма! Рассказывала ему обо всем, о том, что была самой красивой во время первого причастия, ведь остальные девочки надели чепчики, а у меня на голове венок. Это очень важно, вынужденная носить одинаковое со всеми, но куда более потрепанное форменное платье, я мечтала хоть чем-то отличаться.

Что я часто мою голову желтым мылом, помня, как он не любит запаха грязных волос, что я вообще моюсь при любой возможности. «Папа, от меня пахнет только чистотой!» Запах

чистоты навсегда остался для меня самым желанным и важным.

Но главное, я рассказывала, как жду его и обязательно дождусь. Обязательно!

Как заклинание:

— Только вернись, только не обмани.

Я жаловалась, но не на обиды от девочек из состоятельных семей, дразнивших нас нищими сиротами, а на то, что мне не всегда удается хорошо выполнить работу, порученную сестрами обители, не хватает усидчивости и терпения. «Но я справлюсь, верь, папа, я справлюсь».

Казалось, стоит только мне стать самой старательной, самой искусной, самой усидчивой, и отец обязательно приедет. Конечно, он издалека почувствует, что монахиням есть за что похвалить его девочку, сказать, что у нее золотые руки, что она умница. Ему будет приятно слышать такое.

Только о покорности и готовности подчиняться правилам мыслей не было. Но я нутром чувствовала, что отец этого от меня не потребовал бы, он сам не подчинялся.

У меня красивый отец, очень красивый, все, что есть хорошего в моей внешности, — от него. Да, конечно, мои ровные белые зубы точно такие же, он всегда улыбался белозубой ровной улыбкой. И волосы густые тоже в него, и цвет глаз с искорками. А еще гордость, он никогда не плакал и нам не позволял.

— Эй, только не реветь! Гордые люди не плачут.

Я была гордой, стала усидчивой и искусной, меня было за что хвалить (кроме разве нежелания подчиняться общим правилам).

Я стала… Но отец не вернулся. Ни тогда, ни позже.

Но я все равно ждала его и любила.

В Обазине была лестница. Каменная, без перил, то есть с одной стороны она прилегала к стене, а другая словно повисала над пропастью. Причем получалось так, что спускаться можно безопасно вдоль стены, а подниматься приходилось осторожно. Обычно мы так и ходили: быстрее вниз и медленно вверх. Почему-то мне это казалось несправедливым, и когда никто не видел, я взлетала по лестнице наверх через ступеньку.

Однажды беготню случайно увидела противная Луиза из тех, за которых платили, потому что они были «из хороших семей». Я поняла, что она обязательно донесет настоятельнице, а потому пообещала:

— Скажешь кому хоть слово, я тебе… брови выщиплю!

Угроза глупая, потому что брови выщипывали многие, конечно, не воспитанницы приюта. Но я точно знала, что это

больно, потому что пыталась сузить свои излишне густые черные брови. Почему-то Луиза испугалась угрозы (может, тоже пробовала выщипывать?), она прошипела:

— По тебе исправительный дом плачет.

— Ага, — согласилась я, прыгая через ступеньку.

Пусть жалуется!

Не донесла, испугалась за свои белесые полосочки над глазами.

Потом на своей вилле «Ла Пауза» я сделала такую же лестницу, нарочно отправив архитектора в Обазин, чтобы скопировал. У меня она называлась «Лестница монашек». И никто не мог понять, откуда столь странная прихоть. А это было всего лишь воспоминание о строгом детстве в обители.

На каникулы нас увозили к тете Луизе в Варенн, не потому что хотели видеть, а просто за компанию с ее дочерью Мартой. Сироток не слишком любили родственники, но я все равно ждала эти каникулы, просто на чердаке дома нашлось настоящее сокровище — дешевые слащавые романы. Их когда-то собрали по кусочкам из газет и сшили толстой нитью. Читать приходилось осторожно, пожелтевшие листы легко рвались, но какое я получала удовольствие! В романах совершенно другая жизнь, где героини, даже если оказывались бедны, как монастырские крысы, не ходили в одинаковых платьях и за обедом не брали ложки в руки по команде дежурной сестры, зато переживали неистовые страсти.

Ничто не могло оторвать меня от рассказов о внешности и страданиях романтических героинь, от сопереживания благородным разбойникам, которым непременно надо победить врагов и спасти очаровательную девушку, чтобы потом на ней жениться.

Никто не смог бы убедить меня, что описание накидок, манто или лиловых платьев страстных красавиц, падающих в обморок по любому поводу, но обязательно на руки своих спасителей; мускулистых торсов героев, видных сквозь порванные в жестоких боях рубашки (при этом тела героев оставались без единой царапины, а раны мгновенно превращались в красивые шрамы) и подобной сентиментальной чуши не есть настоящая литература.

Героини с томным вздохом лишались чувств, а открыв глаза, обязательно обнаруживали перед собой красивое, мужественное лицо спасителя и тут же понимали, что это любовь…

Благородные разбойники или бедные красавицы, которых они спасали (а часто и те, и другие), потом оказывались вовсе не бедными, но действительно благородными, из-за козней

родственников вынужденные вести разбойную жизнь или с детства скитаться по приютам. Справедливость всегда торжествовала, мерзкие родственники бывали наказаны, а герои и героини возвращались в свои замки и жили с тех пор счастливо, купаясь в роскоши. Надо ли говорить, что такое чтиво к собственным родственникам любви не прибавляло…

Как бы ни было ужасно, но пристрастие к подобному мусору у меня сохранилось навсегда, а вот лиловый цвет я с тех пор ненавижу.

Конечно, встречалось и то, что стоило прочитать, даже обладая не стопками газетных вырезок, а большой библиотекой. Среди романчиков, годных только для растопки камина, нашлись книги Шарлотты Бронте. Сходство с ее героинями для меня было несомненным. «Грозовой перевал» — одна из любимых книг до сих пор, а тогда я ее просто обожала.

Взять романы с собой в монастырь я, конечно, не могла, но за каникулы прочитывала столько, что до следующих едва успевала переварить.

Может, мой отец тоже воюет с врагами, чтобы освободить прекрасную незнакомку? При мысли о незнакомке становилось не по себе. Ради какой-то чужой женщины забыть о дочерях?! Никакая самая замечательная красавица в роскошном наряде такого не стоила! Я стала приглядываться к женщинам: какая из них могла бы заставить отца поступить так, эта? Или вот эта? А может, та в роскошном лиловом платье и шляпе с большущими перьями? Ненавижу яркий розовый цвет!

Мы редко покидали стены обители, так что глазеть приходилось на каникулах. Но и тогда у меня имелось не слишком много возможностей, по Варенну не гуляли незнакомки в немыслимых нарядах, и благородные разбойники не водились тоже. Если и были, то совершенно неблагородные, грубые, дурно пахнущие и не в красивых кафтанах с позументом, а в лохмотьях, сквозь которые проглядывали вовсе не мускулистые торсы. А женщины ходили в выцветших от долгой носки шляпках с идиотскими букетами искусственных цветов, тоже блеклых и пыльных.

Только тетя Луиза, которую мы почему-то переименовали в Жюлию, умела переделывать свои шляпки так, чтобы они оказывались ни на чьи не похожи. В Варение подобный поступок выглядел дерзостью, но мы были счастливы, когда и нас привлекали к столь увлекательному занятию.

Творить… Неужели я научилась этому у тетки? Но все равно не любила ее, потому что после каникул приходилось

возвращаться в приют, где нас снова звали сиротками!

Зато когда дед решал взять меня в Мулен, восторгам не было предела. Там совершенно другая жизнь, Мулен не Варенн, попить целебной водички летом съезжалось множество желающих, от созерцания которых пойти кругом голова могла у кого угодно, не только у меня. Послушать оркестр, играющий в парке мелодии из модных оперетт, полюбоваться необычными и элегантными нарядами дам, внимать иностранной речи… Когда не понимаешь, о чем говорят красиво одетые люди (тогда я думала, что они одеты красиво), кажется, попала в заколдованный мир.

Моим сестрам это не нужно, ни Жюлия, ни Антуанетта в Мулен не рвались. Но я не переживала, потому что со мной была Адриенна — тетя, младшая дочь моих деда и бабки, моя ровесница, ставшая подругой на всю жизнь. У бабушки с дедом родились девятнадцать детей, почти все они выжили и имели свои семьи, некоторые мотались по свету, как мой отец, но большинство сидели на месте. И ни у кого не нашлось в доме местечка для племянниц, нас брала к себе только Луиза и только на каникулы. Она на девятнадцать лет старше Адриенны, а потому Адриенна вместе со мной звала свою сестру тетей. А меня сестрой. Вот такие дела.

Конечно, нас никто не пускал в центр города, наверное, боялись, чтобы чем-то не соблазнились. Как жили на окраине, так и прогуливались там, но после Обазина и окраина маленького Мулена казалась почти Парижем.

Я пересказывала Адриенне прочитанные на чердаке книги, мы их горячо обсуждали и прикидывали, какая из увиденных женщин годилась бы на роль очередной героини. Это так занимательно…

Адриенна очень красивая, она осталась такой и сейчас. Моя тетя вполне могла бы стать таинственной незнакомкой из романов, но ее одевали немногим лучше нас, дед не слишком стремился тратить деньги на украшение своих женщин, считая, что красоту ни к чему выставлять напоказ, это до хорошего не доведет.

Там же я увидела нечто необычное. У бабушки были роскошные волосы, когда она их распускала, волосы покрывали густой волной всю спину. Дед до старости ревновал жену и терпеть не мог вида распущенных волос, все казалось, что пытается кого-то соблазнить. Однажды после безобразного выговора (далеко не кроткий нрав у меня от деда, он резок и несдержан на язык) бабушка отрезала свою косу и с тех пор постоянно ходила в чепчике.

Это был протест, бабушка очень обиделась на мужа. Через много лет я поступила так же, только чепчик надевать не стала, правда, очень часто, даже дома ходила в головных уборах. Как бабушка? Неужели мои родственники столь сильно повлияли на мою жизнь, сами того не желая? Глупо, лучше бы влияли в другом.

На вопрос, когда же вернется отец, дедушка только пожимал плечами, а бабушка отводила в сторону глаза. Я понимала, что они знают, где их сын, но предпочитала верить, что не знают. Правильно, что отводили; надеяться, что отец может хоть когда-нибудь вернуться, все же легче, чем точно знать, что тебя бросили.

Но дедушка с бабушкой и сами не сидели на месте, они тоже были рыночными торговцами и разъезжали по ярмаркам. Как при этом бабушка сумела родить и вырастить стольких детей, не представляю. Может, потому она презирала мою мать — слабую и никчемную, только и способную виснуть без толку у мужа на шее? Наверное, на мое отношение к памяти матери повлияло отношение бабушки.

Кстати, шляпка на голове дома — хороший способ намекнуть тем, с кем не слишком жаждешь общаться, что тебе некогда. Если в доме появляются нежеланные гости, я начинаю искать перчатки и сумку; выглядит так, словно собираюсь уходить. Друзья знают, что это блеф, но намек понимают все.

Мы с Адриенной стали настоящими сестрами и задушевными подругами, пронеся дружбу через всю жизнь. Хотя бывали годы, когда она предпочитала мне своего Мориса де Нексона. Вот до чего доводит любовь к мужчинам! Правда, когда Мориса не стало, Адриенна вернулась ко мне.

Тогда казалось, ничто не сможет разлучить нас. И вдруг…

Красавица Адриенна рыдала, уткнувшись в свою подушку.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Адриенна показала письмо:

— Отец. Смотри, что он пишет…

Я едва ни закричала, на мгновение показалось, что это письмо МОЕГО отца! Но нет, писал дед — отец Адриенны. Сообщал, что ей подыскали жениха, а потому этот год обучения в Обазине последний.

До меня не сразу дошло содержание, главное само письмо. Адриенне писал отец… Как бы я хотела получить хоть коротенькую записочку от своего! О чем угодно, только получить, чтобы знать, что он есть, что он помнит.

Но рыдания бедной Адриенны быстро привели в чувство.

— Почему ты плачешь, не хочешь замуж?

Я точно знала, что Адриенна хочет, она мечтала о хорошей, крепкой семье, детях, добром и обеспеченном муже.

— За Поля не хочу…

— Почему?

— Он старый и… плюгавый. — Несчастная Адриенна протянула карточку предполагаемого жениха.

Я согласилась с презрительным вердиктом. Конечно, старым Поль мог быть только с нашей точки зрения, но внешностью благородного разбойника жених Адриенны действительно не отличался, скорее наоборот.

— Мне уже сказали, что на следующей неделе нужно уезжать домой, чтобы выйти замуж…

Слезы снова полились ручьем.

— А ты?

— Я согласилась, что я могу?

— То есть тебя прямо отсюда и под венец?

— Да. Я лучше монахиней стану, чем за Поля.

— Вот еще! По-моему, лучше сбежать.

— Куда?

— Не знаю, мы же смогли заработать, продавая сладости, сможем и еще.

На каникулах нам действительно повезло, на несколько дней удалось заменить продавщицу сладостей с лотка и немного подзаработать. Эти деньги до сих пор лежали в кубышке, и о них никто не знал.

Мы сбежали. Более нелепый побег придумать невозможно. Кому нужны две мечтательницы-недотроги? Где работать и жить? Куда мы вообще бежали? Неважно, главное — из неволи!

Ума хватило только на то, чтобы согласно поведению героинь романов выбросить кое-какую одежду, свернутую в узел, в окошко, чтобы не шествовать с этими узлами у всех на виду. Дальше начался спор. Денег немного, на поезд купили билеты во второй класс, но я уперлась:

— Поедем первым!

Где еще мы могли встретить принца на белом коне? Неважно, что лошади, даже белые, в поездах не ездят, главное, первым классом ездят принцы, это я знала точно. Адриенна пыталась меня увещевать, но то ли делала это не слишком решительно, то ли мой напор оказался куда сильней, поехали мы с шиком (обшарпанный вагон первого класса тогда казался шиком, как же, в нем были диваны, обитые потертым бархатом, расцветка которого от ветхости не поддавалась определению!).

К нашему сожалению, ни принцев, ни даже их лошадей в вагоне, конечно, не обнаружилось, зато быстро появился строгий контролер, разжалобить которого не удалось. Плакали наши денежки, потому что, кроме доплаты от второго до первого класса, пришлось заплатить немалый штраф. На жизнь не осталось ничего, ни романтические герои, ни благородные разбойники выручать двух наивных дурочек не собирались. А неромантические, оглядывавшие нас маслеными глазками и отпускавшие гадкие шуточки, явно не подходили.

Пришлось возвращаться. Только куда, не в Обазин же?

Тетю Луизу в Варение едва не хватил удар, когда она поняла, что мы натворили.

— Как вы будете смотреть в глаза своим воспитательницам?!

Очень хотелось ответить, что спокойно, но смотреть не пришлось. Нас категорически отказались принять в Обазине. Кому нужны столь непутевые воспитанницы? Если честно, то я никаких угрызений совести не испытывала. Разве может страдать пойманный узник при воспоминании о своей тюрьме?

Но нас ждала другая тюрьма. Забота и милосердие сестер не оставляет тех, кто попал в их сети. Так заботливый хозяин, погладив пса, обязательно проверит, крепка ли цепь, чтобы тот случайно не оборвал привязь, держащую его в принудительном раю. И хозяина мало беспокоит, что псу хотелось бы побегать на воле, пусть даже впроголодь. Он создал все условия, пес должен быть благодарен.

Нас не вернули в Обазин, а поместили в пансион института Богоматери в Мулене. Снова бесплатно, снова в качестве обузы и приживалок. Ну и что, что это Мулен, а не Обазин? На два года тюрьма, потому что выходить за ограду нельзя, ничего нельзя. Можно только молиться и учиться шить — должна же быть у нас какая-то профессия, которая поможет заработать на пропитание.

Когда однажды через много лет мне пригрозили тюрьмой, я ответила, что свое уже отсидела. Тот, кто спрашивал, не понял, о чем я, широко раскрылись глаза:

— Вы, мадемуазель? За что?!

— За инакомыслие.

Разве тюрьма — только где решетки на окнах? Нет, это там, где зарешечены возможности.

Мулен. Свобода! Свобода?

Что такое свобода?

Это возможность не делать то, что тебя заставляют делать, или возможность делать то, чего хочется самому? А если человеку дать выбор между этими двумя возможностями, что он предпочтет?

Я — второе, заставить меня поступать против моей воли так и не удавалось никому.

Закончилось и это перевоспитание, через два года нас устроили портнихами к чете Грампер в их роскошный, по нашему представлению, магазин «Святая Мария», торговавший всякой всячиной, начиная от приданого для невест и заканчивая крючками и пуговицами. Нашей задачей стал мелкий ремонт одежды и привлечение покупательниц приятным обхождением.

Сначала восторг вызывали два факта. Во-первых, двух беспокойных мечтательниц поселили в крошечной комнатушке под самой крышей вдвоем. Теперь мы жили вместе и могли не разлучаться совсем. Это существенно, если вы инакомыслящие.

Вторым приятным сюрпризом было то, что магазин находился почти в центре Мулена, где всегда бурлила жизнь. Позже мы поняли, что не так уж бурлила и что это за жизнь, но после Обазина и застенков пансиона все казалось восхитительным.

Однако и здесь наше собственное существование не слишком отличалось от прошлого монастырского, монахини знали, куда устраивать на работу своих выпускниц! Жесткий надзор в обители сменился пусть менее жестким, но все же надзором четы Грампер. Обязались они, что ли, за нами следить?

Я мучилась, как я тогда мучилась от понимания, что жизнь надо как-то менять, и от невозможности это сделать! Мысли Адриенны были куда приземленней, ей всегда хотелось замуж, хотелось иметь прочное, обеспеченное будущее. Я не считала это мечтой, это просто желание, мне тоже хотелось обеспеченного будущего, но какого-то не такого, как Адриенне. И я мечтала за двоих.

О чем? Не знаю, даже не помню, просто хотелось перемен. Разве для того мы выбрались из Обазина и строгого надзора его

монахинь, чтобы и в Мулене целыми днями работать в магазине под присмотром хозяев «Святой Марии», а потом до поздней ночи корпеть над чужими нарядами?

До сих пор удивляюсь, как вот эти «посиделки» с иглой в руках над платьями клиенток не отвратили меня от шитья вообще. Наверное, только потому, что, переделывая каждое платье (на мой взгляд, обычно нелепое и перегруженное деталями), я представляла в нем себя или, наоборот, представляла, каким бы сделала его для себя или женщины, себе подобной.

Первым бунтарским поступком стал съём отдельной комнаты вместо отведенного нам уголка в мансарде у хозяев, чтобы хоть по вечерам не быть подотчетной владельцам «Святой Марии». Адриенна пришла в ужас:

— Габриэль, ты не умеешь тратить деньги! На что ты будешь жить?

У нас был общий кошелек, и тратила действительно она, у меня всю жизнь деньги утекали как вода сквозь пальцы.

— А разве ты не со мной?

Она боялась, что родные будут против нашего проживания в съемной комнате, что нам не на что станет жить, что хозяева прогонят нас из магазина, узнав о приработке по ночам… Адриенна боялась всего, я — ничего. Все должно само собой образоваться, я ничуть не сомневалась в успехе. К тому же так хотелось прогуливаться по парку или просто по улицам, хотя бы изредка бывать в кондитерской. Если уж невозможно жить другой жизнью, то смотреть на нее не возбраняется?

«Глазеть!» — сказала Адриенна. Пусть так, если нет другого. Но моя дорогая тетка-сестра прекрасно понимала, что, если я начну глазеть, меня уже не остановишь. Конечно, она права, простое разглядывание даже кокоток, подъезжавших к кафе в роскошных экипажах, обдающих нас запахом духов, шуршащих шелками своих подолов и прятавших лица за полями огромных шляп, привело к желанию изменить что-то и в себе.

Удивительно, но я никогда, ни тогда, ни позже, не считала этих совершенно безвкусно одетых и дурно пахнущих (разве можно считать хорошим убийственный запах целой клумбы цветов?) женщин ничтожествами. Размеры их шляп были немыслимыми, часто шире собственных плеч, платья украшены огромными турнюрами, на всем обилие искусственных цветов и модного тогда жемчуга. И все же они казались мне великолепными.

Мы переехали в крошечную, обставленную убогой мебелью комнатку вдвоем. Нет, не так, сначала переехала я, а потом ко

мне присоединилась Адриенна. Конечно, наше жилье располагалось не в центре города, мы поселились на улочке Пон-Гинге, где сильно пахло сыростью от реки, а сама улица в дождь превращалась в грязное месиво, зато самостоятельно! Простая возможность хотя бы вечером жить своей жизнью, не зависеть от времени ужина хозяев, не отходить ко сну в положенный час быстро сказалась и на нас. Бывало, мы не ужинали вовсе, бывало, сидели едва не до рассвета, чтобы успеть выполнить какую-то срочную работу заказчицы, но в остальном стали свободны! Это может оценить только тот, кто много лет жил под ежеминутным надзором.

Я упивалась этой свободой, а Адриенна… она просто вынуждена радоваться со мной. В нашей паре ведущей всегда была я, а моя тетушка-сестра повторяла. Даже позже, когда Адриенна уже пошла своей дорогой, все равно прислушивалась ко мне.

Помню наш первый поход в «Гран-кафе». Скопив работой по вечерам немного денег, я храбро заявила, что пора погулять. Конечно, Адриенна ужаснулась:

— Габриэль, что будет, если нас увидят родственники?!

— Кто? Кто из наших родственников ходит в «Гран-кафе»?

Конечно, не ходили, мало того, не подозревали, что это такое. Главное, чего мы боялись — что у нас не хватит денег, чтобы расплатиться за заказ, а потому взяли с собой все содержимое кошелька. Адриенна тихо стонала от мысли, что мы потратим и останемся без средств на целую неделю:

— Габриэль, на что мы будем есть?

Я махнула рукой:

— Будем голодать!

Едва ли такое бодрое заявление добавило несчастной Адриенне спокойствия. Она не получила никакого удовольствия от чая, который мы выпили в кафе. В Обазине не было принято чаепитие, у тетушки Жюлии тоже, я же впервые увидела, как богачи пьют чай, когда ездила к одной из заказчиц в замок.

Не буду говорить, чей это замок, потому что госпожа N еще благоденствует, но тогда мне все показалось замечательным. Ей понадобилось переделать несколько платьев, обновить, кое-где подшить новые кружева, где-то прикрыть вышивкой пятна, где-то расставить. Мы с Адриенной не шили одежду от начала до конца, а скорее переделывали ее для заказчиц, и все были довольны.

Адриенна была больна, и я поехала одна. В тот день мы не работали в магазине, потому отправилась с утра. Я добралась до замка где-то в полдень, но заказчицу застала в постели, та еще не вставала. На столике рядом с большущей кроватью стояла чашка

с кофе, в пепельнице лежали несколько окурков дорогих тонких сигарет, сама дама в роскошном пеньюаре показалась мне просто королевой…

На неискушенную девушку, не видевшую в жизни роскоши вообще, вокруг которой всегда были только простые беленые стены и такая же простая мебель, позолота на спинке кровати и множество резных украшений произвели громадное впечатление. Вот как живут те, кто приезжает в магазин в собственных экипажах, у кого достаточно денег, чтобы содержать замок!

Одно из платьев не требовало большой переделки, а нужно оказалось срочно, потому было решено, что я останусь и все сделаю прямо на месте. Так я провела в замке целый день и видела пятичасовое чаепитие (мода, вынесенная хозяйкой из Англии). От меня не укрылось, что ванная на огромный замок всего одна, что у волосы мадам не мешало бы вымыть, что на большинстве платьев под мышками пятна от пота… Но это мелочи, я могла сколько угодно презирать мадам за недостаточное внимание к гигиене, но при этом отчаянно завидовала ее светским манерам (это позже я поняла, что не все так благополучно), ее уверенности, принадлежности к другому миру, за которым я имела возможность только подглядывать в щелочку.

Хотелось ли мне попасть в этот мир? Если вы слышите из-за двери кинозала звуки идущего фильма, смех или рыдания зрителей, а через чуть приоткрытую дверь видите узкую полоску экрана, разве вам не хочется войти внутрь и тоже посмотреть волшебное действие? Мне хотелось, а потому, как только Адриенна выздоровела, мы отправились в «Искушение» пить чай!

Никаких особенных трат не потребовалось, скопленных денег без ущерба для недельного бюджета хватило на чай с пирожными. Пирожные Адриенне понравились, а вот чай нет. Мне чай пришелся по вкусу, но я страстно хотела попробовать настоящий кофе, такой, как был в чашке на столике у кровати мадам.

Так и текла наша жизнь: всю неделю мы усердно работали, иногда прихватывая и воскресенье, а потом отправлялись прогуливаться по улицам, чтобы в конце концов зайти в кондитерскую и выпить чаю или кофе с пирожными, полакомиться фруктовым мороженым и поглазеть на публику побогаче. Откуда в захолустном Мулене богатая публика? О… это отдельный разговор под названием «10-й егерский полк»!

В этом полку, расквартированном рядом с Муленом по ту сторону реки Алье, не служил кто попало, там был, по нашему мнению, цвет общества.

Люблю ли я военных? 10-й егерский любила точно, если бы

не они, я так и осталась тихой швеей на улице Пон-Гинге и в магазине «Святой Марии».

Кавалеристы были очаровательны. Более нелепые наряды придумать трудно, но тогда мы откровенно восхищались их удалью, ярко-красными шароварами и дурацкими кепи с огромными козырьками. Кисточки их браденбуров на венгерках так задорно «выплясывали» при каждом движении… Единственное, что из их формы не претит мне и сегодня, — галуны, вышивка, если ее не слишком много, всегда хороша, и галуны тоже. С тех пор я часто использовала именно галуны и тесьму, на них похожую, в отделке своих моделей.

Не менее пронзительно голубых венгерок с «золотыми» браденбурами мне понравились сами усачи. Они были из лучших семей, но если и кичились своим происхождением, то не в Мулене, напротив, там чувствовали себя весьма раскованно. А еще меня восхищала возможность посмотреть на их родственниц, время от времени навещавших «своих обожаемых мальчиков».

Обожаемые мальчики частенько заходили днем в кондитерские или кафе, а вечера проводили в кафешантане «Ротонда». Мы с Адриенной быстро поняли разницу между двумя кафешантанами, во втором — «Ле Бодаре» — просиживали в основном мелкие чины, а потому он считался просто кабаком. Но сами мы попасть вечером ни в одно из кафе не могли, это было слишком неприлично. Оставалось ждать, когда нас заметит кто-нибудь из красавцев в голубых венгерках и красных шароварах и пригласит туда.

Адриенна только отмахивалась:

— Нет, нет, что ты! Что о нас подумают?!

— Кто подумает, родственники? Поверь, им совершенно все равно, где мы и что с нами, только бы не принесли в подоле своих детей на воспитание.

Как ни обидно, но это было так. Правда, сестра Антуанетта, все еще жившая в обители, постоянно писала противные назидательные письма, умоляя не натворить глупостей и помнить о необходимости вести себя достойно. Мы вели…

Даже попав вместе с сопровождающими в «Альказар» и выплясывая там, держались недотрогами. Удивительно, но к нам так и относились. Было весело, очень весело, мы с удовольствием танцевали в конце недели в том или ином кафе, слушали патриотические куплеты в «Ротонде», но никто не мог упрекнуть нас в излишне легком поведении.

И все же я не люблю вспоминать «Ротонду». Не потому, что там было плохо или что-то не так, как раз в «Ротонде» я имела большой успех, а потому, что за ней последовало.

Но для начала мы попали в саму «Ротонду» уже не как посетительницы, а как… артистки.

К этому времени обе были совершеннолетними, но женихов не имели, и уходившие год за годом оставляли все меньше надежды чего-то добиться. Выйти замуж? Но за кого? Кавалеристы могли водить нас в кафе, угощать мороженым и лимонадом, могли даже сделать любовницами, но только не женами. Аристократы не женятся на швеях, даже очень красивых и необычных. Выходить замуж за тех, кто ровня нам самим, означало на веки вечные поселиться в грошовых комнатах, ночами корпеть над заказами, нянчить выводок детей и пытаться вырваться из

бедности, оставив детям только залатанные платья и старую мебель.

Но если не замуж, то что? Становиться кокотками? Красивые, роскошные женщины, всегда веселые, которых сопровождали мужчины с маслеными взглядами, хоть и нравились, но я прекрасно понимала, что стать такой мне не грозит. И дело не в отсутствии красивых форм тела, ведь мне то и дело советовали побольше есть, чтобы хоть как-то выглядеть, дело в моей независимости. Жить на чьи-то деньги, прекрасно понимая, что ты игрушка, которую купили на время, не для меня. Даже позже, когда все-таки именно так жила с Бальсаном, я стремилась к денежной независимости.

Адриенне, которая выглядела совершенно несовременной женщиной, казалось, вообще не грозило стать содержанкой. Но и тут я ошиблась, Адриенна ею стала, правда, в конце концов выйдя замуж за барона Нексона. Тогда такой вопрос перед нами не стоял, мы не годились в роскошные женщины, плечи которых окутывали меха, а запястья украшали золотые браслеты… мы этого не стоили.

Оставалось одно: становиться актрисами. Мне казалось, что только актрисы могли быть независимы от мужчин. Мысль открыть свое дело в голову, конечно, не приходила, разве потихоньку что-то перешивать, ни на что большее две девушки без средств рассчитывать не могли не только в Мулене, но и городе побольше.

В отличие от Адриенны, мечтавшей о доме и семье, я мечтала о славе, будучи абсолютно уверена, что если неплохо пела церковные гимны в монастыре, то уж с опереточными песенками справлюсь в два счета. К столь радикальному выводу меня подвигло и то, что я видела, а главное, слышала в «Ротонде». Там не выступали певицы мировой величины, местные звезды

давились песенками ничуть не лучше нас с Адриенной.

«Ротонда» была любимым местом проведения воскресных вечеров егерей, где же еще развлекаться, как не там! К нам привыкли, нашего прихода ждали, встречали с восторгом, приветствовали. Мы стали приятельницами многих кавалеристов, оставаясь при этом «ничьими», это выгодно; не желая ссориться между собой, они не претендовали на близость с нами, при этом охотно оплачивая разные мелочи. Но это не могло продолжаться бесконечно.

Часто по вечерам, глядя на то, как уверенно держатся на сцене одни певицы и совсем неуверенно другие, я кипела: я бы на их месте…

Казалось, стоит выйти на сцену, и во мне откроются такие таланты, что «Ротонда» будет сражена наповал. Однажды я вдруг заявила Адриенне:

— Мы должны здесь выступать!

— Что делать?

— Выступать.

— Где?

— Здесь! И не говори, что у нас нет голосов или умения двигаться, все есть!

Сестра с ужасом округлила глаза:

— Но Габриэль, кто нас возьмет?!

Почему-то именно это сомнение решило все, я уперлась и стояла на своем: мы будем здесь выступать! Позже Бой не раз говорил, что я упряма, как осел. Возможно, но пела-то я куда лучше любого осла!

Возможно, спор с Адриенной проходил и не в таких выражениях, но помню одно: она сомневалась, я упиралась. Победила я, и на следующий день, разодевшись в пух и прах (хотя особого выбора у нас не было), мы отправились к директору «Ротонды». Я не помню его имени, хотя, думаю, он меня запомнил.

Несмотря на все свое бахвальство, я страшно трусила, а потому вела себя откровенно нахально. Немного позже вообще поняла, что лучшее средство заткнуть всем рты — это наглость, и частенько таким средством пользовалась.

Едва переступив порог директорского кабинета, я с ходу заявила, что мы готовы подписать контракт на год, с тем, чтобы выступать по вечерам с парой песен. Директор потерял дар речи, успев предварительно уточнить:

— Кто?

— Мы! — отступать некуда, или нас возьмут, или в «Ротонде» отныне лучше не появляться.

Когда к директору наконец вернулась способность что-то произносить, он почти прохрипел:

— Петь?

— Да, у нас хорошие голоса.

Если бы он еще немного посомневался, все рухнуло, Адриенна была готова с рыданиями броситься прочь, почти наверняка я позорно сбежала бы за ней. Но последовала просьба:

— Спойте что-нибудь. Мадемуазель, где вы пели?

Сказать ему, что пели в церковном хоре? Или спеть то, что и так каждый вечер звучит в «Ротонде»? Это означало безусловный отказ. И я, уперев руку в бок, неожиданно для самой себя залихватски пропела те самые куплеты с петушиным криком! Знать бы тогда, как пристанет ко мне это «Коко»! Но даже если бы знала, не отступила.

Директор молча кивнул и знаком предложил присесть, видимо, все еще приходя в себя от моего напора. Адриенна петь категорически отказалась, но я, почувствовав интерес с его стороны, заявила, что у сестры голос еще лучше, только репертуар пока неподходящий. Уточнять, где же мы все-таки пели, он не стал.

Потом я поняла, сколь необычно это выглядело: две девушки с внешностью скромных швей вели себя с наглостью завзятых певичек кафешантана. Вернее, вела я, Адриенна скромно сидела на краешке стула. А у меня к скромному одеянию добавлялись еще худоба и откровенно детский вид, я всегда выглядела много моложе своих лет, в те годы совсем по-детски. Но тем нахальней держалась.

Из кабинета мы вышли с подписанным договором на целый год. Конечно, директор не мог рисковать, он не определил нам какой-то платы, но разрешил собирать деньги в свою пользу после каждого выступления. Тогда в Мулене это практиковалось, думаю, сейчас никому и в голову бы не пришло допустить толпу ничтожеств болтаться по сцене позади солисток и заполнять собой паузы между номерами на свой страх и риск.

В этом и состоял договор: нас допускали присутствовать на сцене и что-то изображать тогда, когда основной состав отдыхал. Можно было спеть, станцевать, а потом пройтись со шляпой по кругу в надежде, что кто-то опустит монетку в качестве поощрительного приза. За сезон таких певичек у задника сцены через кафешантан проходило великое множество, достаточно, чтобы неудачницу пару раз освистали, и хозяин, пожав плечами, договор разрывал и брал новую мечтательницу покорять артистический Олимп.

Почему я решила, что отличаюсь от всех, кто бестолково

топтался и противно ныл, изображая пение, не знаю, но я твердо верила, что уж меня-то не освищут ни за что. Теперь я понимаю, что уверенность основывалась на непременном присутствии наших приятелей-егерей в зале. Попробовал бы кто-нибудь хоть раз свистнуть, это могло оказаться его последним днем. Зато весьма громкая поддержка нам была обеспечена!

Так и произошло, только услышав, что завтра мы поем в «Ротонде», приятели заполнили ее настолько, что яблоку негде упасть, выкрики, поддерживающие меня, легко заглушили само выступление. Аншлаг в масштабах «Ротонды» был полный, и это повторялось каждый вечер.

Но тогда успех был еще впереди, а пока мы возвращались к себе в комнатку, Адриенна всю дорогу ворчала:

— Это ты считаешь достойной работой?! Мы были пусть не богатыми, но честными швеями, а что теперь?

Я разозлилась:

— Ты можешь оставаться швеей! Или быть честной и здесь.

Адриенна помолчала, а потом поинтересовалась:

— А что ты будешь петь?

Хороший вопрос, потому что, кроме этих петушиных куплетов, я не знала почти ничего. Повторять репертуар певиц-солисток чревато неприятностями.

— А ты?

— Я? Я не собираюсь петь, что ты! — испугалась Адриенна.

После раздумий было решено, что я попробую спеть «Кто видел Коко у Трокадеро?», а сама Адриенна станет собирать деньги, обходя публику с изящной шляпкой.

Шляпку мы соорудили, а вот остальное было кошмаром. Внутренности «Ротонды» совершенно не соответствовали моим понятиям о жизни звезд кафешантана. Крохотная гримерка на двоих, размером чуть больше примерочной кабинки в магазине, воду нужно приносить с собой, убирать ее тоже, везде пахло пылью и затхлостью, гуляли сквозняки, в зале запах пищи и пива, выкрики, визг и расстроенное пианино…

Я видела все это, но с другой стороны рампы, если край крошечной сцены можно таковым назвать. Вернее, видела только то, что творилось в зале, а за сценой… Конечно, в первый же день Адриенна ужаснулась:

— Может, не стоило сюда приходить?

И снова ее сомнения лишь придали мне уверенности.

— Ничего, мы здесь временно. Когда-нибудь мы будем вспоминать «Ротонду» со смехом, а те, кто нас будет слушать, будут рассказывать о нас внукам.

Даже сейчас я вспоминаю «Ротонду» с неприязнью, потому что не желала переодеваться у всех на виду, считала остальных бездарями и не скрывала этого, в конце концов, аплодировали мне, пусть не столько за пение, сколько за выходки и ужимки, а деньги собирали на всех! Эти бездарности живились за мой счет и про меня же говорили гадости! Я не желала спать с теми, кто мне это без конца предлагал, несмотря на мою худобу, из-за чего нам с Адриенной под дверь без конца подсовывали какие-то гадкие записки.

Помню, почти каждый вечер, когда мы возвращались из убогой гримерки «Ротонды» в нашу не менее убогую, но хотя бы чистую комнатку, я подолгу перемывала косточки всем своим товаркам. Эти никчемные девицы, полумертвые от страха, были просто мебелью на сцене, нужной лишь для подчеркивания солисток. Даже если кто-то из них и имел голос, то показать его никак не мог, потому что дрожащие голоса никогда не бывают хороши. Дрожали они от страха, именно из-за него отказалась петь Адриенна.

Наши подруги-соперницы (второе куда больше, чем первое), стоило уйти со сцены солистке, одна за другой судорожно набирали воздуха в легкие и сдавленными голосами выводили черт-те что! Некому было подсказать, что брать слишком высоко опасно, голос обязательно «даст петуха», а если этого и не произойдет, то откровенный визг и писк тоже не украсят певичку.

Но это бы полбеды, я могла вообще не петь, а лишь выделывать свои па на сцене, но мне бы аплодировали! А эти ничтожества и двигались как куклы, которых дергают за нитки, они были неуклюжи, страшно скованы, нелепы.

Зато когда приходил мой черед… Соперницы ехидничали, что аплодировали не моему пению, просто меня приветствовали мои приятели. Однажды я посоветовала завести и себе таких друзей. Мало того, выкрикнула это громко, чтобы слышали все.

Зал взорвался криками восторга, меня готовы нести на руках, но я гордо этого не позволила.

Сейчас я прекрасно понимаю, что «Ротонда» была просто жалким подражанием кабаре, что публика там собиралась хоть и лучше, чем в других местах Мулена, но не слишком взыскательная, что меня и впрямь приветствовали больше по-приятельски, чем из-за певческого таланта. Но тогда, выходя на сцену и слушая крики восторга, чувствовала себя настоящей звездой мюзик-холла. Я пела и чудила с удовольствием, а мне просто завидовали! Завидовали и делали гадости.

Зависть надоела, а успех вскружил голову настолько, что я решила: на лето нужно выехать попеть в Виши. Виши курорт, там

совсем другая публика, там можно попасть на глаза не только егерям полка, расположенного рядом, но и еще много кому из тех, кто правит бал в мюзик-холлах и еще лучше — оперетте.

Адриенна привычно была в ужасе, и не она одна.

Жюлия, наша старшая сестра, жившая у тетушки Жюлии из простой милости, пошла по стопам матери, она связалась с бродячим торговцем и родила от него сына. При этом торговец не желал на ней жениться, хотя ребенка признал. Представляю, как ехидничали родственники по поводу моей сестры. Вот оно, отродье Жанны, чего ждать от дочерей той, что силой заставила бедолагу Альберта жениться на себе, а потом моталась за мужем, не оставляя ни на минуту и то и дело рожая новых отпрысков?

От Антуанетты из пансиона приходили страшные письма, она заклинала нас всеми святыми не поступать так же, не допускать до себя мужчин, пока те не женятся, беречь девичью честь. Я так и забыла спросить, сама ли сестра писала эти глупости или ей диктовали монахини. Скорее второе…

Представляю, какие потоки грязи вылились бы на нас с Адриенной, узнай ханжи-родственницы о криках восторга кавалеристов после наших выступлений в «Ротонде»! Слава богу, этого не случилось. Только тетка открыто заявила, что, поскольку мы живем отдельно, то и «в случае чего» на их помощь можем не рассчитывать. Адриенна, у которой разорвались отношения с Робером де Гандри (мать запретила ему жениться на бедной девушке), сильно страдала. Робер был прекрасным молодым человеком, хотя я не понимала, как можно мечтать выйти за него замуж? Адриена мечтала. Она всегда хотела иметь дом, семью, достаток, прочное положение и уважение соседей. Конечно, танцуя и распевая в «Ротонде», этого не добиться никогда.

А чего хотела я? Я тоже хотела иметь семью и прочное будущее, но боялась этого, вернее, боялась обмана, боялась остаться с детьми покинутой мужем. Конечно, мы были совсем взрослыми девушками, которым давным-давно положено иметь мужа и детей, но не выходить же замуж в Варение! И в Мулене было категорически не за кого. Кавалеристы могли сделать своей любовницей, одной из… и на время… А что потом? К тому же они были все похожи, а когда все одинаковы, тогда скучно, несмотря на вечернее веселье.

Так чего хотела я? Успеха! Большого успеха! Огромного, причем не в Мулене, не в Виши, а в Париже. Подняться в Париж… что могло быть более заманчивым? И если для этого нужно сезон провести в Виши, то пожалуйста.

Все друзья-кавалеристы, хотя и изображали страдания из-за

нашего отъезда, прочили мне огромную удачу в Виши. Нашелся всего один человек, который ни на мгновение не поверил в мой будущий успех на сцене — Этьен Бальсан. И именно этот человек так разительно отличался от остальных! Бальсан сыграл в моей жизни огромнейшую роль, без него я в конце концов вышла бы замуж за какого-нибудь глупца из кавалерийского полка, родила детишек и все оставшиеся мне годы проклинала эту жизнь.

Когда наши глаза впервые встретились, я сразу поняла, что этот человек рядом со мной не просто так. Он особенный, и это чувствовалось с первых минут общения. Бальсан не отличался красотой и даже статью, он был богат, но вел себя странно. Богач, не желающий жить как все богачи, пехотинец, влюбленный в лошадей, он был из другой жизни, в которую мне ни за что не попасть. Со мной держался дружески, в любовники особенно не рвался, я не в его вкусе. В его вкусе красавица Эмильенна д'Алансон, между ней и мной, как говорил сам Этьен, настоящая пропасть. По его тону я понимала, что пропасть не в мою пользу.

Эмильенна красавица, имевшая многочисленных богатых поклонников и умевшая делать на этом деньги, вернее, получать от них подарки, достойные лучших ювелирных салонов. Бальсан был ею не на шутку увлечен, но сумел вырваться из любовных пут, не растратив на красавицу свое состояние и фамильные драгоценности. Это поднимало его как в глазах родственников, так, видно, и своих собственных.

Я действительно казалась безнадежно далека от этого «идеала», но не столько потому, что не имела пышных форм и умения обирать поклонников, сколько из-за ее манеры одеваться и держать себя. Всегда терпеть не могла дам, закованных в корсеты и ходивших на высоких каблуках. Определенно нет ничего более неудобного, чем каблук под пяткой, тугие, неимоверно стискивающие талию (словно хотели переломить туловище надвое) и создающие выпяченный зад корсеты, множество всяких перьев и цветов на шляпках, длиннющие шлейфы платьев, которые я звала хвостами, турнюры, увеличивающие зады в несколько раз.

Но если кокоткам я такое прощала, даже считая красивыми в их огромных шляпах с полями шире собственных плеч, с накрашенными лицами, то светским дамам простить не могла. А еще они все мне казались… грязными! Еще когда обшивала заказчиц из замков вокруг Варенна, бывала в ужасе от понимания, что они слишком редко принимают ванну. Кокотки и те мылись чаще. Состоятельные дамы, для которых это просто не могло быть трудом, крайне редко мыли волосы, потому от них иногда пахло потом и еще много чем.

Эмильенна пахла чистотой, но была старой и одевалась как все. Бальсан любил женщин старше себя! Мы с ним почти ровесники, и ко мне Этьен относился вполне по-дружески.

Только в одном оказался непреклонен:

— Из тебя никогда не получится певица ни в опереттe, ни в мюзик-холле, ни вообще где-либо.

И все же именно Бальсан дал денег на Виши. Не слишком много, но ничего не требуя взамен, попросил только сообщить свой адрес, когда снимем комнату, чтобы он мог приехать и лично убедиться, что мы не на помойке.

Зачем он это сделал? Чтобы смогла понять, что как певица я бездарь, и, наконец, оставить свои мечты покорить Париж, солируя в Мулен Руж. Иногда я размышляю, что было бы, не ссуди он меня деньгами? В Мулене я продолжала бы мечтать об артистической карьере, будучи в полной уверенности, что аплодисменты моих приятелей-кавалеристов и их восторженные выкрики вполне отражают мои способности.

Бальсан оказался умней, он понял, что переупрямить меня невозможно, я сама должна убедиться, что ничего на этом поприще не стою.

Жестоко? Да, но необходимо.

Виши был провалом. Полным и абсолютным.

В разгар сезона две невесть откуда взявшиеся певички были никому не нужны. Импресарио и директора лишь окидывали нас почти презрительными взглядами и отмахивались, не удосужившись даже прослушать. Адриенна не подходила им своей строгой красотой, а я отсутствием пышных форм.

Да, конечно, мне говорили, что голос слишком слаб, что меня не услышат даже за третьим от сцены столиком, но это глупости, просто голос не поставлен! По моему мнению, это означало только то, что его нужно поставить, разучить новый репертуар и все. Это требовало много денег, а они таяли, как снежинки на теплой ладони…

Адриенна не выдержала и, горько поплакав, но не потому, что страстно желала карьеры певицы кабаре, а потому, что бросала меня одну, вернулась в Мулен. Я пыталась доказать, что это временно, что к началу сезона мы сумеем поставить себе голоса, сшить подходящие для показа импресарио наряды, научимся двигаться, как это делают солистки… но Адриенна не верила.

Проводив ее на вокзал, я вернулась домой и долго лежала, глядя в темноту и пытаясь убедить сама себя в том, в чем еще утром убеждала сестру. Что делать? В Виши у меня не было

клиенток, на заказы которых я могла жить. Поддержки со стороны приятелей, как в Мулене, тоже не было, надеяться оставалось только на себя.

И все-таки я была готова голодать, но не сдаваться! Упорно репетировала и репетировала несколько месяцев, но тщетно. Надежда рухнула, когда стали набирать артисток для нового сезона. Ни на одном прослушивании я не прошла! Директора не увидели во мне актерской жилки.

Желания стать певицей, даже такого сильного, как у меня, оказалось мало, требовался голос. Никакие репетиции до изнеможения, никакие старания не помогли, меня не взяли ни на одну сцену! Сезон начался, а я осталась не у дел. Это было крушение не просто надежды, рушилась вся будущая жизнь. Что делать?

Весь сезон я проработала в Виши… разливая воду курортникам. Но сезон закончился, отдыхающие разъехались, жить стало просто не на что. Я прекрасно понимала, что ни в какое кафе меня не возьмут и петь я не буду. В Виши делать было просто нечего, придется возвращаться.

Назад в Мулен или вперед к новой жизни?

Певицы из меня не получилось, но, может, получится что-то другое? Мысль была достаточно бодрой, если вспомнить мое тогдашнее положение.

Мулен принял меня равнодушно, то есть совершенно равнодушно, словно и не было веселой певицы Коко в «Ротонде». Бальсан пожал плечами:

— Я тебе говорил, что ничего не получится.

Что я могла ответить, «спасибо за поддержку»? Но почему он должен меня поддерживать?

И снова были дни и ночи с иголкой в руках, но теперь уже без Адриенны, которая жила у Мод Мазюэль за городом. Мод была весьма странной особой, огромная, безмятежно величавая, она не ходила, а словно плыла по жизни. Увидев такую, любой мгновенно верил, что у нее все в руках и все под контролем. Несмотря на гладкое, без единой морщинки лицо Мод, никому в голову не приходило, что она молода, Мод звали мамашей все — от сопливых мальчишек до пожилых ловеласов. Под ее крылышко стремились спрятаться многие девушки, ей почти ежедневно кто-то плакался в пухлое плечо, будучи твердо уверенным, что уж Мод заставит негодника жениться или хотя бы признаться в любви.

Ей бы содержать бордель, но она решила иначе: бордель — это грубо, можно же куда изящней. Изящней оказалась вилла в

Совиньи рядом с Муленом. Там почти ежевечерне собирались веселые компании, ели, пили, шутили, занимались любовью… Но у Мод нельзя снять девочку на ночь, уединяться полагалось только тогда, когда отношения определены, а до этого сладостного момента нужно красиво ухаживать за объектом страсти, дарить подарки избраннице, а заодно и самой Мод.

Если пара вообще складывалась, Мод получала нечто вроде комиссионных за сводничество. Кем она была? Свахой, сводницей, но не развратницей. Она не поощряла «измен», когда сегодня девушка принимает ухаживания одного, а завтра другого. Такие вертихвостки изгонялись с напутствием:

— Выберешь одного — приходи.

Адриенна была ее любимицей, она не спешила ни с кем в постель, зато за внимание самой Адриенны боролись сразу трое — граф, маркиз и еще кто-то, стараясь один другого переплюнуть в щедрости. Денег было немного у всех троих, что не мешало ухажерам поставлять на вечеринки самые изысканные сладости и вина, а самим дамам (Адриенне и Мод) без конца делать мелкие подарки. Подарки были грошовые, но когда нет белого хлеба, едят черный, все лучше, чем ничего.

Сама Адриенна немного погодя влюбилась, причем взаимно, в барона де Нексона, которому жениться на бесприданнице равносильно отказу от наследства — непозволительная роскошь для человека, живущего только на средства родных. Они очень долго были верны друг дружке и, дождавшись смерти отца барона, все же обвенчались. Через много лет моя Адриенна стала баронессой Нексон, а я так и осталась Мадемуазель Шанель, правда, с добавкой «Великая».

Однако попытка бегства в красивую жизнь не прошла бесследно. Поняв, что привезла оттуда, кроме разочарования, нечто куда более серьезное, я ужаснулась. Беременность в моем положении равносильна смерти!

Что было бы, роди я? Презрение родных? Это самое легкое. Чего ожидать от дочерей безумной Жанны Деволь, яблоко от яблони… Старшая родила, теперь вот средняя… Если они станут каждый год приносить по младенцу, впору открывать отдельный приют для этого семейства.

Дать жизнь ребенку, которому никто не будет рад, на котором всегда будет позор незаконнорожденного? Выйти замуж за какого-нибудь вдовца с шестью детьми и всю жизнь выслушивать от него упреки в распутстве? Или жить у родственников вместе с ребенком, понимая, что тебя держат только из милости? Клеймо матери грозило стать и моим.

Нет! Я пошла к акушерке. Лучше взять на себя грех перед не родившимся ребенком, чем всю жизнь стыдливо отводить глаза перед рожденным вместо ответа на вопрос об отце.

Женщина была пожилой и много повидавшей на своем веку.

— Нет, мадемуазель, я не стану вам делать аборт. Это ваша первая беременность, если ее лишиться, можно совсем не иметь детей.

Послушать акушерку и оставить ребенка? Временами мне кажется, что свой главный выбор я сделала именно тогда, ведь не будь аборта, дальше Варенна мне ничего не видеть.

Я сидела на стуле, прижимая к груди сверток с запасным бельем и простыней, и молча плакала. Плакала сухими глазами!

И вдруг начала говорить. Я рассказывала о матери, которая любила отца больше жизни, родила от него сначала Жюлию, потом меня, а потом еще четверых. Когда стало видно живот в первый раз, родители выгнали ее из дома, пришлось разыскивать нашего отца и пытаться заставить его если не жениться, то хотя бы признать ребенка. Он признал. Но не женился. И даже после моего рождения не женился тоже. Только Антуанетта родилась «законной», нас с Жюлией оформили потом.

У нас не было своего дома, жили у родственников. Всегда как приживалы, всегда на птичьих правах. Но мать все так же неистово любила отца и забывала про нас, его детей. Боясь, что однажды он просто не вернется, стала ездить следом. Заводила очередного ребенка и уезжала снова.

Отцу она со своей любовью была в тягость, это я уже понимала. Мужчину нельзя заставлять жениться или любить себя, если это делать, он обязательно уйдет. Теперь я понимаю, что отец разъезжал и из чувства протеста тоже, когда тебя держат в клетке, обязательно хочется на свободу. Не всем, конечно, но нам с отцом хотелось.

А детей навязывать их папаше нельзя тем более…

Я говорила и говорила, в глазах появились слезы, они текли по щекам, но я не вытирала. Впервые с тех пор, как за отцом захлопнулась дверь приюта в Обазине, я откровенно рассказывала о себе. А чужая женщина слушала.

— Снимай свою юбку и ложись на кровать. Придет время, когда ты пожалеешь о сегодняшнем решении. Но я знаю, что если не я, то это сделает кто-то другой, ты сумасшедшая.

Потом были несколько часов боли и несколько дней откровенного страха. Все обошлось, заражения не случилось, но она права, наступил день, когда я горько пожалела об аборте, потому что ребенка от Боя выносить не смогла, и детей у меня не было.

И все-таки, если бы я не поступила так, не было бы и меня самой, не было бы Коко Шанель.

Там, на чистенькой кровати у акушерки я перешагнула невидимую сдерживающую черту. Нет, я не стала ни шлюхой, ни распутной, но поняла, что никто ни от чего меня не защитит, а еще поняла, что хочу жить другой, обеспеченной жизнью, хочу свободы выбора, хочу денег!

У меня не будет выводка детей, как у моей матери, я не стану страдать из-за мужчин и бегать за кем-то. А еще добьюсь высокого положения, достаточно высокого, чтобы не беспокоиться о куске хлеба, чтобы чувствовать себя независимой ни от родственников, ни от кого-то другого. Я смогу сама выбирать мужчин, и они будут счастливы этим выбором!

В своем желании стать независимой, причем богатой, я была не оригинальна. Тем нелепей оно звучало.

Я и богатство… Откуда?! Клады в нашем садике никто не зарывал, чтобы можно откопать кубышку с золотыми пиастрами. Наследства в миллионы не предвиделось, дольше врать самой себе глупо — отец все так же ездил по ярмаркам и торговал мелочью. Случайно я увидела его, но сама себя убедила, что ошиблась.

С памятью об отце следовало что-то делать. Если мать просто умерла на моих глазах, то ждать возвращения отца больше не стоило, это мешало жить. И тогда усилием воли я отправила его в Америку окончательно. Он там, богатый или почти богатый, с толстенной сигарой во рту, в пиджаке и жилетке с цепочкой из кармана для часов, он приедет… когда-нибудь… потом… А пока надо жить самой.

Мир поделился на мужчин и женщин.

Первых нужно было завоевать. Всех. Даже если они мне не нужны. Я не собиралась становиться любовницей каждого, кто ходил в брюках, но я желала нравиться.

Так и было всю оставшуюся жизнь. Ни один мужчина не мог устоять перед моим шармом, если я этого желала, так есть и сейчас, когда мне уже много лет, я выбирала сама и чувствовала свою власть.

Но тогда для этого не было никаких предпосылок. Стать безумно привлекательной, когда ты плоская, как доска, с мальчишеской фигурой, маленькой грудью и узкими бедрами, при том, что в моде роскошные телом красавицы… Оставалось одно: изменить моду! Это не так просто.

Вторых (женщин) мне было жалко. Чтобы понять почему, достаточно посмотреть, как одевалась или раздевалась дама. То,

что выглядело красиво, когда умопомрачительная женщина проплывала мимо, шурша шелками и покачивая перьями на огромной шляпе, в действительности было ужасным. Снять все это самой невозможно, надеть — тем более.

Корсеты затягивались горничными, иногда даже вдвоем, все зашнуровывалось, завязывалось, укреплялось, закалывалось, завивалось, подкладывалось, подшивалось… Только чтобы женщина могла медленно пройтись, демонстрируя себя. Что она показывала? Тело, стиснутое китовым усом и множеством застежек? Волосы, уложенные с безумным количеством помады и украшений, да еще и прикрытые огромной шляпой с перьями? Каждый день заново укладывать всю эту роскошь не будешь, а потому от них пахло грязными волосами.

Турнюры возвышались над задами, превращая женщин в подобие гусынь. Длинные подолы сметали с улиц грязь. Запах пота заглушался духами, которые использовались целыми флаконами. Редко от кого пахло чистотой, обычно был запах грязи. У меня очень хорошее обоняние, а потому особенно трудно.

И в этом мире мне предстояло навести свой порядок. Конечно, не мне одной, но тогда я думала только о себе. А что еще оставалось? Никто другой обо мне думать не собирался.

Почему нужно подчиняться общим правилам, если они меня не устраивают? Почему нужно быть благовоспитанной, выйти замуж, нарожать детей и всю жизнь тянуть свою лямку, эту же жизнь проклиная? Почему нужно зависеть от мужчин, от всеобщего мнения, много от чего? Почему нужно быть как все?

Но чтобы не подчиняться правилам, а самой их диктовать, нужны деньги, это я уже понимала. Деньги были у мужчин и крайне редко у женщин, ни те ни другие просто так делиться не собирались. Заработать самой, но как? Мы могли день и ночь напролет шить и не вылезать из нищеты.

Адриенна сделала выбор, она поселилась у Мод и стала, по сути, содержанкой. На ней не женились, но ее любили и оплачивали. Позже Адриенна все же добилась своего — вышла замуж за барона, удачно, счастливо, по любви. Я была рада за нее, мне

такого не удалось. Просто Адриенна влюбилась в того, кто мог долгие годы в ответ любить только ее и кому не нужно поддерживать свой имидж женитьбой.

Я решила иначе. О любви речи не шло, значит, мужчин можно только использовать. Я тоже стала содержанкой, только необычной.

Не судите да не судимы будете… Как это верно, человек обязательно получает от судьбы то, за что осуждает других. Можно упрекнуть меня, что постоянно ворчу и всеми недовольна. Я не осуждаю, а критикую, это не одно и то же!

Содержанки не достойны уважения? А кем я стала для Бальсана? Не совсем содержанкой, конечно, и все же…

Этьен Бальсан

Когда человек перестает уважать сам себя? Когда делает то, за что осуждает других, или не делает то, что, по его мнению, должен делать. Как вернуть уважение? Нужно убедить себя, что ваше поведение обоснованно. Если не можете, поступайте как должно или не осуждайте.

Закончилась эпопея с попытками стать великой актрисой (все равно через много лет я буду брать уроки вокала, но, если честно, просто от безделья). Это был не просто щелчок по носу, жизнь заставила меня понять, что, просто пожелав что-то, вряд ли его получишь. За все надо платить, а саму жизнь воспринимать такой, какая она есть, а не какой ее описывают в слащавых романах. Благородные разбойники бывают только в книгах, в жизни они вовсе не такие. И спасать себя надо самой.

Но теперь знала одно: я должна добиться независимости, а независимость — это деньги. Однако таких денег, как предлагала своим приятельницам Мод, я тоже не хотела.

Мод Мазюэль жила на вилле в Совиньи и держала нечто вроде салона. Это не был дом терпимости, упаси боже, иначе я утащила бы оттуда Адриенну за волосы! Но это дом для свиданий влюбленных парочек. Там устраивались замечательные вечера, куда можно прийти со своим другом или подружкой. Однако допускались не все, только личные знакомые самой Мод, она действительно не желала превращать свою виллу в бордель.

Адриенна жила на вилле постоянно, и к ней тоже приходил возлюбленный. Это личное дело моей дорогой Адриенны, потому рассказывать не буду.

Я бывала у Мод очень редко, во-первых, не с кем встречаться, во-вторых, я стала много осторожней, одного похода к акушерке вполне хватило. Иногда Мод водила нас с Адриенной на скачки — модное развлечение богатых. Наверное, наша троица выглядела уморительно — посередине мощная, словно тумба для афиш, Мод, а по бокам мы с Адриенной, обе как раз по половине ширины мадемуазель Мазюэль.

Чтобы не смотреть на трибуны, где сидели те, у кого кроме денег имелось еще и имя, я старалась подойти ближе к ограждению. Туда не слишком стремились остальные — из-под

копыт летели комья земли. Зато туда часто подходил Этьен Бальсан, для которого лошади были самым дорогим в жизни.

У Этьена заканчивался срок службы, и он купил в Руайо поместье, где можно организовать конный завод. Полученное наследство помогло осуществить эту идею. Бальсан ни словом не вспомнил мой долг и неудачную карьеру, не потому что столь уж благороден, просто его интересовали лошади и женщины совсем другого склада, чем я. А выделенная на мой эксперимент сумма вовсе не казалась значительной. Этьен не требовал благодарности.

Встречая меня на скачках, он старался объяснять достоинства той или иной лошади, указывать на недостатки, что-то прогнозировать… Я даже не помню, сбывались ли его прогнозы, важнее, что красота этих животных увлекла, а азарта мне и без объяснений Бальсана не занимать. Я редко делала ставки, не имела свободных денег, но мысленно всегда указывала победителя. Больше всего мне нравился номер пять, не определенная лошадь, а сам номер. Кто мог тогда знать, что этот номер станет счастливым на всю жизнь.

Днем и по вечерам работа за швейной машиной (хотя мне все больше и больше нравились ножницы), в выходные чай или кофе с пирожными с приятелями в салоне, скачки или вилла Мод…

Весело? Черта с два! Я дохла со скуки. Но хотелось не выть на луну, а кого-нибудь искусать, хотя на фотографиях того периода у меня вполне мирный и благостный вид. Разглядывая эти снимки, я иногда не верю своим глазам. Как можно так безмятежно улыбаться, когда на душе не то что кошки — целые тигры скребли? Кого я пыталась обмануть, окружающих или все же себя?

Бальсана не обманула, он понял, что мне тошно.

Мне двадцать четыре года, и хотя выглядела на восемнадцать, положения это не меняло.

И вдруг…

— Ухожу в отставку, уже написал рапорт.

— И… и что?

— Ничего. Поеду в имение, там почти отремонтировали дом. Буду разводить лошадей и готовить их к скачкам.

Я знала, что Этьен давно мечтал заниматься только лошадьми, и о наследстве знала, и о ремонте купленного имения в Руайо, все знала и все понимала, кроме одного.

— А я?

Под его недоуменным взглядом вся сжалась, потом судорожно глотнула и словно бросилась в холодную воду:

— Этьен, тебе не нужна ученица?

Еще несколько мгновений, которые показались вечностью, он разглядывал меня, как диковинку, потом с удовольствием хмыкнул:

— Маленькая Коко хочет поехать со мной? Поехали!

Потом Бальсан заверял всех, что спать с той, которую не любишь и которая не любит тебя, даже удобней, по крайней мере, всегда знаешь, чего ждать. Он ошибся, думая, что знает, чего от меня ждать. Как и по поводу «не любишь». Но это было позже, а тогда я с визгом бросилась на шею Этьену.

Если честно, то зачем он взял меня с собой, не понимал никто, думаю, и он сам. Может, просто к слову пришлось?

Мод не поняла тоже:

— Он никогда не женится на тебе.

— Никто не собирается за него замуж.

— Тебе не восемнадцать лет. Чего ты хочешь?

— Независимости.

Толстуха оценивающе оглядела меня еще раз, впечатление видно не изменилось.

— Независимость дают только деньги. Ты не в его вкусе.

Могла бы и не напоминать, в его вкусе Эмильенна д'Алансон,

но даже ей Бальсан не слишком много подарил. Не потому, что прижимистый, наш друг не отличался жадностью, а просто не желал тратить на женщин деньги.

Я прекрасно понимала все про деньги и свободу, которую они дают, как и то, что от Бальсана их не получу, но Этьен открывал мне хотя бы возможность побывать в Париже. Уже ради одного этого следовало поехать с ним в Руайо.

— А в Париже что, снова устраиваться певицей?

Нет, вот уж об этом я не думала совсем, если не нашлось желающих предоставить мне сцену в Виши, то о «Мулен Руж» даже мечтать не стоило.

И все-таки я отправилась в Руайо.

И… просчиталась.

Нет, не в Бальсане, он оказался хорошим любовником, достаточно щедрым человеком, однако и самому Этьену, и тем, кто его окружал, я не была нужна. Все в Руайо жили своей жизнью и никто моей.

У меня было все: большая светлая комната, личная ванная («Здесь можно мыться каждый день?» — «Хоть десять раз на день, если тебе не лень раздеваться и одеваться»), прислуга, еда, питье, развлечения… Кроме одного — той самой независимости.

Но в ней я пока не так остро нуждалась.

Вы можете осуждать меня сколько угодно. Я действительно жила у Бальсана, на деньги Бальсана, ездила с ним в Париж, спала с ним, каталась на его лошадях, одевалась за его счет и при этом его самого не любила. А он не любил меня. Просто приятельница, просто запасная любовница… Иногда милая, чаще очень забавная, в непохожести на остальных есть своя прелесть.

Игрушка? Возможно, но мне так хотелось спокойствия хоть ненадолго, хоть на чуть-чуть. Побыть лентяйкой, которую балуют, которой не нужно думать о том, где взять деньги, если заказчицы уехали отдыхать, чем платить за комнату, как сэкономить, чтобы купить простенькую ткань на платье.

Я, вчерашняя воспитанница приюта, за которую не платили, теперь жила в замке XVII века с огромными окнами, с камином, таким огромным, что в нем, кажется, могла поместиться вся моя прежняя комнатка, с серебряными канделябрами, с потемневшими от времени портретами на стене вдоль лестницы… У этой лестницы были перила, по ней можно бегать и вниз, и вверх одинаково безопасно. Но желания побегать через ступеньку не возникало, когда можно, почему-то не хочется.

Сначала я отводила душу, валяясь в постели до полудня, заставляя столик у огромной кровати чашками с кофе, засыпая пеплом ковер и стопки дешевых романов, которые теперь читала в виде книг, а не сшитых газетных листков, расхаживая по своей комнате в шелковой пижаме самого Этьена. Бальсан смеялся:

— В жизни не встречал такой лентяйки! А еще говорили, что ты очень трудолюбива и прилежна.

— Тебе не повезло, ты встретил меня в момент, когда я отдыхаю за все предыдущие годы.

— И долго ты собираешься это делать?

Внутри все похолодело. Неужели он потребует выметаться вон?

Но глаза Этьена смеялись, он любил насмехаться.

— Кто-то хотел учиться ездить верхом?

Я сладко потянулась:

— Обязательно… вот только еще чуть поваляюсь…

И все-таки я не считала себя содержанкой. Я словно гостила в замке Этьена, как дорогая гостья, изредка занималась с ним любовью и ничего не требовала!

Вот что позволяло не чувствовать себя униженной — Бальсан мне ничего не дарил. Это было необычно, потому что все любовницы немедленно намекали на подарки, лучше драгоценные и фамильные.

Этьен Бальсан необычен даже для своего развеселого кружка.

Необычной была вся его семья.

Мы покатывались от хохота, слушая рассказы о проделках Этьена.

Еще в детстве от него хватались за голову. Однажды в имение был спешно вызван ветеринар, потому что нескольких уток поразила неизвестная эпидемия: они, как сумасшедшие, ходили с открытыми клювами. Ветеринар долго не мог понять, в чем дело, ни в каких справочниках столь странное заболевание не числилось.

Но когда пару ошалевших птиц удалось изловить и осмотреть, оказалось, что Этьен просто умудрился заклеить им ноздри, бедным уткам приходилось дышать «ртом».

Когда таких выходок набралось слишком много, дядя Этьена, который воспитывал их со старшим братом Жаком после смерти отца, решил отправить беспокойного племянника в английский колледж. Собственно, Жака воспитывать было уже поздно, он старше Этьена и встал на ноги, хотя, по мнению родни, страстное увлечение воздухоплаваньем вместо семейного бизнеса по производству сукна едва ли можно назвать достойным приложением сил.

Этьен убрался в Фолкстон с превеликим удовольствием, он явно не собирался там перегружать себя занятиями. Лошади и собака Рекс, не считая, конечно, мелких любовных интрижек, — вот что интересовало молодого Бальсана. Любимых лошадей пришлось оставить дома в поместье, а вот Рекса Этьен забрал с собой.

Немного погодя из Фолкстона пришла телеграмма: «Мы с хозяином добрались благополучно. Рекс».

Исправить Бальсана невозможно, грызть гранит науки в колледже он не собирался, но согласился послужить в армии. И отличился тут же! Во-первых, тем, что заснул на посту, а разбуженный, обругал толстячка в панамке и пенсне, посмевшего нарушить сон часового. Толстячок оказался губернатором, покой которого и должен охранять Бальсан. Снять опалу помог случай. Этьену удалось вылечить копыта полковых лошадей, чего не смогли сделать опытные ветеринары.

А потом он придумал, что желает изучать редкое восточное наречие, чтобы стать переводчиком. Только во всей Франции якобы имелся лишь один человек, этим наречием владеющий, — в Мулене. Так пехотинец Бальсан оказался среди лошадников Мулена.

Лошади стали его страстью окончательно и бесповоротно, а скачки и подготовка к ним — основным времяпрепровождением.

Два брата, Жак и Этьен, окончательно забросили мысли о

семейном бизнесе — производстве сукна, поручив его младшему брату Робберу. Жак продолжал заниматься полетами, приобретя славу одного из лучших авиаторов, а Этьен осел в Руайо, приведя в смятение всех знакомых семьи. Аристократ, добровольно удалившийся в деревню? Это странно, очень странно. Несомненно, ему есть что скрывать, он просто прячет свою прекрасную возлюбленную!

Сомневаюсь, чтобы вся эта камарилья могла отнести к числу прекрасных меня, тем загадочней было мое пребывание в Руайо. Обращал ли внимание сам Бальсан на эти ахи и вздохи кумушек? Сомневаюсь; человек, которому наплевать на мнение ближайшей родни, не мог считаться со старыми тетушками, помнившими времена Наполеона.

Вот к такому необычному человеку я попала в любовницы. Зачем? Для него просто так — мимолетное развлечение с забавной малышкой. Для меня возможность хоть ненадолго окунуться в беззаботную жизнь.

Было ли это падением? Смотря с какой точки зрения. Неужели лучше развлекаться на вилле у Мод, потому что там делают вид, что собираются пожениться? Бальсан никогда ничего не обещал, он просто позволил приехать к нему и пожить. Пока. Пока кому-то из нас не надоест. Конечно, я прекрасно понимала, что если наскучу ему, то буду выставлена за дверь в два счета, церемониться Этьен ни с кем не стал бы. Но об этом лучше не думать. Пока я наслаждалась относительной свободой ничегонеделания.

Но сколько можно бездельничать и разыгрывать из себя лентяйку? Довольно быстро выяснилось, что ничегонеделание — тяжелый труд, мне он не под силу.

Управлять хозяйством Этьен совершенно справедливо не доверял, да я и не стремилась. Оставалось примкнуть к его развеселой компании, увлеченной верховой ездой и то и дело перемещавшейся вслед за лошадьми Бальсана со скачек на скачки. Но как можно примкнуть, не умея ездить самой?

Этьен уже намекал, что пока стоит хорошая погода, можно бы и поучиться… Он не знал главной моей проблемы: отсутствия одежды для верховой езды. Не садиться же в седло в единственном на все случаи жизни костюме или в шелковой пижаме самого Бальсана. Когда я представила себя в большой пижаме с широкими развевающимися на ветру штанинами, стало смешно. Но смех проблему не устранил.

Представляю, что сказала бы Эмильенна. Нет, она даже не поняла бы, что проблема существует. «Попроси у Бальсана!

Должен же он одевать тебя». Я ничего не собиралась просить у Бальсана, пока у меня оставался хоть один собственный франк. Одно дело пить кофе или курить сигареты (по глупости из воспоминаний о своих прежних посещениях замков я научилась курить — привычка, которую изжить так и не удалось), ездить вместе с его командой и совсем другое — просить денег на костюм. Я не только не протянула руку, но и отказалась, когда, видно, что-то сообразив, Бальсан сам предложил сшить амазонку.

Нет! Но во что-то одеваться нужно, пришлось искать другой выход. У меня еще не было такой сноровки, чтобы самой сшить амазонку, к тому же нутром чувствовала, что конкурировать с остальными в этом женском наряде не смогу.

Когда я что-то не могу как все, делаю наоборот, обычно получается хорошо.

Если для посадки в дамское седло нужны амазонка и шляпа, которые мне самой не по карману и будут сидеть, как на козле бриллиантовое ожерелье, значит, надо учиться ездить в мужском седле.

Жокеи примерно моего роста и сложения, потому проблем с седлом не было, но для такой посадки потребовались брюки и сапоги. К моему ужасу, оказалось, что экипировка жокея мне тоже не по карману, купить роскошные кожаные сапоги без поддержки Бальсана я не смогу. Хоть возвращайся в Мулен, чтобы подработать!

Но об этом не могло быть и речи, я прекрасно понимала, что уехав, обратно не вернусь. Бальсан неизвестно зачем пригласил меня в имение, второй раз этой глупости не сделает. Нет, он не только не гнал, был даже рад моему обществу, находя забавной, но рассчитывать на его повторную настойчивость не стоило.

Выход нашелся неожиданный, я увидела на одном из конюхов брюки английского покроя и заказала себе подобные, немало удивив сельского портного. Получилось замечательно!

Увидев меня в такой экипировке впервые, Бальсан замер с открытым ртом и долго не мог высказаться, потом все же мотнул головой:

— Только никому не показывайся…

— Вот еще! Ты считаешь, что это хуже, чем нарядиться в дурацкий корсет, делающий женщин похожими на дородных гусынь, которых откармливают к празднику?

Снова замерев на несколько секунд, Этьен наконец махнул рукой:

— Ладно, садись в седло.

Легко сказать садись, а как это сделать, если стремя почти на уровне груди, а седло и того выше?

Началась нелегкая учеба. Сначала я училась просто из чувства протеста, потому что в первый день Этьен фыркнул:

— Оставь эту затею, верховая езда не для тебя.

Потом понравилось. Я подружилась с конюхами и жокеями, которые немало помогали советами. Немного погодя я ездила уже прекрасно, чем тронула сердце Бальсана и потрясла всю компанию. А через несколько месяцев была лучшей наездницей Руайо!

Я быстро стала своей в их компании, но все равно оставалась чужой, потому что была необычной. Надевать мужские брюки и рубашку Этьена можно, когда собираешься носиться по полям

или Компьеньскому лесу, но никак не на вечеринку или когда выезжали на скачки. Моя прежняя одежда тоже слишком скромна. Неужели придется и себя утягивать в корсет или подкладывать дурацкий турнюр?

Однажды я все же попробовала так вырядиться.

У меня самой никогда не было ни полного корсета, ни турнюра, ни роскошного платья; то, что мы с Адриенной сооружали для себя, немилосердно экономя каждый сантиметр ткани, отличалось от нарядов приятельниц Бальсана, как черный хлеб от пирожных. Но даже по сравнению со скромницей Адриенной я была ничем. Кафешантанные наряды «Ротонды» и «Альказара» годились только для сцены.

Может, и мне пошли бы все эти кружева и перья? Но где их взять?

Эмильенна, приезжая к Бальсану в имение, иногда оставалась на несколько дней, а потому не таскала за собой огромные коробки с платьями и шляпами. Все это лежало и висело в шкафах в комнате, которую она занимала. Комнаты не закрывались, в имении Этьена все запросто.

Выбрав момент, когда гостей в поместье не было, Эмильенна должна приехать только завтра, а Бальсан — вернуться послезавтра, я осторожно заглянула в комнату соперницы. Чисто… вкусно пахло духами… за скрипучей дверцей шкафа несколько нарядов, аккуратно повешены, и два корсета. Вот чем мне всегда нравилась Эмильенна, так это своей чистоплотностью и аккуратностью.

И тут я решилась. Позвала горничную, с которой была в очень хороших отношениях:

— Мари, помоги мне.

Та в недоумении распахнула и без того не маленькие глаза:

— Что вы собираетесь делать, мадемуазель?

— Примерить одно из платьев мадемуазель д’Алансон.

Думаю, не заказать ли мне такое же?

Вряд ли Мари поверила в мое желание заказать сумасшедший наряд с перьями и цветами, а главное, в финансовые возможности. Слуги всегда в курсе дел хозяев, думаю, слуги Бальсана знали, что я не беру у него денег, и именно потому смотрели на меня уважительно.

— Вряд ли вам пойдет этот наряд, но если хотите, мы можем попробовать.

Если вы думаете, что обрядиться в сумасшедшее количество всякой всячины, составляющей наряд светской дамы, легко, то сильно заблуждаетесь. Первой проблемой оказался корсет. Эмильенна имела весьма привлекательную фигуру благодаря искусству портних, создающих эти орудия пыток. Но у нее хоть было из чего фигуру формировать! Корсет утягивал тело так, чтобы все оказывалось либо над ним, либо под ним — получались грудь и бедра.

А у меня не нашлось что утягивать! Как ни шнуровала бедная Мари, как ни старалась, грудь так и не появилась, декольте упорно оставалось полупустым. Я попыталась прикрыть это безобразие боа из перьев, получилось еще хуже. С таким же успехом можно было обрядить в эту роскошь один из столбов ограждения.

Мне категорически не шли женственные наряды с рюшами, оборками, перьями и прочей чепухой, выглядела огородным пугалом. Кто не верит, может посмотреть фотографии периода Руайо.

Если тебе не подходит то, что носят все, разве это не повод, чтобы изменить моду?

Нет, не повод. Это причина! Не имея возможности ни сшить, ни носить дорогие платья с турнюрами и огромные шляпы с кинжально торчавшими перьями куропатки или здоровенными павлиньими, я попросту приучила остальных носить то, что шло мне!

Поистине, если гора не идет к Магомету…

Хорошо, что Бальсан не дарил мне нарядов, иначе я бы превратилась в чучело с перьями на голове.

Но тогда…

Мари почти с тоской предложила:

— Может, подложить что?

Стало смешно; хороша фигура, если вместо того, чтобы прилагать усилия по уменьшению объемов, как делают другие, мне нужно что-то подкладывать.

— Подушку, Мари!

Мы хохотали до слез, представляя, как я сначала

подкладываю подушку вместо груди в декольте, а потом она совершенно не вовремя вываливается!

Зато когда я, все еще в наряде, взятом из шкафа Эмильенны, оглянулась, смех застрял в горле. Мари тоже смогла лишь ойкнуть — на пороге, с недоумением разглядывая веселую вакханалию, стояла хозяйка платья и корсета!

Кажется, она поняла, в чем дело. Но Эмильенна имела совершенно не стервозный нрав или просто не показывала его при мне. Никакой бури не последовало, посмеялась вместе с нами и посоветовала:

— Габриэль, вам нужен другой корсет. Что тут утягивать, если вы худы, как спичка?

— Как жердь!

— И в платье не стоит так открывать грудь, лучше сделать декольте повыше.

— Да не собираюсь я носить такое! Извините, что взяла ваши вещи, я приведу в порядок, а если хотите, выплачу вам их стоимость.

Сказала и с тоской подумала, что моих средств не хватит на этот наряд, придется просить у Этьена.

Эмильенна махнула рукой:

— Не стоит, платье все равно давно висит без дела. Я хотела спросить о другом. Ваша шляпка, в который вы были вчера… Я нарочно приехала, чтобы попросить сделать мне такую же.

Честно говоря, я не слишком поверила этому объяснению, просто она не хочет вгонять меня в краску. Но разговор поддержала, в результате простая соломенная шляпка, которую я переделала по примеру манипуляций тети Луизы в Варение, перешла в руки Эмильенны.

К моему удивлению, оказалось, что подруга Бальсана действительно решила носить усовершенствованный мной головной убор! Хотя изменения, которые потом внесла в его вид сама Эмильенна, на пользу не пошли, все равно шляпка разительно отличалась от того, что располагалось на головах остальных. Получить такую поддержку… Эмильенна д'Алансон одна из «трех великих» — трех знаменитых кокоток того времени, дамы света проклинали их в гостиной, тайно копируя наряды. Можно сказать, что Эмильенна тогда была из тех, кто делал моду Парижа.

Мне и в голову не приходило, что совсем скоро я сама буду диктовать эту моду.

За Эмильенной последовали остальные, теперь в мои шляпки нарядились все посетительницы Руайо.

Меня поразило не только, что Эмильенна не стала протестовать из-за моего самовольного вторжения в ее комнату и в ее гардероб, — она назвала меня Габриэль, вместо Коко, как все привыкли.

Это прозвище однажды вспомнил Бальсан, называя меня так, вероятно, из желания подчеркнуть свое отношение. Оно мгновенно прилипло, подхватили даже те, кто никогда не был в «Ротонде» и не слышал моих петушиных куплетов.

Обижаться глупо, потому что приятели тут же обозвали самого Этьена «Рико», получилось «Коко-Рико» — петушиный крик.

Правда, к самому Бальсану чаще всего обращались по фамилии, а ко мне по прозвищу. Забавная Коко, смешная Коко, дерзкая Коко, задиристая Коко… Все эпитеты хороши, как бы только не превратиться в клоунессу.

Я действительно частенько забавляла всю компанию, давая весьма едкие комментарии статьям в газетах, чьим-то нарядам, поведению, суждениям. Дамы развлекались тем, что интересовались моим мнением по поводу какой-нибудь особы. Прекрасно понимая, чего от меня ждут, я шла у них на поводу, высказывая что-нибудь весьма нелицеприятное.

Однажды задумавшись, почему приятельницам Бальсана нравятся мои едкие замечания, поняла: они всегда спрашивали об отсутствующих и с удовольствием смеялись над кем-то за глаза. Так же смеялись и надо мной?

Но дерзить мне понравилось, я не столь уж строго относилась к тем, кого порицала, говорила дерзости скорее из протеста. Дамы света и полусвета носили немыслимые наряды, в которых не то что двигаться, даже стоять неудобно! Их шляпы с трудом проходили в двери, хоть расширяй дверные проемы? Корсеты изгибали тело в виде буквы S! От каждой невыносимо пахло из-за вылитого на себя флакона едких духов!

А что им было носить, если другой одежды просто не придумали? Какие шляпы выбирать, когда других нет? Какие корсеты заказывать, если в моде оттопыренный зад и этот самый силуэт S?

И только одного я не могла оправдать — запаха немытых волос и пота из подмышек. К счастью, большинство кокоток любили чистоту.

Как мне хотелось сорвать с каждой нашлепки турнюров, расшнуровать корсеты, ощипать перья на пыльных шляпах! Но тогда мое время еще не пришло, позже я сумела заставить женщин носить удобную одежду. Элегантность без удобства невозможна!

Если вы, конечно, не хотите быть просто малоподвижной куклой в витрине магазина, разряженной и глупой.

К сожалению, этим грешат многие кутюрье и сейчас. Когда по подиуму с сознанием большой значимости важно шествуют угловатые дылды в мешках из-под картошки, увешанных старыми консервными банками или обрывками газет, я задумываюсь: стал бы сам кутюрье надевать вот такое или нарядил бы в свой «шедевр» жену? Уверяю вас, НИКОГДА! Зачем же выдавать это за моду?

Мода — это то, что можно носить, что с подиумов выйдет на улицу, что станут копировать, чему будут подражать. А мешки из-под картошки — театральные костюмы. Господа, не смешивайте театр и жизнь, это не одно и то же.

Что я делала у Бальсана и кем там была?

Самое страшное для человека — попасть в колею. Жизненная колея лишает самой жизни, потому что следование «положенному» лишь слабое ей подражание.

Каким-то внутренним чутьем я всегда стремилась этой колеи избежать. Сначала получилось, потому что стала сиротой. Воспитывайся я в добропорядочной семье, едва ли избежала бы участи быть выданной замуж «как положено», нарожать детей и всю жизнь мечтать о свободе, считая таковой походы на ярмарку по воскресеньям или бунт в виде замены лентами цветочков на шляпке.

Второй раз меня вытащили «Ротонда» и Виши, пусть это был провал, но ведь была и попытка!

В третий раз помог Бальсан с его Руайо и лошадьми. Он вытащил меня (хоть и по моей просьбе) из этой колеи и… оставил на обочине!

Я не входила в планы Бальсана ни в каком виде, не вписывалась в его жизнь. Жизнь резво катилась мимо, а я просто стояла в стороне и смотрела. Чтобы понять, куда двигаться дальше, иногда нужно и постоять.

В Руайо я научилась ездить верхом, познакомилась с миром полусвета, привыкла быть раскрепощенной и… поняла, что это все не для меня. Не потому, что не имела внешних данных кокотки, а потому, что желала иной независимости. Я хотела иметь деньги, которые бы мне эту независимость обеспечили, но только не из чьих-то рук.

Значит, надо заработать самой! Чем? Как в Мулене мелкой переделкой и починкой нарядов? Приятельницы Бальсана вполне могли обеспечить меня такой работой, но каким тогда было бы мое положение? Хуже не придумать. Обшивать и развлекать

веселую компанию? Ну уж нет! Я даже шляпки приятельницам переделывала бесплатно, хотя тратилась на покупку лент и самих колпаков.

Все больше подружек Бальсана носили шляпки, которые выглядели весьма непривычно для тех времен. Это вызывало жгучий интерес на ипподромах, привлекало внимание к девушкам из нашей компании и даже приводило к вопросам: где вы купили такую необычную шляпу?

В какой день мне пришла идея открыть свой магазин? Не помню, хотя должна бы помнить, ведь это было судьбоносное решение.

Что, если заняться этим не в Руайо, а в Париже, чтобы мои шляпки смогли покупать все желающие? Я точно знала, что на этом можно сделать деньги.

— Бальсан, я не хочу сидеть на твоей шее.

Он расхохотался:

— Слезай!

Можно бы обидеться, но я взяла себя в руки:

— У тебя в Париже квартира, позволь использовать ее?

Выражение его лица стало презрительным.

— Хочешь принимать там клиентов?

Я прекрасно поняла, что он имел в виду, но спокойно пожала плечами:

— Не клиентов, а клиенток. Я буду делать шляпы там.

Убрать выражение гадливости Этьену удалось не сразу, хмыкнул:

— А в Руайо этого делать нельзя?

— Мне нужен Париж.

Вообще-то, я выбрала не вполне удачный момент для разговора. Один из его скакунов захромал, а кобыла, на которую Бальсан делал ставку, вдруг оказалась брюхатой. И теперь он не знал, кого сначала убивать — конюха или жокея, или обоих сразу. Бальсану было совсем не до моих авангардных шляпок.

Но я в очередной раз убедилась, что если не видишь выхода из положения, поступай нелогично и именно это окажется выходом.

— Я же не могу все время резвиться в Руайо. Что я буду делать дальше?

Бальсан отмахнулся от меня, как от назойливой мухи:

— Делай что хочешь!

Хорошее заявление, когда у меня нет денег. Но я не растерялась, несколько шляпных заготовок нашлось, ленты тоже, а квартирка Бальсана, расположенная в весьма престижном районе, вполне подошла для шляпной мастерской.

В Париже с Бальсаном я бывала уже не раз, но мы не жили в этой квартирке, останавливаясь в отелях. Просто из меня хозяйка никакая, а нанимать прислугу на несколько дней неудобно.

В отеле я научилась, смешно сказать, есть устриц! Думаете, это так просто, если взять устрицу в рот впервые доводится в двадцать пять лет? Первым желанием было немедленно выплюнуть этого слизняка обратно. Судорожно сделав глотательное движение, я запила моллюска полулитром вина и остальной вечер помнила уже плохо. Кажется, убеждала Бальсана, что съесть дюжину этой гадости не смогу, потому что столько вина в меня не поместится.

Бальсан хохотал, но посоветовал все же научиться:

— Устрицы любимое лакомство в приличном обществе.

Возражения вроде «этот слизняк воняет морем» или «они же скользкие!» вызывали только очередные приступы смеха.

На следующее утро, когда Бальсан уже ушел по делам, оставив меня очухиваться после эксперимента, я испытала новое потрясение. В номер принесли поднос с… еще дюжиной устриц. Этьен твердо решил воспитать из меня аристократку!

Пришлось собрать всю волю в кулак и начать экзекуцию. Первую я глотала с закрытыми глазами, убеждая себя, что так надо. Потом глаза решительно открыла, но дальше второй дело не пошло, мое нутро категорически не желало подчиняться предпочтениям аристократов.

Дело в том, что еще при жизни матери мы бывали на побережье. Я даже не помню точно, где это, запомнила только, что хозяин лачуги, в которой мы жили, приносил устриц в большом садке. Раковины были обвешаны водорослями, отвратительно пахли и никакого подъема аппетита не вызывали.

Еще хуже выглядел слизняк внутри. Глотать это?! Ну уж нет! Хозяин насмешливо поинтересовался:

— Как же ты будешь есть их, когда станешь богатой?

Я и богатство в те времена были столь не сочетаемы, что слова вызвали смех. Но попытка проглотить скользкую устрицу привела к извержению содержимого желудка обратно.

Теперь же мне предстояло научиться глотать их, не морщась. Я могла изменить фасон шляпки, даже фасон платьев, но отменить любовь к устрицам не могла. Это одно из немногих, к чему все же пришлось приспосабливаться. Потом я привыкла и даже стала находить удовольствие в поглощении моллюсков, правда, не дюжинами, но парочку можно.

А тогда… Съесть дюжину означало заболеть животом на неделю. Попытка уговорить горничную присоединиться к трапезе,

чтобы меньше осталось мне самой, не удалась. Бедная девушка не смогла скрыть своего отвращения к моллюскам, она в пищевых пристрастиях не слишком отличалась от меня (или я от нее?). И вот это понимание, что я, как горничная, не могу есть то, что с удовольствием едят аристократы, заставило не только проглотить без последствий всю дюжину, но и внушить себе мысль о приятности такой трапезы.

— Как же ты их ешь?

В моем голосе звучала насмешка. Я смогла победить даже собственное нутро!

Горничная удивилась:

— Нас никто не заставляет глотать устриц…

— А если тебя пригласят в ресторан?

— Кто?

Продолжать разговор не имело смысла. Он становился похожим на издевательство, но все равно происшествие доставило мне удовольствие. Я победила, почему-то показалось, что, одержав такую нелепую победу над собой, стала свободней. Словно вошла туда, куда ход до сих пор был закрыт, и теперь имела возможность уйти, если пожелаю. Маленькая победа на пути завоевания независимости.

Но устрицами Париж не ограничивался. Квартира Бальсана очень пригодилась, потому что именно там начался мой бизнес.

Кажется, я нащупала свою колею, отличную от других тем, что главной в ней была работа. Работа тоже бывает разной, можно с утра до вечера трудиться в мастерской, выполняя чей-то заказ, подчиняясь диктату капризной дамы с дурным вкусом или даже с хорошим, но вынужденным, в свою очередь, подчиняться общему. А можно творить свое, переделывая сам вкус.

Я всю жизнь, начиная с той маленькой квартирки Бальсана, переделываю вкус. Раньше творила только для себя и Адриенны, потом для подружек Бальсана, а потом стала для всего мира. И мир подчинился!

Выходит, не зря Бальсан вышвырнул меня из общей колеи на обочину?

Но с Бальсаном я только нащупала свое место, встать на ноги мне помог Бой Кейпел.

Это главное, за что я благодарна Бальсану — с его помощью я встретила Боя.

Бой Кейпел

В том, что Пигмалион создал Галатею, заслуга не только Пигмалиона, но и самой Галатеи. Разве можно создать великолепную женщину без ее на то согласия?

До сих пор при этом имени у меня мороз по коже. Бой с первой минуты был именно такой любовью, а когда она стала терять яркость — ушел навсегда туда, откуда не возвращаются. Он ушел, чтобы наша любовь стала вечной.

Бой прав, так лучше. Хотя, когда это случилось, мир для меня перестал существовать.

Но сначала было столько лет счастья…

Артур Кейпел, прозванный друзьями Боем, вошел в мою жизнь сразу и навсегда.

Мы встретились в Испании во время очередной вылазки веселой компании лошадников. Этот красавец сразил мое сердце наповал. Он великолепен: брюнет с зелеными глазами, прекрасными манерами, но при этом очень простой в общении, умный, сдержанный, отменный наездник…. Я могла бы исписать восхищенными эпитетами несколько страниц.

Но так думала не одна я, Кейпела обожали все. Его одинаково хорошо принимали и в компаниях вроде нашей из Руайо, потому что он мог хохотать до упада и шалить, и в высшем свете, потому что лордам и министрам было о чем побеседовать с человеком, пусть и имеющим тайну происхождения, но столь разумным, что сумел в тридцать лет приумножить полученное в наследство состояние, а не потратить его. Артура Кейпела одинаково хорошо принимали и англичане, и французы, его обожали везде, где бы ни появлялся.

Его прозвали Боем, но это Кейпела не смущало ничуть.

Такого я еще не видела. Богатый красавец, умевший не тратить, а зарабатывать, державшийся просто и уверенно… Принц прекрасно сидел на лошади, хотя она была не белой, а серой в яблоках.

Разве я могла устоять?

Удивительно, но первое, что я поняла: Бой воспринимает меня не как простую содержанку Бальсана, он видит во мне меня.

Кейпел мгновенно стал своим в нашей компании и частым

гостем в Руайо. Ни для кого не секрет, ради чьих глаз он приезжал. Я сгорала от одного его взгляда, таяла, как мороженое на сковороде и одновременно становилась… страшно колючей и цепкой.

Как это объяснить… Я была воском, из которого Бой мог лепить все, что ему вздумается, и была страшно прилипчивой, словно американская жевательная резинка. Знаете, есть такая гадость, которую жуют, жуют, а потом выбрасывают или прилепляют к чему угодно. Она прилипает и оторвать очень трудно, а иногда невозможно, если попадет, например, на ткань или в волосы. В Америке даже в туалетах объявления: «Жевательную резинку к раковинам не прилеплять!». Это культура поведения.

Но мне не до культуры, я прилепилась к Бою крепче жевательной резинки к волосам. Оторвать можно, только выстригая прядь. Мое счастье, что он не отказывался, Кейпел тоже влюбился. Над нами посмеивались, но вполне добродушно.

Я до сих пор считаю, что именно Кейпел, вернее, его ко мне внимание заставило Бальсана посмотреть на меня не как на забавную игрушку, которая «смотрите, еще и разговаривает!», заметив, наконец, интересного человека.

Иногда я задумывалась, почему столько лет чувствовала себя маленькой девочкой, даже став уже довольно взрослой. У меня нормальный рост — метр шестьдесят пять сантиметров, а худая не только я. При этом на фотографиях вовсе не детский вид, так что дело не во внешности.

Просто в Обазине я была сироткой, а сиротка значит маленькая и несчастная. В Мулене «малышкой Коко», несмотря на то что совершеннолетняя. Для Бальсана и нашей компании тоже «забавная крошка Коко». Но и для Боя в Париже я первые годы была малышкой, которую нужно опекать, воспитывать, учить жизни, о которой нужно заботиться.

Знаете, каково это — после стольких лет сиротства, которое отчаянно не признаешь, вдруг обнаружить, что молодой красавец, в которого влюблена, готов играть еще и роль отца, старшего брата, воспитателя! Я купалась в волнах этой заботы и обожания, готова была стать такой, какой ему вздумается — хорошей, плохой, даже полной дурой, только бы Кейпел смотрел на меня своими зелеными глазами и улыбался белоснежной улыбкой, только бы, просыпаясь утром, чувствовать его присутствие рядом.

Если бы Бой бросил меня тогда, только поманив новой жизнью, я бы умерла от отчаянья. Но он бросил позже, когда я уже могла выдержать любой удар, когда стала Коко Шанель, а не просто «малышкой Коко».

Он очень много сделал для меня, и главное, не деньги, вложенные в открытие дела, я их сполна вернула, Кейпел сделал из меня меня! Сама я бы не справилась. Он учил, внушал, подталкивал, поддерживал…

В кинозале было темно, а потому я ничегошеньки не увидела. И приглядеться удалось не сразу. У меня всегда так, с глазами проблема.

— Почему ты щуришься?

— Подожди чуть-чуть, сейчас глаза перестанут ссориться между собой.

— Что делают твои глаза?!

— Бой, мне нужно привыкнуть, мои глаза не сразу начинают видеть хорошо.

— А как же ты работала иглой?!

— Наверное, поэтому они и устали.

На нас уже стали шикать зрители в кинотеатре, куда мы зашли посмотреть новинку. Обидно, но я действительно ни черта не видела, приходилось подолгу прищуриваться, чтобы собрать все в кучку. До Боя на это никто не обращал внимания.

А Кейпел на следующий же день повел меня за руку к своему окулисту. Тот был в ужасе:

— Как же вы живете, мадемуазель?! Очки и только очки!

Очки… это так ужасно… Но я сама понимала, что еще чуть и останусь совсем слепой. Главным потрясением оказалась не сама необходимость надеть очки, а то, что я после этого увидела.

— Бой, я не буду их носить!

— Почему?

Наверное, он подумал, что слышит просто каприз строптивой Коко, однако я разревелась.

— В чем дело? Тебе идут очки, поверь. Твое лицо ничем не испортишь. Так даже оригинальней.

— Да я не поэтому.

— Тогда что?

— Люди уродливы, Бой. Они такие некрасивые, без очков я этого не видела.

Секунду он смотрел на меня, замерев, а потом расхохотался. Кейпел смеялся так, что не выдержала я сама.

— И я тоже урод?

Вообще-то, я вгляделась в лицо любовника с затаенным страхом, вдруг это правда? Но Бой был красив, что в очках, что без.

— Ты нет.

— Слава богу! Значит, их все же можно носить.

Я все равно не любила очки, и носить постоянно стала только

в… тьфу ты, чуть не написала «старости», нет, просто позже…

Было их у меня великое множество, даже карманы на своих костюмах я придумала под очки, не одна же я такая слепуха, многие женщины страдают плохим зрением, куда девать очки, не держать же все время в руках. Маленькие кармашки для этого очень удобны.

И в сумочках, сделанных позже по моим задумкам, тоже всегда были кармашки для очков, ключей и помады.

Бальсан сначала терпел нашу с Боем близость, а потом решил поговорить со мной откровенно. Был ли он в меня влюблен? Не думаю, но потерять явно не хотел. Так бывает, когда человек рядом, он вроде и не очень нужен, а когда уходит, вдруг понимаешь, что без него пусто. Это не любовь, не совсем любовь. Бальсан никогда не стал бы поддерживать меня, как Кейпел, и бороться со мной за меня тоже не стал бы. Хотя я ему очень благодарна за поддержку, без нее сгнила бы в Мулене.

— Габриэль, он не женится на тебе.

— А ты?

— Хочешь за меня замуж? Выходи.

— Нет, Этьен, не хочу.

— Кейпел на тебе не женится. Ему нужна жена с именем и положением.

— Посмотрим.

— Это из-за того, что он дал денег на магазин? Мужчина должен обеспечивать женщину деньгами на жизнь, а не на работу.

— Не поэтому, Бальсан. Я его люблю.

Не помню, действительно ли я сказала Этьену, что люблю Боя, но даже если и не сказала, все видно без слов. Важно, что он впервые за много месяцев назвал меня не Коко, а Габриэль и пытался отбить меня у другого, но теперь мне это оказалось не нужным.

— Ты всегда можешь вернуться в Руайо…

Я не вернулась в Руайо, даже когда Боя не стало, не вернулась. Я уже была сама собой, словно вылупившись из скорлупы, но с Бальсаном осталась в хороших отношениях. Он со злости уехал в Аргентину, только жить там не смог, а когда вернулся, привез мне лимоны в мешочках. Это было смешно, потому что лимоны не выдержали долгого пути и испортились. Однако видеть заботу со стороны Бальсана, тем более такую неуклюжую, очень трогательно.

Во время первой войны Руайо заняли немцы, и завод Бальсана перестал существовать. Жаль, там были такие прекрасные пастбища…

Но я уже жила другой жизнью. Переманив к себе на работу опытную шляпную модистку Люсьен, я принялась переодевать головы парижских модниц. Бедная Люсьен! Она первой испытала на себе нрав мадемуазель Шанель. Мы ссорились по любому поводу, нет, не из-за моделей, как раз их Люсьен воспринимала прекрасно. Ссорились из-за клиенток.

Мне казалось, что, создавая оригинальные шляпки и одежду, я совершенно не обязана еще и порхать вокруг заказчиц. Какого черта! Почему нужно учитывать их между собой дружбу и ненависть?! Какое мне дело до того, что супругу и любовницу какого-нибудь барона или герцога нельзя одновременно привечать в ателье? Пусть сами разбираются со своими отношениями.

Я не желала заглядывать в глаза клиенткам, полагая, что вполне достаточно просто работы, Люсьена заламывала в отчаянье руки:

— Мадемуазель, вы испортите отношения со всеми, кто приносит вам деньги.

— Тогда носитесь с вашими клиентками сами! Я не буду выходить на примерки!

Я действительно долго пряталась, уже став достаточно известной, предпочитала отправлять в салон помощниц.

Закончилось все тем, что Люсьен хлопнула дверью. Вернуть ее смог только Кейпел (разве можно отказать такому мужчине!). Мы помирились, но, думаю, ей было очень тяжело.

Говорят, со мной тяжело до сих пор. Оправдание одно, хотя с чего это мне оправдываться? Я требую с остальных ничуть не меньше, чем с себя. И если я, теперь уже Великая Мадемуазель, могу часами простаивать на коленях или топтаться с ножницами в руках вокруг манекенщицы, подгоняя и подгоняя модель, чтобы сидело идеально, то почему эта манекенщица не может пару часов постоять спокойно и не орать, как резаная, когда булавка случайно задевает ее драгоценное тело? Я понимаю, что больно, но у меня уже руки не те, они дрожат и болят…

А мои швеи? Остаться вечером, чтобы переделать, потому что я поняла, как надо, не уговоришь. У них семьи…

Помню, у Дягилева был такой прием: когда у балета что-то категорически «не шло», а время репетиции уже заканчивалось и оркестранты начинали собирать ноты, к пюпитру бочком выходил Дягилев, из-под опущенных ресниц оглядывал оркестрантов и умоляюще спрашивал:

— Господа… вы же любите свою работу?

Господа с сокрушенными вздохами раскладывали ноты снова.

Репетиция продолжалась до тех пор, пока сам Дяг не засыпал в партере от усталости…

Вот это работа! А если исправлять посадку рукава, думая при этом, что приготовить на ужин, рукав никогда не сядет хорошо. Может, я и стала Великой Мадемуазель, потому что мне некого кормить ужином?

Наверное, так и есть. Я заплатила за счастье работать счастьем иметь семью. Но доведись выбирать снова, я снова выбрала бы работу. Настоящее дело требует очень многого, поэтому, намереваясь заняться настоящим делом, будьте готовы забыть обо всем остальном, иначе не получится ни дела, ни этого остального.

Чековая книжка… У меня была чековая книжка! Стоило поставить подпись, вырвать листок и готово — любой товар мог быть оплачен.

Бой хохотал надо мной, наблюдая, как я, высунув язык, тренирую и тренирую руку, чтобы подпись получалась красивая, одновременно уверенная и изящная.

Я осторожно поинтересовалась:

— А на счету много денег?

— Достаточно. Кстати, все доходы от продаж будут перечисляться именно на этот счет. Отвыкай расплачиваться наличными.

Я снова взвизгнула от восторга.

Как же мне нравилось расплачиваться чеком… В магазинах я с важным видом объявляла о том, что заплачу именно так, и лихо выписывала нужную сумму. Знаете, это совсем иное ощущение, чем доставать из кошелька бумажные деньги, даже если тех много. Пачка банкнот не производит такого впечатления, как лихая роспись в чековой книжке.

И на душе легче, потому что отдавать купюры просто жалко, я слишком хорошо знала цену труда, в них вложенного.

Однако идиллия продлилась недолго. Именно из-за книжки у нас состоялась первая (и последняя) ссора с Боем. Вернее, он меня успокаивал, а я…

Я не задумывалась, сколько денег на счету, а потому спокойно купила роскошные лакированные ширмы от Кормонделя. Бой промолчал, просто похвалив покупку, но на следующий день, когда мы направлялись в кафе, мягко посетовал, что ему звонили из банка по поводу превышения мной кредита.

— Тебе звонили по поводу моей чековой книжки?

— Дорогая, ничего страшного, просто, когда делаешь крупные покупки, предупреждай сначала меня…

Я даже дышать перестала от понимания реального положения дел. Ему звонили… Это могло означать только одно: деньги, что есть, вернее, были на счету, не мои, а его! Бой открыл мне кредит, и я тратила его деньги. ЕГО деньги!

Дальше была настоящая истерика, причины которой Кейпел никак не мог уяснить. Стараясь меня успокоить, он уверял, что переведет на мой счет столько, сколько понадобится, что у него достаточно средств не то что на лакированные ширмы, но и на весь лакированный Париж. Будет мало — заработает еще.

И тут меня прорвало:

— Я должна зарабатывать сама! Сама, понимаешь?!

— Зачем? Возись со своими моделями ради удовольствия.

И снова истерика:

— Я думала, ты принимаешь меня всерьез!

— Конечно, Габриэль. Я просто не хочу, чтобы ты слишком много времени тратила на работу.

— А я не хочу, чтобы меня кто-то содержал. Даже ты, пойми! Я не содержанка!

Ему пришлось успокаивать меня долго. Теперь я понимала, почему Бальсан противился моей самостоятельности в Париже, а Кейпел нет. Бой оказался хитрей. Этьен не мог позволить, чтобы я работала, а деньги я бы не брала. Кейпел тоже не желал этого, но он меня перехитрил, сделал вид, что зарабатываю сама.

Быть содержанкой и не догадываться об этом! Слезы снова полились ручьем.

Закончилось все обещанием:

— Я буду много работать и осторожно тратить.

— Со вторым согласен, с первым нет.

Но я не обращала внимания на возражения.

— Я все верну тебе, Бой, до франка верну.

Теперь возмутился он:

— С ума сошла?! Ты обижаешь меня.

— А ты меня. Я хочу быть самостоятельной и сама зарабатывать на жизнь. И тебе придется с этим желанием считаться!

Некоторое время Кейпел внимательно изучал мою физиономию, потом сокрушенно вздохнул:

— Упрямая, как осел.

Чтобы не рассмеяться сквозь непросохшие слезы, я попросила, предварительно звучно шмыгнув носом:

— Лучше посоветуй, как расширить мое дело.

— Поехали на курорт.

— Я спросила, как работать, а ты предлагаешь мне отдыхать.

— На курорте не все отдыхают, дорогая. Но отдыхающие с

удовольствием тратят деньги. Тебе не кажется, что надо дать им эту возможность? К тому же в расслабленном состоянии эти деньги отдают легче.

Я даже ахнула:

— Бой, ты гениален!

Наверное, я сказала не так, но нечто похожее. Скорее всего, это было восклицание: «Черт, Бой, ты здорово соображаешь!». Кейпел поблагодарил за комплимент, но потребовал, чтобы ругательство исчезло из моего лексикона. Я поклялась. Только через много лет, когда я могла позволить себе говорить уже что угодно, оно снова вернулось, но никогда прилюдно и в адрес кого-то определенного.

Мы отправились в Довиль.

Сейчас существует много всяческих экономических школ, людей учат зарабатывать деньги, особенно это популярно в Америке, там делать деньги учат раньше, чем ходить или держать ложку в руках.

Моей школой был Довиль, а учителем Бой. Кейпелу я обязана всем, кроме своего характера. Упряма, как осел — это еще мягко сказано. Надо добавить: как самый упрямый осел. Я решила, что смогу зарабатывать сама, стану богатой и верну Кейпелу потраченные деньги, а еще у меня будет своя чековая книжка и большой счет в банке. Я уже знала, что это такое, и возможность его иметь очень нравилась. Но теперь меня не проведешь, я категорически отказывалась от денежной помощи Боя.

Публика в Довиле отчаянно скучала, старательно изображая веселье. Сначала я не понимала: неужели они никогда не скакали верхом, но не в дамском седле, а в мужском? Неужели не знают, что можно бегать, купаться, получать удовольствие от движения? Похоже, не знали.

Прогулки в автомобиле, когда главная забота не разглядывать окрестности, а удержать шляпу, чтобы ее не снесло ветром вместе с головой, медленное дефиле вдоль берега, укрывшись зонтиками от солнца, или прогулки под навесами вдоль магазинов…

Мужчины устраивали хоть какие-то соревнования, но дамы… дамы… Они являлись поглазеть на спортивные соревнования или даже простую игру в теннис разодетые, как на ристалищах XV века!

— Может, им предложить шляпки из соломки?

Бой кивнул:

— Предложи.

— Но где? Не торговать же шляпами прямо на пляже или вразнос на улице.

Кейпел долго думать не стал.

— Пойдем, я уже присмотрел.

На улице Гонто-Бирон совсем рядом с шикарной «Нормандией» и казино меня поджидало небольшое помещение, присмотренное Боем под магазинчик.

Я смотрела и не верила своим глазам. Это не квартирка Бальсана, на белых шторах, затеняющих окна от солнца, было черным по белому крупно написано: «Габриэль Шанель». Деньги у Кейпела, несмотря на все мои горячие заявления, взять пришлось. Он согласился:

— В долг. Или прими меня в дело.

Я не хотела принимать его в дело, я хотела сама. Но рисковала просто не справиться, в мастерской работали всего две девчушки, явно не имевшие понятия о ровных стежках. Пришлось спешно вызывать Адриенну и Антуанетту.

Хорошо помню, как остолбенели обе, увидев «Шанель» на шторе бутика.

— У тебя свой магазин?

— Почему шепотом? Не совсем у меня и не совсем свой, но владелица я.

Закипела работа.

Но просто ждать, когда в магазин, пусть и так удачно расположенный, толпами повалят клиентки, было невыносимо. К тому же я решила, что помимо шляп пора заниматься одеждой.

Красоту Адриенны следовало как-то использовать, да и Антуанетта была хорошенькой. В результате сестрички, как нас стали называть все, принялись прогуливаться по набережной или главной улице в моих шляпках, демонстративно заходя после этого в бутик.

Знаете, когда на улице жарко, а вы одеты в тесный корсет, множество всякой всячины и огромную шляпу, водруженную на подложку из волос, пот течет не только между лопатками, но и по лицу. Его приходится осторожно отирать, чтобы не лился в глаза. Вот когда дамы позавидовали нашим простым шляпкам безо всяких натюрмортов и чучел пернатых, без пыли и дополнительных шиньонов, шляпкам, которые можно быстро надеть и снять. Конечно, не как мужчины, которые могли запросто приподнять свои головные уборы и водрузить обратно, но хотя бы обойтись без специальной подставки со ступеньками, на которую с риском упасть и свернуть шею влезала несчастная горничная или куаферша, чтобы устроить и укрепить на волосах замученной дамы сооружение, по какому-то недоразумению именуемое шляпкой.

Зависть привела к подражанию, с каждым днем все больше

дам расхаживали по Довилю «в полном безобразии», как выразился мой главный конкурент в те времена — знаменитый парижский кутюрье Поль Пуаре. Пуаре диктовал дамскую моду уже больше десятилетия, он знал, как сделать, чтобы женщина выглядела томной, хрупкой, требующей поддержки во всем, даже при ходьбе.

А я категорически не принимала такого подхода. Какого черта я должна быть беспомощной, если вполне могу не только ходить, но и бегать, не только вздыхать, но и ругаться? Приговор Пуаре был уничтожающим: «Ни на что не годна и долго не продержится!» Мне на его мнение совершенно наплевать, а возражать просто некогда, мастерская оказалась завалена работой. Скоро пришлось нанимать еще девушек и спешно обучать их, а также закупать основы для моих необычных шляпок.

— Габриэль, почему Бой так часто ездит в Париж и подолгу там бывает?

— У него дела…

Адриенна покачала головой:

— Я слышала другое. Прости, но у него там женщины.

— Наверное, Адриенна, но что я могу поделать?

— Ты так просто сдашься?

— Я не сдаюсь, но заставлять его на себе жениться не буду. Он бросил всех своих любовниц, чтобы быть со мной, но Бальсан прав — Кейпел никогда не женится на мне.

— Ты так спокойно говоришь об этом?

— Адриенна, я старательно прячу свое прошлое, Бою тоже приходится это делать. А я напоминание из этого прошлого.

— Но теперь ты другая. Вон какая… Может, ты зря взяла к себе Андре?

Андре сын недавно умершей старшей нашей сестры Жюлии. Мы не могли оставить мальчика родственникам, и я забрала его к себе. Кейпел отдал Андре в колледж, в котором учился сам. Это было хорошо и плохо одновременно. Андре считал Кейпела своим приемным отцом, а вот меня никем, он как-то сразу отдалился, и сколько я ни пыталась завоевать доверие и любовь племянника, ничего не получалось. Словно я виновата в трагедии его матери. Боюсь, Жюлия что-то наговорила сыну обо мне, пока была жива.

У Андре благодаря мне будет все — образование, замок, деньги, должность… Я не смогла дать только семью, но этого не было и у меня самой.

В нашу жизнь вдруг вмешалась война.

Хотя Довиль от военных действий находился далеко, их

начало мы сразу почувствовали. Многих знакомых призвали в армию. Многие поторопились вернуться в Париж. Один за другим закрывались бутики, заколачивали окна «Нормандии», прекратило работать казино, Довиль пустел.

Кейпел тоже собрался на фронт. Это было страшно, но он успокоил меня:

— Я обязательно вернусь, хотя бы ради того, чтобы посмотреть, как ты станешь великой.

А еще посоветовал:

— Не спеши закрываться.

— Но заказчиц нет, все в Париже.

— Война закончится не так скоро, как всем кажется, довильские пляжи наполнятся снова. Правда, думаю, не отдыхающими. Здесь тыл, сюда побегут многие.

Главное, что я запомнила из нашего прощания: совет пока не закрываться и обещание вернуться.

Мы скучали без дела в полупустом городе. Ветер гонял по пляжу обрывки афиш и газет, и я невольно вспомнила, как выглядел в конце сезона Виши. Там тоже заколачивали окна, закрывали ставни, снимали навесы… Грустно…

Но Кейпел оказался прав, он всегда бывал прав, кроме одного — когда предпочел мне другую! Война затянулась, тыловой Довиль превратился в лазарет и пристанище для многих аристократов из восточных имений. Война согнала их с насиженных мест, заставив перебраться подальше. Тут не до штата прислуги, самим бы успеть унести ноги.

Город снова был полон, однако публика совершенно другая.

— Габриэль, там в госпитале много раненых офицеров, может, там есть кто-то из Мулена? Пойдем, навестим их…

Я ужаснулась.

— Нет!

— Почему?

— Некогда! Столько работы, что хоть самой садись на всю ночь с иглой в руках, а ты предлагаешь разгуливать по госпиталям!

Антуанетта смотрела на меня с удивлением. Она не бывала в «Ротонде», а потому не понимала, что я до смерти боюсь увидеть именно кавалеристов из Мулена. Зачем, чтобы услышать восторженное: «О, Коко! Малышка Коко, спой нам про Токадеро»?! Это было бы концом моего успеха в Довиле. Зато Адриенна поняла все, она поддержала:

— Не стоит ходить, разве что осторожно узнать, нет ли там наших…

Сестра перевела взгляд с меня на Адриенну и протянула:

— Поня-атно… Я узнаю.

Наших не оказалось, но я все равно запретила Антуанетте ходить в госпиталь, лучше пожертвовать туда деньги или отправить партию одежды для сестер милосердия.

Мой бутик оказался единственным открытым, Кейпел не ошибся. У него потрясающий нюх на заработки. Все дамы в Довиле вдруг стали моими клиентками. Как тут не развернуться? Пришлось нанять дополнительный персонал.

Но главное: клиенткам поневоле пришлось принять мои правила одежды! Наверное, мне помогла война, но в таком случае ужасная война помогла не только мне, но и всем женщинам вообще.

В госпиталь не отправишься в корсете с турнюром, громадной шляпе или с множеством оборок на блузе. Дамам, ставшим добровольными сестрами милосердия, срочно понадобились именно мои модели — простые и удобные! Каждое утро перед открытием магазина возле него выстраивалась очередь из желающих приобрести только что сшитую одежду. Однажды увидев эту почти толпу дам, переминавшихся с ноги на ногу, я распорядилась поставить скамеечки и столики. Это привело в ужас Адриенну:

— Ты хочешь открыть кафе?! Но мы и так не справляемся с работой.

— Никаких кафе, пусть просто сидят в ожидании, зато они будут мне благодарны и раскупят все с большим удовольствием.

— Ну ты и хитрая!

Деньги текли если не рекой, то вполне устойчивым ручьем, но я предпочитала не тратить, а вкладывать и вкладывать, как учил меня Кейпел. До осени, когда на фронте установилось относительное затишье, я уже имела солидный доход, но даже считать было некогда. Я не кривила душой, когда говорила Антуанетте, что завалена работой, однако клиентки возвращались в Париж, пора отправляться туда и мне. Нельзя допустить, чтобы завоеванные в Довиле позиции кто-то в Париже успел перехватить.

Пока время работало на меня, главный соперник Поль Пуаре по горло занят военными заказами, то есть успешно одевал французскую армию на свой манер, отчего она стала похожа больше на бутафорское, чем на настоящее войско, остальные еще не пришли в себя после внезапного перерыва в работе. Нужно этим воспользоваться.

Но в ателье на рю Камбон я не собиралась следовать «корсетной» моде, напротив, вынуждала клиенток и в Париже

носить то, что они надевали в Довиле. Парижу военных лет было не до скандалов в дамской моде, а женщины за время работы в госпиталях успели оценить удобство предложенной мной одежды и возвращаться к прежней не желали. Теперь многие в Париже одевались у мадемуазель Шанель. Но до настоящего успеха, до марки «Коко Шанель» было еще далеко.

И снова мне помог Бой. Он служил офицером связи, а потом был включен в комиссию по поставкам угля во Францию, на чем заработал огромные деньги. Его английское наследство заключалось в угольных шахтах, и раньше занимаясь перевозками угля, теперь он стал делать это с утроенной энергией. Мы словно соревновались, но мне его не догнать…

Война затянулась настолько безобразно, что стало понятно: с этим как-то придется считаться. Довиль больше не был приятным курортом, те, у кого имелись деньги, принялись спешно искать ему замену. Гораздо спокойней на юге, ближе к нейтральной Испании. Вспомнили про Биарриц.

Кейпел все равно находил время для меня, хотя и не слишком часто. Я понимала: война…

Он вывез меня отдохнуть в Биарриц. Чем ни Довиль? Даже лучше, Биарриц близко к Испании и далеко от войны. Прекрасная погода, красивые люди, спокойно, и казалось, войны не существует.

— Почему бы не открыть бутик здесь?

Бой дал денег для аренды виллы и закупки всего необходимого. Мои модистки с рю Камбон были счастливы перебраться на спокойный курорт подальше от госпиталей и угрозы бомбардировок. Вилла «Де Ларральд» стала моим триумфом! Шесть десятков нанятых работниц почти сразу перестали справляться с наплывом заказов. Испанские аристократки, наслышанные о парижской возмутительнице спокойствия, повалили на виллу за обновками. Одеваться так же авангардно, как в Париже, да еще и из первых рук — разве такое можно упустить, если у тебя есть деньги?

В Биарриц Кейпел испытал первый шок от моей хватки — ценники на моделях были сумасшедшими.

— Габриэль, почему так дорого?

— Ничуть! Иначе меня просто не воспримут всерьез. Я могу создавать модели, уступая требованиям удобства, но ставить на них цены, уступая чему-то, не намерена.

Впервые я дала урок Бою. Модели расхватывали почти на лету, а их немалая стоимость только добавляла шик. Иметь вещь от Шанель теперь считалось непреложным условием хорошего

вкуса.

Отдых закончился, Бой уехал в Париж, я отправилась туда же, поручив дело Антуанетте. Конечно, сестричка запаниковала:

— Габриэль, я не справлюсь!

И тут Антуанетта, наверное, впервые увидела меня в гневе.

— Прекрати паниковать и набивать себе цену! Дело налажено, клиентки есть, остается только приглядывать.

Антуанетта явно перепугалась и быстро закивала головой. Попробовала бы отказаться! Я и без того была страшно сердита на Адриенну, которая так вцепилась в своего драгоценного Мориса де Нексона, служившего в действующей армии, что одно упоминание о разрешении увидеться с возлюбленным лишило ее способности соображать. «Она приедет, но позже»… Вы такое видели?! Когда нужно работать, есть возможность развернуть дело так, чтобы оно кормило всю семью, эта влюбленная клуша предпочитает вздыхать по своему Нексону!

Даже самая лучшая несушка на птичьем дворе все равно только курица — птица, забывшая, что можно летать! Хотите увидеть мир сверху — машите крыльями, родились без них — не мешайте расти.

Вот за что еще я обожала Боя: он не только не мешал мне почувствовать эти крылья, но и помогал им окрепнуть. Кейпел не держал меня на привязи и гордился успехами.

Адриенна попыталась слабо оправдываться:

— Но ты же тоже уезжаешь к Бою в Париж…

Во-первых, от этого никогда не страдало дело, я в Париже не бездельничала, а короткий отдых в Биарриц завершился открытием нового бутика. Во-вторых, я это я и нечего на меня равняться!

Антуанетта справилась, тем более я приезжала довольно часто. Теперь у меня были бутики в Биарриц и Довиле и два ателье в Париже. Могла ли о таком мечтать Коко, выплясывающая в «Ротонде», или сиротка в Обазине, осваивающая основы шитья? Отныне шила не я, это делали три сотни моих работниц, но я придумывала, обеспечивала их работой, я хорошо платила, но строго требовала. Те, кто желал работать вполсилы или выполнял работу некачественно, изгонялись безжалостно. Одежда из ателье мадемуазель Шанель должна быть высшего качества! Постепенно это стало моей визитной карточкой не меньше, чем необычность самих моделей.

К необычности уже привыкли, удобство оценили, а то, что главный конкурент Поль Пуаре в это время терзал своими идеями французскую армию, давало мне возможность почти безраздельно властвовать в женской моде.

Когда мне говорили, что я своими идеями оставляю без работы тысячи мастериц, шьющих корсеты, я смеялась:

— Пусть приходят работать ко мне, я хорошо плачу!

Многие приходили. Выдерживали не все, но те, кто оставался, были ценны, их потом всячески переманивали к себе другие кутюрье. Мне не жалко, если работница от меня уходила, значит, она «не моя». «Мои» годами терпели все требования и мой нелегкий характер и были счастливы самой возможностью участвовать в создании не столько Большой моды, сколько очень качественной во всех отношениях одежды «от Шанель».

Однажды я вдруг вспомнила про счета. Теперь я точно знала, что даже если Кейпелу десять раз позвонят из банка, он скорее заложит все свое состояние, чем сообщит мне о превышении кредита. Бой вложил немало средств в открытие моих бутиков, как скоро я смогу вернуть ему хотя бы часть денег?

— Как у нас дела?

Бухгалтер с очень довольным видом сообщил:

— Прекрасно.

— Что в вашем понимании «прекрасно»? Что нас завтра не вышвырнут из арендованных помещений? Или что мы можем не задерживать зарплату работницам в этом месяце?

— Что вы, мадемуазель! Прекрасно это значит прекрасно, помимо оплаты аренды, зарплаты и прочих расходов у вас остаются…

Он принялся сыпать всякими цифрами и рассуждениями.

— Стоп! Скажите мне одно: какую сумму я могу снять со счета без риска для дела?

Когда он назвал свободную сумму, я просто обомлела! Мой свободный фонд превышал все, что дал за это время Бой, хватало даже накинуть проценты.

— Вы намерены купить что-то очень дорогое?

— Нет, вернуть долг. Посчитайте, сколько я получила от господина Кейпела, добавьте проценты и переведите эту сумму на его счет. Что вы на меня так смотрите, не хватит денег?

— Нет, мадемуазель, вполне хватит и еще останется. Но неужели господин Кейпел потребовал вернуть затраченное?

Я расхохоталась:

— Что вы! Просто я не хочу никому быть должной.

Несомненно, из рук в руки или даже на счет, будучи поставленным в известность, Бой деньги не взял бы, но их действительно перевели без его ведома.

Когда Кейпела о большом пополнении счета известил банк «Ллойд», думаю, он испытал удивление, смешанное с досадой. Во

всяком случае, мне высказался в таком тоне:

— Я думал, что подарил тебе игрушку, а это оказалась свобода…

Я почувствовала, что я не курица, взлетела и вижу мир сверху. Не весь, конечно, но хотя бы окрестности двора.

— Ты мечтала о независимости… Она у тебя есть.

— Еще не совсем, конечно, но уже почти.

— Теперь я тебе не нужен?

— Теперь я связана с тобой только любовью. Поверь, эта связь куда крепче.

Неожиданно у меня появилась новая клиентка, да еще какая! В ателье пожаловала баронесса Диана де Ротшильд.

Вообще-то она одевалась у Пуаре, но, обладая огромнейшими деньгами и весьма капризным нравом, частенько ставила кутюрье в неловкое положение. Она не желала приходить в его салон на примерки и показы и требовала, чтобы модели присылали к ней домой с демонстрацией. Однажды, будучи в дурном настроении, баронесса позволила молодым людям, вечно околачивающимся подле нее в ожидании подачек, раскритиковать не только сами модели, но и девушек, их демонстрирующих. Это вывело Пуаре из себя, в следующий раз он просто выставил вон все же заглянувшую к нему Диану.

И этот человек считал, что имеет право диктовать всем женщинам, что им носить? Он не сумел справиться с одной-единственной!

Оскорбленная баронесса поинтересовалась, с кем из кутюрье особенно не дружит Пуаре. Конечно, ей назвали меня. Шанель, кто же еще!

— Решено, отныне я одеваюсь у Шанель.

Она так и заявила, явившись ко мне в ателье. Тогда я еще очень не любила выходить к клиенткам, предпочитая отправлять к ним кого-то из помощниц. Но на сей раз была в салоне и увернуться не удалось. Диана де Ротшильд окинула меня любопытным взглядом с ног до головы:

— Вы Габриэль Шанель?

Наши глаза встретились…

— Да, я Габриэль Шанель, владелица этого ателье.

— Я буду заказывать у вас одежду!

Однажды я слышала, как учили дрессировать большую собаку. Наставник внушал подопечному:

— Ты должен отдать приказ «Сидеть!» таким тоном, чтобы она поняла, что если не сядет, то ляжет, причем замертво.

Ученик хихикнул, а я возмутилась:

— Если вы отдадите приказ таким тоном, то собака вас возненавидит.

Наставник снисходительно усмехнулся:

— Типично женский подход.

Но я продолжала:

— Отдавать приказ нужно так, чтобы не мелькнуло мысли, что его можно не выполнить. — И тут же спокойно скомандовала: — Сидеть.

Пес, от которого никак не могли добиться послушания, тут же сел.

Я оставила двух мужчин ошарашенно смотреть мне вслед.

Запомните, если вам нужно, чтобы выполнили вашу волю, не стоит уговаривать или кричать, достаточно просто потребовать, но так, чтобы никто не подумал, что можно поступить иначе.

Мои глаза скомандовали баронессе «Сидеть!» без малейших сомнений, и она подчинилась.

— Согласна, но я провожу примерки только в своем салоне и шью только то, что предлагаю сама. — Ротшильд смотрела мне в рот. Не давая ей опомниться, я обернулась к сопровождавшей команде: — Ваши молодые люди могут пока выйти, у меня тесно.

Молодые люди потянулись прочь из ателье. Баронесса послушно села в кресло и стала выбирать из предложенных моделей.

— А… вот здесь не надо бы… — Она почти заискивающе показала себе на грудь, явно имея в виду необходимость украсить показанную блузку какой-нибудь гадостью.

Я строго сдвинула брови:

— Украшения у Пуаре!

Не знаю, что помогло, упоминание ненавистного ей Пуаре или мой тон, но Диана быстро согласилась:

— Нет, нет, это я так…

Демонстрация закончилась полным восторгом баронессы, заказом десятка платьев и обещанием привести к «столь замечательной кутюрье» всех своих подруг. Диана слово сдержала, добрая половина моих работниц теперь выполняла заказы баронессы и ее богатых родственниц и приятельниц. Женская часть семейства Ротшильдов отныне одевалась «у Шанель».

Пуаре сначала хихикал, мол, Ротшильд ей покажет свой норов, но довольно скоро понял, что потерял многих богатых клиенток. В Париже баронесса с приятельницами сделали меня известной за неделю. Ротшильд есть Ротшильд, вскоре моими клиентками стали не только Диана с подругами…

Иногда хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что не

сплю. За несколько лет я проделала путь от никому не известной портнихи из Мулена до ведущей кутюрье Парижа! Оказалось, Париж и даже весь мир можно покорить не только пением или танцами, а доказывая женщинам, что они должны одеваться для самих себя, а не в угоду всяким там Пуаре.

И вообще, по какому праву моду женщинам диктуют мужчины? Кто-нибудь из них пытался надеть на себя то, что изобретает, и проходить хоть полдня? Уверяю вас, случись такое, со следующего утра кутюрье выпускали бы на подиум манекенщиц исключительно в пижамах!

Все шло блестяще, как вдруг выяснилось, что из-за войны и перебоев в работе фабрик запасы текстильной продукции категорически подходят к концу. В начале 1916 года это стало почти преддверием катастрофы. А я не только не могла снижать темпы, но и собиралась увеличивать производство. Из чего, скажите, тогда шить?! Эти чертовы текстильщики, видите ли, не намерены рисковать и выпускать нужное количество хорошей ткани!

Родье, у которого я покупала трикотаж, только пожал плечами:

— Но, мадемуазель, из-за недостатка качественного сырья у меня нет запасов.

— А что у вас есть?

— В достаточных объемах только джерси.

— Это еще что?

Он почти грустно вздохнул:

— Пойдемте, покажу.

Рулонами ткани, предназначенной для мужского нижнего белья, был завален весь склад. Но даже производители кальсон отказались от этого материала.

Бежевый цвет… жестковата, но ведь я не панталоны из нее намерена шить… зато такого женщины еще не видели…

— Беру все! И мне нужна еще партия…

— Нет.

— Что значит нет?!

— Эту я вам продам, но новую партию выпускать не буду. Насколько я знаю, вы шьете дамскую одежду, а ткань капризная, тянется, топорщится, вы не сможете сделать из нее ничего приличного, и партия останется лежать на складе. Увольте.

У меня даже дыхание перехватило от возмущения.

— Я не смогу?! Это вы неспособны увидеть достоинства джерси, а я прекрасно вижу! Вы вообще ни на что не способны!

Родье на крик обиделся и заявил, что пока я не выпущу из

этой гадости нечто необычное, что станет модным, он новую партию не произведет!

— Договорились, только цена будет половинной!

Похоже на пари, но не заключить его Родье просто не мог, это означало признать мою правоту.

— Согласен.

Ох и намучилась я с джерси сначала. Вообще-то, Родье был прав, ткань совершенно не желала ложиться складками, плавно следовать за линиями фигуры, а облегать талию оказалась вообще неспособна.

Если не получается как нужно, сделаем наоборот. Ну ее к черту, эту талию! Можно ходить и без нее, кстати, огромное число женщин мне еще и благодарны будут, потому что им нечего подчеркивать.

Но это оказались не все проблемы. Длинные до щиколоток платья из джерси совершенно неудобны, это не шелк, жесткая ткань не давала свободы движения. А отсутствие талии делало наряды и вовсе похожими на толстый карандаш. Не то… все не то…

Я смотрела на манекенщицу и думала, что не так. И вдруг…

— Мари, приподнимите-ка подол… выше…. Еще выше… Теперь опустите.

Дальше мои работницы с ужасом наблюдали, как я кромсаю ткань, укорачивая платье.

— Но, мадемуазель, это откроет некрасивые ноги…

— Кривые ноги не видно только под фижмами, просто под длинным платьем их не спрячешь.

— Но мужчины… — сделала последнюю попытку вразумить меня Жанна, работавшая портной.

— Вы полагаете, они не знают, что у женщин под платьем? Кто не догадывается, пусть посмотрит, остальные еще и благодарны будут, потому что не придется с грустью обнаруживать кривые ноги уже после венчания. Теперь их сразу видно.

Биарриц был потрясен: женщины получили нечто вроде рубашек с пояском в виде шарфа на бедрах. Но платье открывало не только щиколотку, оно позволяло увидеть икры ног.

Боже, какой поднялся крик! Мадемуазель Шанель пытается одеть женщин в рубашки для сна! Мадемуазель Шанель забыла стыд! Разве сможет уважающая себя женщина надеть эту гадость! Шанель создает модели под свою фигуру, не считаясь с желаниями заказчиц!

Смогли и надели. Женщинам очень понравились платья, в которых можно свободно двигаться, сидеть, даже лежать! И икры

ног они тоже готовы показать, особенно в Биарриц. И талии прекратить утягивать и подчеркивать.

Но в одном возмущенные мужчины были правы: я действительно создавала модели прежде всего для собственной фигуры. У меня не было груди, которую стоило бы выставлять напоказ, не было бедер, и я не боялась открытых ног, потому что они были стройными. Они и сейчас такие.

Оказалось, большинство женщин, уже почувствовавших вкус к активной жизни, в которой уверенно заменяли мужчин во время войны, совершенно не желали возвращаться не только в корсеты, но и в наряды, предложенные моим соперником Пуаре. Поль Пуаре тоже отказался от талии, но он думал как мужчина, а потому вытянул платье и сузил его внизу, причем настолько, что женщины могли двигаться только мелкими шажками, рискуя при малейшем резком движении порвать подол.

Пуаре мужчина, его восхищали хрупкие дамы, вынужденные ходить, опираясь на руку мужа. Такое уже было, когда корсет превращал даму в гусыню, и каждый шаг давался с трудом. Но прошло несколько беспокойных лет, женщины осознали свою власть не только как томные обитательницы гаремов, а как равные мужчинам, они не хотели назад к корсетам. Мои модели приняли очень быстро, в том же году даже в американском «Харпер Базар» разрекламировали платье-шемизье. Я победила Пуаре!

Но я победила не только Пуаре, я одержала победу над пышнотелыми женщинами! Мадемуазель Шанель не подходила под модные наряды? Пришлось моде измениться под мадемуазель Шанель.

Бой смеялся:

— Умоляю, только не оголяй женщинам колени, иначе мужчины не смогут сдерживаться и примутся хватать их даже в ресторанах.

— Вот еще!

В тот вечер я долго стояла у зеркала, приподняв платье и пытаясь разглядеть коленки. Впереди они были красивыми, но сзади… Нет, женщинам решительно нельзя открывать ноги выше икр сзади!

Еще пару дней я заставляла раздетых манекенщиц поворачиваться ко мне спиной и подолгу смотрела на их ноги. Даже у красивых девушек, имевших прекрасные ножки и приятные коленки, подколенные чашечки смотрелись плохо. Это убедило меня в идеальной длине: чуть за колено. И точка!

Я никогда от этой длины не отказывалась, ни тогда, когда Диор снова удлинил платья, ни когда мир сошел с ума и

укоротил их до полного безобразия. Женщины приняли длину мини, но они не знали один секрет: их видят не только впереди, но еще и сбоку, и сзади. Лишь у одной из ста ноги сзади на уровне колен не вызывают сожаления. Зачем это подчеркивать? Мужчина, привлеченный красивой мордашкой или полным достоинства лицом зрелой дамы, не заметит ее коленок, но обязательно оглянется, чтобы окинуть взором всю фигуру. И что он увидит? Вы уверены, что второй взгляд не испортит впечатления от первого?

Когда любовь уходит…

Никогда не клянитесь в вечной любви, она бывает только к ушедшим в мир иной. Между живущими такая невозможна, чувство все равно перерастает либо в уважение, либо в привычку, либо в ненависть. Но у каждого в жизни должна случиться сильная любовь. Хоть на несколько лет, на несколько часов, хоть на миг, но должна. Те, кто ее не испытал, — душевные импотенты.

Мы занимались делами, каждый своими, были успешны, но я с тоской замечала, что Бой все больше отдаляется от меня. Он и раньше просил выходить из ресторана врозь, разводил руками: «Прости, положение обязывает». Я не придавала этому особого значения, во мне еще жил Руайо.

В Руайо не полагалось спускаться вниз и вообще показывать нос, если приезжал кто-то из родственников или именитых гостей. Если своя веселая компания — пожалуйста, а перед остальными нет. Это очень обидно, но, понимая свое положение, я не протестовала. Тогда я была никем, просто забавная девушка с острым язычком, выше жокеев, но ниже любимых лошадей.

Теперь стала известной кутюрье, диктующей моду Парижу и половине мира, имеющей несколько магазинов и сотни работниц, богатейших заказчиц, у меня были деньги, слава, но Бой меня стеснялся, прятал нашу связь от знакомых. Советоваться с мадемуазель Шанель по поводу направления моды это одно, а воспринять ее супругой Кейпела другое? Я не его круга, я родилась всего лишь где-то там… Знал бы он еще про Обазин и сиротство…

Или это потому, что я перестала от него зависеть? Мужчины очень любят, когда женщины зависимы, это поднимает их в собственных глазах. С зависящей от тебя женщиной легче разговаривать. Неужели я зря отдала Кейпелу деньги? Какая же я дура!

Однажды, промаявшись в таких думах полночи, я решила взять у Боя крупную сумму, сделав вид, что без его помощи никак, но не тратить, а положить в банк, пусть лежит. Но главное — я решила прекратить дело! Если оно мешает мне быть

счастливой с Кейпелом, надо прекращать. С твердым намерением закрыть ателье, объявив Бою, что без него ничего не получается, отправилась на рю Камбон.

Много позже я поняла, что в то утро была в шаге от собственного краха, потому что удержать таким способом Кейпела все равно не удалось бы, а упасть в его глазах и своих собственных тоже — запросто. Открыться еще раз невозможно, клиентура разбежалась бы за неделю. А остаться без дела подобно смерти, деньги у меня были, но чем бы я занималась?

Войдя решительным шагом в салон, вдруг увидела, что подол готового платья подшит просто безобразно! Крик возвестил работницам о том, что я в салоне и все вижу. Через минуту Бой, деньги и намерение закрыть ателье оказались забыты. При чем здесь эти глупые мысли, когда у трех моделей подшивка низа никуда не годна?! Допустившая брак работница была уволена, а платья переделаны. Я бушевала не только из-за допущенного промаха, я вдруг поняла, что без вот этого всего погибну, неважно с Боем или без.

Нет, я, Габриэль Шанель, буду одевать женщин хотя бы уже потому, что без меня всякие Пуаре навяжут им черт знает что!

А Бой? Он умный, он поймет, что без дела не будет и меня тоже. И остальные поймут, что мое происхождение ничего не говорит обо мне самой.

Я ошиблась. Все поняли, а Бой нет. Вернее, он понимал, но было нечто сильнее его. Бедный Кейпел рвался на части между желанием быть со мной и быть в своей среде.

Весной 1917 года Бой сиял от счастья — у него вышла долгожданная книга «Размышления о победе». Политика меня мало интересовала, но видя, как радуется автор, я даже попыталась почитать. Поняла только, что он предлагал объединиться англичанам и французам, чтобы дать отпор немцам. Может, было и не так, утверждать не стану, мне и сейчас это не слишком интересно. Я просто радовалась за Боя, который радовался тому, что его труд не прошел незамеченным.

Пресса взахлеб писала об Артуре Кейпеле, а он, став известной личностью не только в нашем веселом кругу и среди своих деловых партнеров, всерьез задумался о будущем.

— Ты хочешь заняться политикой?

Я постаралась, чтобы вопрос звучал как можно беззаботней. Глупышка времен Муленауже уступила место взрослой женщине Довиля и Парижа. Я видела общество, в котором занимались политикой, там жили мужчины в отменных костюмах и всегда при галстуках, с моноклями, обязательной газетой в руке,

чопорные, неприступные. Позже, познакомившись с Черчиллем, я поняла, что они могут быть вполне домашними и добродушными, а тогда казались злыми и въедливыми.

Но главное — рядом с ними были дамы, которых трудно представить в Руайо. Это могло означать, что Бой тоже постарается завести таких знакомых.

— Не совсем так, хотя могу…

Смех натянутый и несколько неловкий. Пока Бой заводил интрижки на стороне, я не чувствовала угрозы. Молодой красавец не может быть верным — это я внушала себе с первого дня. У меня нет никаких прав на него, мы всего лишь любовники, а любовники всегда расстаются. И изменяют друг дружке. Пусть изменяет, а я буду верной и буду терпеть.

Это самоуничижение доставляло мазохистское удовольствие. Он неверен, а я буду верной.

Вранье самой себе помогало мало. Я верна просто потому, что никто другой для меня не существовал. А он? Я, конечно, малообразованна, но не настолько глупа, чтобы эту самую необразованность не видеть. Я могла зарабатывать много денег, быть очень популярной модисткой в Париже и во всей Европе (в предыдущем году рисунок одной из моих моделей с похвальным отзывом опубликовал даже американский журнал мод «Харпер Базар»), но мне не было места в том замечательном мире, где дамы могут вести беседы не только о длине чьего-то боа, толщине кошелька нового любовника или скаковых лошадях…

Я оставалась в мире Этьена Бальсана, а Кейпел стремился в высший свет. Я видела герцогинь и баронесс только в примерочной, а он желал целовать им ручки, беседовать о той же политике или об искусстве, в котором я пока мало что смыслила. У меня были деньги, чтобы купить виллу, но ни за какие деньги не купишь внимание и уважение тех… других… Где-то внутри зрело понимание, что для этого надо самой стать кем-то.

Знаете, насколько становится легче, когда вдруг решаешь стать не чем-то, а кем-то в этой жизни.

Бой ездил в Лондон все чаще. Можно даже сказать иначе: он реже стал приезжать в Париж. И в Париже вести себя тоже стал иначе. В прежние времена Кейпел часто выводил куда-нибудь «свою малышку», но только туда, где бывала компания Бальсана, а никак не те, в чье общество стремился сам Бой.

У Кейпела тоже клеймо незаконнорожденного, я его понимала, я же не спешила рассказывать всем и каждому о своем происхождении (кстати, именно Бой приучил меня к этому). Чтобы смыть такое клеймо хоть для детей и стать своим в высшем обществе, ему нужно жениться на знатной особе. Внешние данные

Боя, его состояние, его ум, образование позволяли это сделать.

Но это означало, что он должен покинуть меня, я мешала Бою! И чем больше он рвался в высший свет, тем сильнее я становилась грузом на ногах любимого человека. Бой перестал гордиться мной, напротив, все чаще стал прятать.

Я сама переросла общество кокоток и жокеев, но другого пока не имела. Коко Шанель оставалась пусть богатой, но все же портнихой.

Чего я ждала: что Бой представит меня не только приятелям-банкирам, когда они со своими любовницами, но и их женам и дочерям? Что он введет меня в тот круг, где каждое слово, каждый жест этикета оттачивался столетиями? Но он сам был в этом кругу всего лишь новичком. Его пустили за способность делать деньги, за воспитание, образование, ум, красоту, но дали понять, что помнят о происхождении. Бой не мог тащить за собой такой груз, как портниха с рю Камбон, сколь бы успешной эта портниха ни была.

Он рвался на части, но с каждым его приездом в Париж я с ужасом убеждалась, что моя часть становится все меньше. И приезжать стал реже. Даже если обещал… «Дела, дела, дорогая… Не скучай, я приеду».

Хорошо хоть не «вернусь».

Конечно, вокруг меня немало мужчин, я всегда выглядела моложе своих лет, к тому же умела отличаться от остальных. Но главного мужчины не было, он обещал приехать…

Бывало, что я ждала зря…

Так и в тот день…

Я опустила трубку телефона на рычаг и уставилась в зеркало. Симпатичное лицо, глаза с искорками в глубине, длинная шея… У меня очень длинная шея, много длинней, чем у большинства

женщин. Врачи сказали, что это такая особенность, но мне нужно ее беречь. Я всю жизнь берегла.

А еще роскошные волосы, которые Бой так любил распущенными. Черные, густые, я носила их заплетенными в косы и уложенными вокруг головы. Волосы даже тянули саму голову назад. Бою нравились мои волосы… Только теперь не слишком нужны, у него другие интересы, другие мысли и… другие женщины?

Я могла простить увлечения, даже измены, но простить ему обмана не могла, я знала, что за дела задержали в очередной раз Кейпела в Лондоне — он вовсю старался очаровать какую-нибудь девушку из высшего общества. Но и отказаться от Боя не могла тоже.

Слезы в глазах и отчаянье в сердце. От меня отдалялся самый главный и нужный человек. На мгновение мелькнула малодушная мысль поехать в Лондон самой, как когда-то ездила за отцом мать. Ведь, в конце концов, мать вынудила отца жениться на ней. Бой мог не жениться, я не настаивала, но пусть бы не бросал.

И вдруг я словно увидела в зеркале себя в Обазине: «Папа, ты вернешься?» Отцу нравился запах чистых волос и вообще запах чистоты. Бою тоже нравился, он вообще любил мои длинные густые волосы.

Бабушка в Мулене отрезала волосы в знак протеста…

Рука сама потянулась к ножницам.

Горничная, увидев три косы, рядком лежавшие на столике в ванной, ахнула:

— Мадемуазель?!

А я, не отрываясь, смотрела на свое отражение.

Все! Сиротки Габриэль больше не было совсем. А женщина, которая отражалась в зеркале, не боялась уже ничего. И готова диктовать свои правила всему миру. По моим правилам, человек не должен стесняться своей возлюбленной потому, она родилась не в замке или дворце, а в жалкой лачуге, не должен скрывать ее, потому что она воспитана в приюте. По моим правилам, важен сам человек, а не то, что стоит за ним.

И если, чтобы заставить мир жить по моим правилам, его надо завоевать, я завоюю этот мир. Он будет у моих ног. Вот тогда, Бой, ты пожалеешь, что потерял меня!

Вместе с длинными волосами было словно отрезано и все мое прошлое. Я больше не боялась ничего, даже одиночества.

Потом я поняла, что переоценила себя, я все же боялась — потерять Боя.

В тот вечер в театре половину спектакля пропустили. Нет, не актеры, а зрители, вернее, зрительницы. Ах, эта Шанель! Снова эта Шанель! Отрезать свои роскошные волосы… Вы только посмотрите!

Казалось, партер свернет шеи в сторону моей ложи. Я отрезала волосы в знак протеста против собственной судьбы, в очередной раз так жестоко расправлявшейся с бедной сироткой. Именно из желания даже себе доказать, что я не несчастная, несмотря ни на какие ее удары! А получилось — ввела новую моду, со скоростью лесного пожара распространившуюся по всему миру.

Через день из солидарности подстриглась Адриенна, а за ней и Марта Давелли — актриса, частая гостья в Руайо. Она примчалась ко мне, задыхаясь от волнения:

— Немедленно покажи, что ты сделала со своими волосами. Весь Париж гудит об этом!

Это было подобно эпидемии — волосы подстригли все, кто мог, даже дряхлые старухи. Нет, стриженые женщины бывали и раньше, но с них никто не брал пример, напротив, либо считали жертвами, либо откровенно сторонились.

Прочитав в газетах о повальном сумасшествии парижанок, виной которому снова непредсказуемая Шанель, Бой примчался немедленно.

— Черт возьми, а тебе очень идет такой беспорядок на голове!

Я не смогла отбросить его руку, взъерошившую мою прическу.

— Ты знаешь, об этом только и говорят. Конечно, англичанки не последовали…

Договорить не успел, я фыркнула, точно кошка при приближении пса.

— Мне плевать на англичанок!

Он проглотил мой выпад.

— Но у меня действительно не было времени… Столько дел…

— Охотно верю, играть в поло с одним политиком, бывать на уик-енде у другого…

Бой чуть натянуто рассмеялся:

— Ты права, эти светские обязанности столь утомительны. Но они нужны для дела…

Очень хотелось спросить, нашел ли он невесту, но вот тут язык мой прилип к горлу намертво, я была не в состоянии поинтересоваться, когда он бросит меня окончательно. Бой продолжал демонстрировать воодушевление:

— Как твои дела?

Кейпел снова уехал, и снова надолго.

А я познакомилась с Сертами, хотя настоящей подругой Мися Серт стала не сразу. Да и что это была за дружба…

Но она открыла мне двери во многие богемные дома Парижа и со многими познакомила. У Боя свое общество в Англии, у меня свое в Париже. Мне не было доступа в его, его без моего согласия не приняли бы в моем. Когда писали о тех, с кем общался Бой, сообщали о герцогах и герцогинях, которые пили чай там-то и сказали то-то. Когда писали о моих, рассказывали о спектаклях, выставках, акциях, о жизни богемы Парижа, среди которой я довольно быстро стала своей.

Бою Серты и богема не понравились, однако на сей раз

(впервые) мне было наплевать!

Удивительная ситуация, но для тогдашнего общества Кейпела подошло бы то, что я так яростно отвергала и переделывала. Там продолжали носить корсеты и прикрывать лица не зонтиками из китайской соломки, а огромными шляпами. И вовсе не потому, что до Лондона мода доходила позже, а потому, что показать щиколотку или отказаться от затянутой талии все еще считалось неприличным.

Конечно, немного погодя и Англия переоделась и подстриглась, но в тот момент еще нет. И вот тут я почувствовала себя выше английских леди, вокруг которых увивался Кейпел.

— Какие они отсталые! Представляете, Мися, Париж уже месяц ходит с короткими волосами, а Лондон еще только раздумывает, стричь или нет!

Сама Мися даже не раздумывала, она долго ходила с узлом на затылке, но Мися Серт принадлежала к богеме Парижа и лондонских снобов не любила, а потому была моей моральной поддержкой против хищниц, положивших глаз на Боя по ту сторону Ла-Манша.

Довольная мелкой местью, я приободрилась. Вот так-то, Бой! Я делаю моду в Париже, а значит, по всему миру!

Но ни введенная мной мода на короткие стрижки, ни поддержка Миси не заставили Боя отказаться от мысли жениться на аристократке.

И как бы я ни страдала, помешать этому не могла. Вернее, был один-единственный способ, тот, к которому прибегла когда-то моя мать и к которому прибегают ежегодно, ежедневно тысячи других женщин: родить ребенка. Будь у меня ребенок, Кейпел не посмел бы меня бросить. Но ребенка не было, а Бой все больше отдалялся.

Любившие хотя бы единожды женщины меня поймут. Я могла сколько угодно убеждать себя, что рано или поздно это должно случиться, что Бой не будет со мной всегда, что пора бы самой положить конец этим отношениям, отпустить птичку на волю, не стоит за него цепляться, все, что могло быть хорошего, уже произошло…

Могла. И убеждала. Разумом все понимала, даже старалась вытащить из памяти случаи наших ссор, раздувала до гигантских размеров обиду за любую неудачно сказанную фразу, цеплялась к поступкам, словам, взглядам… Твердила себе, что он меня давно перестал любить и просто жалел, что в душе даже презирает. Выдумывала за него то, чего Бой никогда не говорил.

Я перепробовала все, но стоило увидеть эти зеленые глаза,

как я тонула в них, не оказывая никакого сопротивления.

Кажется, и он тоже. Вдали от меня Кейпел сам себе казался уверенным и почти чужим, но всегда возвращался, с первым прикосновением и поцелуем забывая обо всех других женщинах, о своих друзьях-лордах, о политике и об осторожности. Рядом со мной Бой принадлежал только мне, и отказаться от этого обладания было выше наших с ним сил.

Бой создал меня, без него не было бы Коко Шанель, была бы только забавная Коко. Конечно, он ничего не смог бы сделать, не будь я сама к этому готова, не будь у меня строптивого характера и желания стать кем-то.

Он меня создал, но не смог пойти до конца — показать свою работу всему миру. Когда понадобилось выйти в свет софитов, он оставил меня за кулисами, побоявшись свиста осуждения. Кейпел стеснялся своего создания перед своими друзьями, он слишком амбициозен, чтобы связать свою судьбу с простой портнихой.

Иногда я задумывалась, зачем вообще нужна ему? Сначала он влюбился, вероятно, именно в мою непохожесть, к тому же Бою не нравились пухлые дамы, он, например, недолюбливал Мисю не только за ее привычку лезть в чужую жизнь, но и за полноту.

Я оказалась благодатным материалом для перевоспитания. Когда выяснилось, что просто содержанкой быть не желаю, Кейпел стал лепить из меня успешную женщину. Он мог вылепить что угодно, но я все равно не подходила ему в качестве жены именно потому, что была не его круга. Решительный в делах, в спорте, даже в политике, он не мог решиться на мезальянс.

Понимала ли я это? В глубине души да, но старательно прятала сама от себя такое понимание. Найдите женщину, которая не цепляется за малейшую надежду, что любимый человек на ней женится. Если даже не женится, то пусть остается холостым, только чтобы не доставался другой!

И вдруг… Нет, так сразу в это поверить просто невозможно, нужно подождать. Сколько? Месяц, лучше два, чтобы быть в полной уверенности.

Я решила пока не говорить о своей беременности. Не только ему, вообще никому. Хотелось спрятать свою счастливую тайну глубоко-глубоко. Пыталась представить радость Боя, когда скажу, что ношу под сердцем его ребенка, и даже закрывала глаза от счастья, чтобы оно не выплеснулось на весь мир. Нет, это мое счастье. Пока только мое, но скоро я поделюсь им с самым любимым человеком в мире. Бой будет первым после меня самой, кто узнает эту новость…

Я уже не сомневалась и готова сообщить.

Но не удалось. А потом оказалось поздно.

— Габриэль, я хочу поговорить с тобой…

Он не мог решиться, но еще до того, как Бой произнес следующее слово, я все поняла сердцем.

— Ты женишься?

Почувствовал ли он облегчение оттого, что я произнесла это сама? Конечно.

Я сумела сохранить достоинство, хотя хотелось закричать, наброситься на него с кулаками. Я так старательно пряталась от понимания, что рано или поздно это случится, закрывала уши, когда слышала о его изменах… убеждала себя, что это дела не пускают Боя в Париж… все сознавая разумом, старательно искала ему оправдание. Даже сейчас искала.

И почему-то не мелькнула мысль сказать о ребенке. Нельзя, ему и так слишком трудно, ситуация невыносимая, я должна Бою помочь.

Самый замечательный мужчина, сознавая, что поступает по отношению к любимой женщине подло, становится трусом. Кейпел как все, он воспользовался моим великодушием и поторопился уйти. Я не держала, боялась расплакаться, зареветь в полный голос, закричать, завыть от причиненной боли.

Интересно, почему Бой удрал, ведь уйти должна была бы я — это я жила в его квартире. Наверное, чтобы не объясняться со мной дальше, мой неверный любовник смылся, позволяя мне самой решить, как быть дальше. Знал бы он, что за выбор предстоит!

Позже я много раз думала, что было бы, признайся я первой. Даже не так: знай он о будущем ребенке на месяц, на полмесяца раньше. Может, Бой не сделал бы предложение Диане?

Нет, мужчину нельзя привязывать к себе таким способом, Кейпел, может, и не сделал бы предложение Диане Листер, но я его потеряла наверняка. Я не унизилась и ничего не сказала Кейпелу, совсем ничего. Доказывать, что это его ребенок? Я действительно решила все сама, по крайней мере, сначала, а потом за нас решила судьба.

Два дня ревела без остановки, страстно желая, чтобы Бой пришел и все это увидел, и одновременно боясь его появления. Но Кейпела не было, самый замечательный мужчина в мире боялся женских слез и объяснений. Он нанес удар и оставил меня с раной в сердце выживать. Хотя, если бы пытался утешать, было еще хуже.

Я лелеяла свое горе, упиваясь им в одиночестве, вспоминала

каждый прожитый вместе с Боем день, каждую его фразу, его улыбку, его голос, его запах… Травила сама себя воспоминаниями, как иногда травят рану, чтобы до конца, чтобы взвыть от боли, когда та станет уже непереносимой. Я выжигала своим страданием все внутри, хотелось оставить только пепел, нет, и его развеять.

Но оказалось, что я НЕ МОГУ изгнать Боя из своего сердца, как бы ни старалась, и если он вдруг войдет в дверь, брошусь ему на шею. Я была согласна просто ждать его, ждать появления хоть на день, хоть на час… Только бы знать, что он обо мне помнит. Я согласна унижаться…

Возможно, мысль об унижении заставила меня встряхнуться: какого черта! «Гордые люди не плачут!».

— Мися, мне нужна другая квартира.

— Ты наконец-то уходишь от своего красавчика? Слава богу! Давно пора.

Я переехала, а через несколько дней начались бомбардировки Парижа. Снаряд попал в церковь Сен-Жерве, и обрушившаяся крыша погребла под собой более восьмидесяти человек, а еще две сотни остались калеками. Теперь никто и нигде не мог быть застрахован от внезапной гибели. Возможно, это заставило перестать лить слезы, начав работать.

Результат работы, который тоже вошел в моду, увидели скоро.

Вой сирен по вечерам заставлял женщин набрасывать на себя что попало и бежать в убежища или хотя бы спускаться на нижние этажи зданий, потому что снаряды пробивали только верхние. В чем, спрашивается, бегать, в ночных сорочках?

Я вспомнила пижаму Бальсана, в которой подолгу расхаживала по комнате по утрам. Вполне удобно, только шить нужно соответствующего размера и из дорогой ткани. Уже через неделю дамы во время воздушных тревог щеголяли в бордовых или белых атласных пижамах. Всем так понравилось… Ох, уж эта Шанель!

Однажды я обратила внимание на то, как вымокла клиентка, потому что ей пришлось идти под дождем.

— А где ваша машина?

— Механика мобилизовали сегодня утром, пришлось идти пешком.

Механик… дождь… Память услужливо восстановила прорезиненную ткань, не пропускающую воду. Через час я сама уже мчалась к поставщику:

— А другого цвета, кроме черного, ее сделать можно?

Тот усмехнулся:

— Хоть в лиловом. Мадемуазель намерена шить из этой резины вечерние платья?

— Только не лиловый! Розовый, голубой, белый…

Париж, а за ним и весь мир был поражен новизной идеи: сшить из прорезиненной ткани плащи для женщин. Прошло совсем немного времени, и дождевики с большими удобными карманами носила уже половина мира. «Удобно, черт возьми!» — этот возглас мужчины мне понравился больше всего. Наконец-то люди стали думать об удобстве одежды, а не только о ее вычурности.

Но чувствовала я себя хуже и хуже, если честно, болело все. Однажды Надин де Ротшильд, вдоволь налюбовавшись моим бледным видом, объявила, что нужно немедленно пройти курс восстановительного лечения. На сей раз я подчинилась Надин, заявившей, что она едет в Изёр в клинику Юриаж, чтобы поправить нервы, и требовала ехать с ней:

— Горы, воздух и никаких волнений. Временами нужно устраивать себе такой отдых.

Спросить бы, от чего устает Надин, но я не стала.

Отдыхать в Биарриц или Довиле не хотелось вовсе, это было слишком больно. Может, и правда поехать туда, где ничто не напоминает о Бое? К тому же мой животик уже заметен, а давать повод для сплетен и пересудов не хотелось.

Изёр действительно прекрасное место, там оказалось тихо, как-то очень чисто и свежо. Но мне вовсе не хотелось в больничную палату, мы сняли виллу с замечательным названием «Вилла садов», к нам присоединился Анри Бернштейн, а потом и его очаровательная супруга Антуанетта, с которой я была знакома по Довилю. Мы очень подружились, каким-то внутренним чутьем Антуанетта поняла, что спрашивать меня, где Кейпел, не стоит (а может, супругам на это намекнула Надин?).

И все-таки не помнить о нем я не могла, но осмотревший меня доктор Фор был очень недоволен:

— Лежать, лежать и лежать. Если и гулять, то только медленным шагом. Вы можете потерять ребенка.

И снова хотелось кричать от несправедливости. Как это «потерять»?! Это единственное, что у меня осталось после Боя. Нет, конечно, осталось еще основанное нами дело, но ребенок… Я гуляла медленным шагом в широченной пижаме.

И все равно… Акушерка ничем не могла помочь, доктор Фор тоже.

— Мадемуазель, вы делали когда-нибудь аборт?

— Да…

— Это был первый ребенок? Вас предупреждали, что это опасно?

«Придет время, и ты горько пожалеешь о своем решении…» Старая акушерка в Мулене была права, я пожалела. Горько. Только исправить уже ничего нельзя.

— У вас больше не будет детей, мадемуазель. Скорее всего, не будет.

Вот так мой тогдашний выбор догнал меня через много лет. Тогда я выбрала возможность стать кем-то, лишив себя возможности стать матерью.

Боя не было, ребенка от него тоже… никого не было и ничего. Конечно, рядом суетились так и не узнавшие в чем дело приятельницы, вовсю ухаживал Бернштейн, позже нам даже приписали из-за этого роман, гуляли отдыхающие, умопомрачительно пахли розы, было красиво и спокойно, а я не могла выбраться из состояния мрака. Тогда я еще не знала, что будет гораздо хуже.

Удивительно, но дружба с этой парой помогла мне понять, как вести себя с Боем. Мы с ним не могли не встретиться, Париж хоть и велик, но не безразмерен. Рано или поздно наши пути пересекутся, нельзя же вечно прятаться, что тогда?

Анри Бернштейн честно признавался, что наставляет жене рога, но делает это «из любви к искусству». Антуанетта от этой «любви» и этого «искусства» страшно страдала. Глядя на красавицу Антуанетту, муж которой ухлестывал за всеми подряд, я пыталась понять, что делала бы на ее месте. Вырвала ему остатки волос? Выцарапала глаза? Или просто ответила тем же? Но отвечать тем же можно, только если не любишь.

Антуанетта старалась не бывать там, где ее супруг мог встретиться с любовницей. Глядя на нее, я сознавала, насколько это глупо. Но понимала и другое: я никогда не смогу не только забыть, но и даже отказаться от Кейпела. Если он снова появится в моей жизни, даже будучи женатым, я приму. Любовь сильнее, можно сколько угодно злиться, страдать, можно загрузить себя работой, распланировать все, но только не взгляд зеленых глаз, в которых тонешь без сопротивления.

А еще я знала, что никогда не скажу о потере ребенка. Это мой секрет, моя тайна, в которую даже Бою нет доступа. Должно же быть и у меня что-то. Странно, но наличие этой тайны делало меня сильней.

Однако произошло то, чего я опасалась. Женившись, Кейпел довольно скоро вернулся в Париж и словно забыл о существовании супруги. И я приняла своего женатого любовника!

К этому времени ателье было не просто расширено, пришлось купить целый особняк на рю Камбон, неподалеку от предыдущего. Этот дом № 31 навсегда станет моим рабочим Домом. Я купила авто — роскошный «Ролле» с черными кожаными сиденьями, модницы тут же подхватили идею и из обивки салонов авто быстро исчезли бархат, кружева и прочая дрянь, осталась только кожа, и желательно черная! Для повального подражания мне уже не требовались какие-то усилия, а для покупок кредиты или помощь Кейпела, я встала на ноги.

А еще арендовала виллу «Миланез». Этого поступка не понял никто, потому что, работая в городе, было крайне неудобно каждый день приезжать на улицу рю Камбон с виллы. Только Мися безнадежно махнула рукой:

— Опять этот Кейпел!

Она была права, «Миланезу» я сняла по совету Боя. Ему очень хотелось видеться со мной, но позволить компрометировать себя в Париже Кейпел не мог, как-никак женатый человек.

Это был очень тяжелый год, невыносимо тяжелый для меня. Но если бы можно вернуть, то я согласна жить так тяжело всю жизнь, только бы Бой был рядом.

Кейпел приезжал на «Миланезу» и уезжал, а я ждала. Когда звук мотора его машины затихал вдали, бросалась в спальню и

рыдала навзрыд. Злилась, ругала себя на чем свет стоит, клялась, что больше не пушу его на порог, твердила, что нельзя быть такой тряпкой, нельзя так унижаться, совсем не иметь гордости… В конце концов решала, что перееду в Париж и больше не буду видеться с Кейпелом!

Но не переезжала, тянула и тянула, прислушиваясь, не гудит ли мотор на дальней дорожке, а возвращаясь сама, с замиранием сердца ждала, когда покажется подъезд к дому — вдруг там стоит его «Даймлер»? Я боролась сама с собой очень долго, пока не осознала, что проигрываю эту борьбу, что не могу без Боя, просто не могу!

Я делала все, чтобы он этой борьбы не видел. Кейпел умен и чуток, конечно, он все прекрасно понимал, но ему тоже удобно, чтобы я не подавала вида, как тяжело. Даже самые сильные мужчины бывают совершенно беспомощны в сердечных делах. Он зарывался головой в песок, как страус, только бы ничего не решать.

— Твоя супруга носит вот это?

— Нет.

— А это?

— Нет.

— Почему? Хочешь, я сошью ей самый модный костюм?

Негоже супруге Кейпела ходить в старомодных платьях.

— Она беременна.

Вот это удар! Но я его выдержала, почти радостно заявив:

— Отлично! У тебя скоро будет наследник? Хорошо, я сошью ей платье для беременной.

Диана родила в апреле, но не наследника, а девочку. Бой был разочарован, я бодро обнадежила:

— Ничего, вы еще молоды, попробуете еще раз, еще десять раз.

Но главное, чем я сознательно травила Боя — воспоминаниями о наших счастливых днях и своим «жизнелюбием». Только я знала, чего мне это стоило, улыбчивая, почти озорная в присутствии Боя, на рю Камбон и даже без него в «Миланезе» я становилась ужасной. Любимое Мисино выражение:

— Ты похожа на собаку, готовую всех перекусать.

Она права, меня останавливала только невозможность сделать это. Сколько раз хотелось крикнуть:

— Бой, мне плохо без тебя, очень плохо! Не уезжай!

Но я понимала, что уедет, и травила душу ему и себе:

— А помнишь, мы в Руайо…

Он должен почувствовать, что потерял.

Бой почувствовал, их с Дианой отношения быстро разладились. Была ли я тому виной? Наверное, но не каюсь. Эта женщина забрала у меня положение супруги Кейпела, но она была не в силах забрать сердце Боя. Знала ли Диана о моем существовании еще до их свадьбы? Думаю, да, потому что Шанель — это уже имя. Я прекрасно видела, каково ему, но испытывала мстительное удовольствие при мысли, что Бой все равно принадлежит мне.

Я сходила с ума от боли, от тоски, от любви и ничего не могла поделать. Он тоже. Нет, Кейпел как раз мог, но не делал. Не делал или не хотел делать? Я так и не узнала ответ на этот вопрос.

В декабре 1919 года у машины, на которой любил гонять Кейпел, по дороге в Канны на полном ходу лопнула шина…

Зачем он ехал на побережье? Кто-то говорил, что ради свидания с женой, которая ждала его в Каннах. Кто-то, что он собирался с ней развестись. Я не задавала вопросов, что хотел сказать, Бой говорил сам. К чему заставлять человека лгать или прятать глаза?

Мне он обещал, отметив Рождество, вернуться до Нового года.

Обещал вернуться…

Я не видела погибшего Боя, видела только искореженную машину. «Он погиб сразу, не испытывая страданий…» Это хорошо.

То, что не поехала на похороны, позволило оставить в памяти живого Боя, а не бледный труп, вытянувшийся, словно на последнем посту. Бой остался жив… только он где-то там… он обещал вернуться…

Как это страшно, когда любимые тобой люди обещают вернуться и уходят навсегда!

Свет померк, жизнь закончилась. Это действительно было так. Не стало человека, надеждой на короткие встречи с которым я жила уже долгое время. Бой для меня больше, чем любовник, он заменил того самого отца, которого мне так не хватало, он был старшим братом, наставником, моей опорой и поддержкой. Я давно встала на ноги, могла сама поддержать кого угодно и много поддерживала, но мое сердце безраздельно принадлежало Бою.

Спальню в «Миланезе» обили черным крепом. Всю, даже потолок, если Боя больше нет, я решила похоронить себя тоже.

Но в первую же ночь, устроившись спать на черных простынях под черным пологом в окружении черных тканей на стенах и потолке, не выдержала, позвонила камердинеру:

— Жозеф, вытащите меня из этой могилы!

На следующий день обивку заменили на розовую, правда, совершенно зря, потому что жить там, где ждала Кейпела и мучилась, оказалось выше моих сил.

У меня осталась только работа, потому что сестры, каждая по-своему, устраивали семейную жизнь. Антуанетта вышла замуж еще летом (Бой даже был свидетелем на ее свадьбе), я устроила ей шикарную свадьбу и дала хорошее приданое. Замужество оказалось неудачным, семья ее канадского мужа сидела без гроша, саму Антуанетту совсем не воспринимали, им казалось эксцентричным то, что женщина смело одевается и предпочитает зарабатывать на жизнь.

Закончилось все бегством Антуанетты из Канады в Аргентину с ее новым увлечением. Но и это увлечение вышло боком, аргентинцу были нужны деньги, а не жена. Я поручила сестричке представлять фирму «Шанель» в Южной Америке, как раньше в Канаде, но Антуанетта не справилась ни там, ни там. Мы так и не узнали, от чего же действительно она умерла — от «испанки» или просто покончила с собой.

Больше всего я мысленно ругала Антуанетту за нежелание вернуться. Может, она и желала, но не могла?

Адриенна все никак не могла заставить своего Мориса де Нексона решиться на брак. Они жили вместе, как муж и жена, но пока был жив отец Мориса, Адриенне стать баронессой не грозило.

Может, это проклятье нашей семьи — неудачные или вообще невозможные замужества? Я ненавижу свадебные наряды и никогда их не делаю, последним было платье Антуанетты.

Было очень странно услышать, что Артур Кейпел упомянул меня в своем завещании. Что это, неужели он догадывался о своей близкой смерти?! Ужаснувшись такой мысли, я не обратила внимания ни на сумму — 40 000 франков, ни даже на то, что такую же сумму получила еще одна женщина-итальянка. Какая теперь разница, если самого Боя больше не было?

Жить там, где все напоминало о нем, я не смогла, купила другую виллу — «Бель Респиро». Была ли на ней счастлива? Была, насколько может быть счастлив человек, потерявший единственную в жизни любовь.

Серты

Мы любим людей за то хорошее, что сами им сделали, а еще за их недостатки, которые не замечаем у себя. И наоборот, собственные минусы, если их не удается побороть, у других кажутся просто гипертрофированными.

Мне было за что любить Мисю, а ей меня.

В Мисе недостатки переплетены с достоинствами, словно клубок змей, и задеть хоть что-то без риска для жизни невозможно. Зато учить меня жить Серты могли долгие годы, не делать деньги, этому я научилась у Боя, а получать удовольствие от жизни. Серт был моей Сорбонной, где еще бывшая выпускница приюта в Обазине могла набраться знаний?

Когда ученица стала опережать учительницу, дружба превратилась в общение двух скорпионов в закрытой стеклянной банке. Но если бы нас попробовали разъединить, мы скорее покусали спасителя, чем согласились на это.

Наверное, наша дружба просто не могла не состояться.

В своих воспоминаниях Мися умудрилась написать глупости обо мне, получалось, что всем, чего добилась после Боя, я обязана именно Мисе. Пришлось потребовать выкинуть из книги любые упоминания моего имени!

Друзья говорили, что в ее книге есть все, кроме самой Миси. И правда, в ней подруга такая, какой сама хотела бы себя видеть.

Но Миси и так слишком много и в моей жизни тоже, чтобы допускать ее еще и хозяйничать в воспоминаниях.

Я благодарна Сертам за то, что научили меня многому и со многими познакомили, но добилась я всего сама. Мне ничего не давалось в жизни просто так, за все приходилось платить. И только Бою любовью, остальным чаще всего деньгами. Судьбе за свой успех и право делать любимую работу я заплатила одиночеством.

Мы познакомились с Мисей у Сесиль Сорель.

В то время у Боя появилась новая игрушка — книга. Нет, я не ревновала Кейпела к его занятиям, старалась не ревновать. Просто, когда наступали такие времена, он забывал обо мне. Приходилось развлекать себя самой.

Ужин у Сорель не был ни замечательным, ни утонченным.

Наслышанная о необыкновенной обстановке в ее доме, я ничего такого не увидела, напротив, то и дело натыкалась на то, что мне категорически хотелось бы изменить. Прежде всего сорвать со стола золотистую скатерть из тафты со следами прежних застолий и постелить вместо нее белоснежную полотняную. Снять потраченные молью леопардовые шкуры с окон, застелить составленный из осколков зеркал пол и просто вытереть застарелую пыль, лежащую толстым слоем на всем, чего не касались локти гостей.

Но ни пыль, ни дыры от моли, ни жирные пятна на золотой тафте саму Сесиль не смущали, как и моего соседа — огромного, черного, совершенно заросшего человека, который с первой минуты объявил, что у меня прекрасный голос и я обязательно скоро выйду замуж. Если бы он добавил, что за Кейпела, я бы его расцеловала. Не добавил.

Соседом по столу оказался Хосе-Мария Серт, художник и столь давний любовник Миси, что все считали их семейной парой.

Пара была потрясающая. Если у меня отрезанные волосы остались лежать на туалетном столике в ванной, то у Серта они явно решили покинуть голову добровольно, но, немного спустившись с привычного места, почему-то передумали. Теперь черными волосами оказался покрыт абсолютно весь Серт до кончиков пальцев, исключая темя и затылок. Но это черноволосое чудовище было неимоверно обаятельным.

Жуткий обжора, в один присест съедавший столько, сколько в меня не поместилось бы и за неделю, страшный сибарит, считающий и успешно внушавший остальным, что он гений, вечно не имевший денег, но живший в роскоши, Серт широко использовал главный свой талант — любить жизнь во всех ее проявлениях.

Не менее примечательной была и Мися, тогда еще Эдвардс по фамилии ее второго мужа, с которым, правда, красавица развелась.

Внешне она казалась полной противоположностью мне самой — пышная, мягкая, светловолосая, с царственной осанкой и манерой вести себя, страшно разговорчивая, подавляющая всех и все. Мися того времени для Парижа королева, благодаря второму замужеству с Эдвардсом она была когда-то богата, любила открывать таланты и обожала, когда ей выражали за это благодарность. Везде царить могла только Мися!

Кто еще рискнул бы заткнуть уши, слушая Карузо: «Ах, перестаньте, я уже устала от ваших неаполитанских песен!» Это не кокетство, Мися действительно могла устать и не постеснялась

сообщить об этом гениальному певцу.

У Миси нашлось много общего со мной, но это общее оказалось таким различным. Она родилась в Санкт-Петербурге, куда мать приехала, пытаясь усовестить ее загулявшего отца! Усовестить не успела, родив Мисю, скончалась. Воспитывали девочку родственники, а потом она была, как и я, в монастырской школе.

Но какая разница! Ее обитель находилась в Париже и за Мисю щедро платили.

Первый брак состоялся с кузеном Тадом Натансоном. У Натансона ее сманил влюбившийся до беспамятства газетный магнат миллионер Альфред Эдвардс. По рассказам Миси, Эдвардс был совершенным чудовищем, правда, обеспечившим супругу деньгами, драгоценностями, мехами, яхтой и еще много чем, в том числе положением в свете, но взамен требовавшим абсолютной преданности. Жить в золотой клетке Мисе показалось скучно, на ее счастье, муж влюбился в актрису Женевьев Лантельм и дверцу Мисиной клетки открыл.

Красавица поспешила упорхнуть. Эдвардс поступил с ней вполне порядочно, предоставив солидную ренту, чтобы не поднимала шум. На эту ренту вполне прилично жили Мися с ее любовником Хосе-Мария Сертом. Ко времени нашего знакомства Хосе и Мися были вместе почти десять лет — срок достаточно долгий даже для брака. Но они действительно любили друг друга, позже обвенчались и жили вместе, разведясь, только когда Серт полюбил Русию.

У Миси длинный набор имен, она Мария София Ольга Зинаида Годебска, Мисей ее звали, как меня Коко, просто по-приятельски, но поскольку в приятелях ходил весь Париж, это имя стало основным. Поль Моран назвал Мисю «пожирательницей гениев, влюбленных в нее». И это правда, тигрица и пушистая кошечка одновременно, Мися была вероломна, капризна, просто опасна, но она царила.

В меня Мися вцепилась буквально с первой минуты, а поскольку считалось, что она нюхом чувствует гениальных людей, это добавило любопытства ко мне со стороны остальных.

Кейпелу ни Мися, ни Серт не понравились категорически, подозреваю, что здесь примешивалась ревность, он чувствовал, что под влиянием такой подруги я стану менее покладистой и терпимой. Это было время, когда сам Кейпел уже собрался жениться, но упускать меня не хотел.

По-настоящему мы с Сертами стали общаться уже после смерти Боя, они вытащили меня из небытия черных комнат, заставили увидеть, что даже со смертью Кейпела жизнь не

закончилась. Мы подружились навсегда, хотя более разных людей, чем я и Мися, встретить трудно. Говорят, противоположности притягиваются. Наверное, так.

Мися не скрывала, что она содержанка, обожала деньги, но считала, что женщину обеспечивать ими должен мужчина. Работать самой? Тыс ума сошла?!

Для меня это абсолютно неприемлемо. Деньги я обожаю просто потому, что они дают свободу, свободу жить как мне хочется, помогать тем, кому я хочу, чувствовать себя в безопасности.

Для Миси жизнь просто игра, в которой ей обязаны предоставить все, что она пожелает. Мися действительно все получала играючи. Я за все боролась и за все расплачивалась. Мися не считала зазорным принимать помощь и даже требовать ее, я старалась вернуть все полученное сторицей.

Серты вытащили меня из небытия, когда погиб Бой. Нашлись те, кто говорил, мол, Мися просто вампир, ее привлекает чужое горе из-за сильных эмоций. Потом я поняла, что так и есть. Мися очень любила, когда рядом страдали, она готова отдать буквально все, чтобы… страдали еще дольше.

У Сертов я услышала имена, которых раньше не знала, со многими познакомилась. Большинство разговоров шло о скором возвращении из Швейцарии Игоря Стравинского. Я помнила рассказы о скандале из-за его «Весны Священной». Мися произносила это имя с придыханием:

— Ах, Стравинский!.. Дяг обещает, что они вместе сделают «Пульчинеллу», а оформлять спектакль будет Пикассо!

Дягом Мися звала своего близкого приятеля Сержа Дягилева, чьи «Русские сезоны» будоражили Париж уже который год. По ее словам выходило, что вот-вот, совсем скоро в Париже начнется нечто невообразимое, потому что столько гениев начнут творить сообща. И все под ее крылышком.

Я уже прониклась и чувствовала, что благодаря Мисе попаду в общество талантливейших людей. Так и было, именно она познакомила меня с Дягилевым и со всей труппой «Русского балета». Дягилев, Стравинский, Нижинский, Лифарь… Пикассо, Кокто, Бакст, Реверди… Достойная компания для той, что десяток лет назад считала «Ротонду» замечательным местом!

Но до этого мы еще совершили путешествие, возродившее у меня интерес к жизни.

Мися и Хосе-Мария решили оформить свои отношения, длившиеся уже двенадцать лет. Позже Мися сказала, что это было

началом конца, мол, если бы не сделала этой глупости, Серт не встретил бы другую. Но, сказав это однажды, она никогда не повторила таких слов. Мися не любила признаваться в чем-то, что разрушало созданный ею самой образ самой себя.

Я не люблю свадьбы и постаралась сделать все, чтобы на нее не попасть, но от их свадебного путешествия отвертеться не удалось. Серты отправились в Италию и просто закинули меня в машину вместе с собой! Вообще-то, я терпеть не могу, когда со мной так поступают, позже мы с Мисей не раз ссорились именно из-за вмешательства в мою жизнь, но в те дни была слишком пассивна, чтобы сопротивляться.

И не пожалела. Потому что Серт это Серт!

Я никогда не считала его собственную мазню гениальной. На огромных фресках (Серт обожал все монументальное) огромные люди поигрывали огромными мускулами. Почему-то сразу вспоминались фальшиво благородные разбойники. Неестественно бугристые торсы, руки, ноги лично меня отталкивали, кажется, и Мисю тоже, но она снисходительно шептала:

— Сделай вид, что тебе нравится. Мужчинам так приятно, когда их хвалят…

В своей книге, как и в разговорах «на людях», Мися тоже твердила, что Серт гениален. Возможно, не спорю, только мне куда больше нравилось другое его умение. Хосе-Мария Серт был гениальным экскурсоводом, я не уставала это повторять всегда. Никто лучше него не умел рассказывать о картинах, фресках, художниках, скульпторах… Создавалось впечатление, что Серт лично знаком с Рафаэлем, присутствовал, когда писал свои полотна Веронезе, а Тинторетто на ушко делился с ним секретом своего лака…

Уметь поведать обо всем так, чтобы картина стала живой и дорогой тебе лично, могут немногие. Серт умел. Столько, сколько я узнала за время путешествия, не всякому дано узнать за целую жизнь. Конечно, далеко не все запомнила, но Серт заложил основу, потом я много раз приезжала в Италию и смотрела уже сама. Это очень важно — показать человеку творения рук человеческих не как музейный экспонат, а как пример чьей-то гениальности, обращенный именно к нему, написанный, высеченный из камня, нарисованный на стене или куполе только для того, чтобы именно он увидел, понял, оценил… «Родство» с чьим-то творением мне кажется самым важным.

Мешало только одно: жутчайший акцент и шепелявость Серта. У него во рту была каша, и только длительное общение позволяло, привыкнув, хоть что-то понимать. Сначала я откровенно мучилась, едва не начав шепелявить вместе с Сертом,

потом все же научилась разбирать слова, стало легче.

Но это были не все достоинства Серта. Он умел жить, то есть получать удовольствие от жизни в малейшем ее проявлении. Кажется, там я поняла, почему в него влюбилась Мися, и хотя сам волосатый гном, как мужчина, меня все равно ужасал, его характер я оценила сполна.

Хосе-Мария был обжорой, настоящим и безнадежным. Он ел даже не за троих, а за десятерых, но делал это с таким вкусом, что не присоединиться к трапезе просто невозможно.

— Как можно не восхититься вот этим омаром, мадемуазель?

Меня он настойчиво звал мадемуазель, а вот Мисю почему-то Тошей. Она его в ответ Жожо.

— Посмотрите, какой десерт! А вино? Вы обязательно должны попробовать это вино!

Или:

— Там есть место, где порции подают на виноградных листьях!

И мы тащились пешком по немыслимым камням в какую-то деревушку, куда машиной проехать невозможно, только для того, чтобы съесть, уж не помню что именно, но на виноградных листьях.

Серт знал толк в еде несомненно.

Я ела очень мало и скромно, так и не научившись получать удовольствие от самых изысканных блюд, Мися тоже, что было странным при ее полноте. За нас обеих ел Хосе. У Серта было огромным все: огромные фрески, огромные букеты, на столах целые туши, фрукты горами, десерты десятками порций.

Конечно, я утрирую, но съесть три десерта в одиночку и при этом не чувствовать себя сытым…

В ресторанах Серт платил сам:

— Мадемуазель, разве можно позволять это делать дамам?

В остальном поездку оплачивала я: бензин, отели, гондолы… Это совершенно нормально, за удовольствие слушать в музеях Серта я готова была бы платить в десять раз больше. Он умел превращать любую экскурсию в увлекательнейшее занятие, иногда мы даже хохотали до колик в животах. Например, когда Хосе стал планировать, как организовать на развалинах Колизея целое шоу с аэростатами, прожекторами и, конечно, роскошным застольем. Естественно, Серту было мало уличных кафе и даже больших ресторанов, ему подавай Колизей!

Удивительно, что довольно часто он оставлял Мисю дома валяться в постели после бурной ночи, а в музей тащил меня одну:

— Она это уже видела, а ты нет. Мисины замечания могут

испортить тебе первое впечатление.

Он прав, едкие Мисины замечания могли испортить что угодно.

Обожая Сертов, я все же не могла простить этой паре одного: они не любили мыться!

Я нарочно брала места в самых роскошных отелях, чтобы после дороги или долгих походов по музеям и улицам городов можно было погрузиться в ванну и вдоволь полежать. Но быстро выяснилось, что моюсь по вечерам только я, Сертам такое ни к чему. Огромный волосатый Серт, спавший в черной пижаме, а то и вовсе голым, и не стеснявший в таком же виде показываться мне на глаза, пах не лучшим образом. Когда он начинал рассуждать, сравнивая лаки и манеру письма Караче и Тинторетто, показывал мне роскошные римские здания, приучая видеть не пыль под ногами, а поэзию архитектуры, я о нежелании мыться забывала, но когда он оказывался рядом в ресторане или на террасе отеля, становилось не по себе…

И все же я была благодарна Сертам за то, что они вытащили меня из небытия после гибели Боя, что познакомили с совсем другой жизнью, что многому научили и многое показали. Раньше не понимала, почему Кейпел так противился моему с Мисей знакомству, а в Италии осознала: Серты давали мне то, что сам Бой дать не мог, деловому Кейпелу не до экскурсий по заброшенным монастырям или разглядывания развалин, да и не мог он знать столько, сколько помещалось в лысой голове Хосе.

Серты уводили меня в другую жизнь, в которой Кейпел не был хозяином, и экскурсоводом тоже быть не мог. Я полюбила Италию и особенно Венецию. Но если выбирать, все равно выбрала бы Боя, пусть даже женатого и без Венеции, но живого.

В Венеции Серты познакомили меня с Дягилевым. Вернее, познакомили — это слишком громко. Просто мы втроем в ресторане подсели за столик, где сидели русские — Великая княгиня Мария Павловна и Серж Дягилев, тот самый, от «Русских сезонов» которого Париж уже который год сходил с ума.

Я видела только один спектакль — «Шехерезаду», водил в театр Кейпел. Испытала потрясение, и впрямь сказки «Тысячи и одной ночи»! Нашумевшую «Весну Священную», во время премьеры которой едва ни случилась всеобщая потасовка зрителей, к сожалению (или к счастью), не видела. Чтобы возбудить горячий интерес к новому знакомому, вполне хватило бы парижских слухов и Мисиных восторгов.

Но меня потрясли глаза Дяга, как называла его Мися. Всем известная совершенно седая прядь надо лбом, придающая лицу особое очарование, и умные, полные восторга и тоски глаза. Ни у

кого, даже у русских, которым вообще свойственно несочетаемое, я больше таких глаз не видела. Он словно умолял и насмехался одновременно, смеялся и плакал, гнал и звал к себе.

При первой встрече Дягилев едва ли заметил меня вообще. Молчаливая женщина, сидевшая в уголке, не интересовала мэтра.

Красивый, вальяжный, Дягилев не интересовался женщинами вовсе, здесь оказалась ни при чем трагическая любовь или другие душевные переживания. Дяг любил молодых людей, и все об этом знали. Такая симпатия никого не смущала, а известна была только потому, что каждый следующий «протеже» Дяга становился солистом его «Балета». Как же страдал бедный Дяг, когда узнал, что обожаемый им Вацлав Нижинский женился, едва отправившись без наставника в турне в Южную Америку!

Жан Кокто тоже много лет любил и опекал Жана Маре, сделав из него настоящего успешного актера, но пара скромно жила в небольшой квартире, не привлекая внимания. Дягилев тоже не привлекал, он действительно страдал, когда Нижинский изменил, но потом привез Мясина, потом Кохно…

Разговор за столом ресторана, видно, уже привычно, зашел о финансовых делах. И так же привычно выяснилось, что они ни к черту! Дягилев возлагал надежды на приезд Стравинского и новый балет «Пульчинелла», а еще на возобновление «Весны Священной», но не хватало средств. Позже я поняла, что такая проблема для Дягилева обычна, он всегда был без денег, но тогда ужаснулась: как же столь гениальная труппа, как «Русский балет», может сидеть без средств?! Казалось, Мися должна сорваться с места и бежать, разыскивая деньги, но подруга спокойно потягивала вино, заказанное Сертом, и задумчиво перебирала одну кандидатуру за другой, отметая их все…

Тогда Дягилева тайно от Миси и Серта выручила я, но об этом отдельный разговор.

Мися приучила меня еще к одному, чему учиться не стоило бы и к чему давно привыкла сама. Я всегда гордилась тем, что сумела удержаться на грани, у меня сильный характер, а вот Мися с ее нравом не сумела. Речь идет о наркотиках. Мися показала мне, что после укола морфия прекрасно спится.

Но для меня так и остался один укол на ночь, не больше, как бы ни хотелось уколоть больше и забыться. Мися из-за этой гадости превратилась ни во что. Нет, она не стала бездомной или алкоголичкой, но зависела от уколов очень сильно.

Но куда более ненормальной Мисю нужно бы назвать из-за их «брака втроем» с Сертом и Русей. Нет, Хосе-Мария не спал

одновременно с обеими женщинами, но они считали себя его женами!

На этом периоде жизни Миси надо остановиться подробней, потому что и я выглядела тогда странно, а наглядевшись на развал такой давней семейной привязанности, стала относиться к браку куда осторожней.

Русудан Мдивани, которую Мися по своей привычке запросто переименовала в Русю, появилась в жизни Сертов в 1925 году, когда Хосе серьезно занялся скульптурой. С того момента, как она позвонила в дверь виллы «Сегюр», где Серт ваял, он уже не мог жить без красавицы грузинки ни минуты. Ее отец, бывший губернатор в России, после революции бежал в Константинополь, а потом в Париж, как делали очень многие. Руся и ее обожаемый брат Алексей занимались скульптурой, и девушка обратилась к Серту за советами по аренде подходящей мастерской и еще в ваянии.

Хосе-Мария потом рассказывал, что просто обомлел, увидев на пороге виллы высокую светловолосую красавицу с большими серо-зелеными глазами. Она выглядела одновременно насмешливой и наивной. Серт влюбился как мальчишка, окончательно и бесповоротно. Русе были даны все советы и даже больше, она стала любимой моделью Хосе-Марии. Мися всегда спокойно относилась к шашням мужа с его моделями и, если намеревалась посетить мастерскую, то обязательно звонила, чтобы не застать слишком откровенную сцену.

Но на сей раз Серт был слишком увлечен «моделью». Мися сделала то, чего никогда не сделала бы я сама — позвонила Русе и явилась к ней в мастерскую с подарком. На вопрос «зачем?» пожала плечами:

— Хотела посмотреть…

— Посмотрела?

Кажется, подруга была просто потрясена, чего за ней раньше не наблюдалось.

Мися плюхнулась в кресло, взволнованно помахала веером и заявила:

— Я влюбилась!

— В кого?!

— В Русю.

— Влюбилась в любовницу мужа?! Ты сошла с ума?

— Сошла. Она такая… она могла бы быть моей дочерью…

И тут я ляпнула то, что потом сбылось. Напророчила называется:

— Но будет женой твоего Серта?

— Ты думаешь? Я его понимаю…

Если бы я не видела вот этого потрясения Миси, вполне согласилась бы со многими, считавшими, что Мися просто хитрит. Это действительно было похоже на женскую хитрость. Часто ли приходится встречать жену, которая с утра до вечера твердит мужу о достоинствах его любовницы? Мися твердила, она пригласила Русю к себе домой, теперь троица стала практически неразлучна. Немедленно поползли сплетни, что это брак втроем, что Серты так подогревают свою сексуальность, что троица не расстается и в постели.

Знакомые, видя такую ненормальную активность Миси, принялись биться об заклад, кому Мися пытается надоесть, Серту или Русе? Говорили, что это военная хитрость лукавой польки, мол, Серт, с утра до вечера слушающий о достоинствах и прелести Руси, должен довольно быстро девицу возненавидеть. И сама Руся, которую так старательно толкали в постель Хосе, тоже быстро бы к нему охладела. Наверное, в любом другом случае так и было, но только не с Сертами.

Наслушавшись всяких сплетен и осознав опасность, я позвонила Мисе:

— Остановись, ты играешь с огнем! Как бы потом не пожалеть.

Знаете, что ответила эта ненормальная?

— Мы с Сертом влюблены в одну и ту же женщину, только каждый по-своему. Это сближает духовно, так Серт будет любить меня еще крепче.

«А если не будет?»

Этот вопрос я не задала, потому что последовал поток хвалебных од Русе. Я просто не понимала, что творится.

— Ты разлюбила Серта?

— Нет, что ты! Я люблю его еще сильнее, чем прежде, я жить без него не могу!

Никакие попытки вразумить Мисю, объяснив, что любовь втроем Серту скоро надоест, и кто знает, кого он выберет тогда? Я подозревала, что не порядком надоевшую своим напором Мисю…

Но подругу, если ей что-то взбрело в голову, свернуть с пути невозможно. На сей раз она проводила операцию «Руся». Сначала я даже облегченно вздохнула, потому что Мисе стало немного не до меня. Но чуть позже сама оказалась в ту операцию втянута.

— Ах, Габриэль, я даже не знаю, кого из них люблю сильнее: Жожо или Русю.

От такого заявления хотелось просто упасть. А еще поинтересоваться: а кого больше любит Серт? Мися захлебывалась своим благородством по отношению к ним обоим, она возносила сама себя на пьедестал, удивляясь, почему этого не

делают другие. Ну кто еще способен вот так, как она, холить и лелеять возлюбленную своего мужа? Даже если это неспособны оценить остальные вокруг, то уж Серт с Русей оценят непременно. Мися надеялась, что страсть Серта к прекрасной грузинке утихнет, как и ее к нему, зато их благодарность в ответ на столь достойное поведение супруги будет безмерной.

Сумасшедшая Мися просчиталась. Возможно, Серт и остыл бы к Русе, если бы… его страсть не подогревала сама супруга. Закончилось все плачевно.

— Габриэль, он хочет развестись со мной и жениться на Русе!

Я едва сдержалась, чтобы не съязвить: «Доигралась?»

— Это он сам тебе сказал?

— Нет, все гораздо хуже! Если бы сказал он, я смогла бы убедить, что нужно оставить все, как прежде. Но я нашла у него в кармане письмо, Жожо сообщал Русе о таких намерениях!

— И чем же это хуже?

— Он скрыл от меня, понимаешь? Скрыл от меня!

Я смотрела на подругу и не понимала, кто из нас ненормальный. Почему муж, который собрался разводиться и жениться на другой, должен просить разрешение на это у той же супруги?

Серты развелись, а через полгода состоялась свадьба Хосе и Руси. И снова никто не понимал Мисю, она готовила свою соперницу к свадьбе так, словно выдавала за Серта собственную дочь. Я создала подвенечный наряд новой жене Серта, а Мися носилась по магазинам и ателье, выбирая приданое Руси и даже кольца для их венчания. Интересно, какой благодарности она ждала? Надеялась, что останется третьей в их семье, что они с Русей просто поменялись местами и теперь молодая супруга Серта будет так же обожать прежнюю?

Не дождалась, правда, Серты позвали ее в путешествие по Греции и Турции, Мися даже умчалась из Итон-Холла, где мы с ней жили по приглашению герцога Вестминстерского. Но путешествие втроем вылилось в настоящее мучение для всех.

— Мися, я тебя умоляю, не совершай больше таких глупостей! Оставь Русю и Серта в покое, если уж дала им свободу, будь последовательной и отстань от них.

Мися выглядела растерянной, наверное, впервые в жизни. В книге Мися писала, что Руся поняла ее любовь к Серту, утешала и обещала всегда помнить, что именно ей любовники обязаны своим счастьем. А еще писала, что я не слишком хорошо приняла Русю, когда та приходила проведать больную благодетельницу, лежавшую в моей квартире почти без чувств.

Я до сих пор не верю в эту Русину любовь к Серту. Хосе не

был красавцем, напротив, это заросшее волосами лысое чудовище, не любящее мыться, зато обожающее застолья. Как бы ни был замечателен Серт в качестве экскурсовода, но ведь Русе нужно ложиться с ним в постель…

Я не знаю, правду ли написала Мися в своих воспоминаниях, рассказывая, что Серт попросил церковный развод, мотивируя невозможностью рождения наследников. Якобы он женился на Мисе только для этого. Я не вникала в такие разговоры; во-первых, было ощущение неимоверной грязи, потому что полоскать чужое белье прилюдно мне всегда казалось постыдным; во-вторых, я большую часть года проводила в Англии, на яхте Вендора, или занимаясь строительством своей виллы «Ла Пауза».

Мися осталась моей подругой на всю жизнь. Ее жизнь закончилась раньше моей, и мне пришлось обряжать подругу в последний путь. Как бы мы ни ссорились, как бы ни язвили по поводу друг друга, бывали минуты, когда единственным человеком, с которым я могла поговорить, пусть и не до конца откровенно, была Мися.

И я благодарна ей за это.

С Сертом мы тоже остались в приятельских отношениях, встречались, когда его Руся умерла от чахотки (Мися, кстати, ухаживала за ней), но очарование волосатого чудовища для меня рассеялось давным-давно. Просто со временем, особенно когда человека подолгу не видишь, он выглядит несколько по-другому. Находясь рядом, часто не замечаешь недостатков, видя только достоинства, а если замечаешь, то легко с ними миришься. Удаляясь от кого-то, недостатки начинаешь видеть отчетливо, потому сияние тускнеет.

Но Серты сделали для меня столь многое, что я готова простить им любые недостатки.

Русские

Если и через у неделю вы помните лицо человека, с которым только раскланялись при случайной встрече, немедленно встречайтесь еще раз.

Возможно, он гениален или это ваша судьба.

Меня много раз называли хищницей. Почему это плохо? Разве лучше быть смирной овцой, с которой каждый может стричь шерсть или вообще содрать шкуру? Я не агнец для заклания.

Хотя Мися все время твердила, что меня и так стригут и даже бреют все, кому не лень. Конечно, из-за моей денежной помощи. В оправдание могу сказать, что делала это добровольно и никогда не помогала ничтожествам. Если я сама заработала деньги, то мне и решать, на кого и сколько тратить.

Талантливых людей, совершенно не умеющих зарабатывать, вокруг меня было много, а вот благодарности за помощь я от них видела мало. Почему? Они словно стеснялись меня благодарить, принимая все как должное. Это из-за моей независимости, но если выбирать, то лучше потерять благодарность, черт с ней, чем эту самую независимость. Возможность выписывать чек дорогого стоит.

В этом я убедилась, когда Серты познакомили меня с Дягилевым.

Мися без Дягилева ничто, но и Дяг без нее тоже. Я вмешалась в эту дружбу не сразу, но едва увидев белую прядь волос над умнейшими глазами, вечно полными тоски и восторга одновременно, поняла, что не заметить этого человека невозможно. Не потому, что он был внушителен и красив, а потому, что вокруг него была какая-то особая атмосфера.

Дягилев в своем роде сумасшедший, но это благородное сумасшествие. Некоторые думают, что главным делом его жизни были «Русские сезоны». Нет, главным делом его жизни было создать у нас господство русского духа, заставить полюбить все русское. И ничто не могло остановить его в этом стремлении, даже постоянное отсутствие денег.

Кажется, у всех, кто знал Дяга, его имя ассоциировалось с двумя словами: гениальность и безденежье. Гении, как и безденежье, бывают разными.

Можно быть гениальным, как Реверди, сидящий в монастыре

и творящий сам для себя, как множество художников, чьи полотна заполняют выставочные залы, чьи книги стоят на полках, а можно быть гениальным как Мися и Дягилев — умением эти самые таланты распознавать и вытаскивать на свет. А еще убеждать остальных, что очередная находка действительно чего-то стоит. И неизвестно, что важнее — умение создать один шедевр или раскопать и поддержать десятки гениев, которые сотни шедевров создадут. Мися и Дягилев умели, а потому не дружить не могли.

И безденежье тоже бывает разным. Бывает нищета, какой много в Оверне и вокруг него, бывают «временные трудности», как у Сертов, которые длятся всю жизнь, а бывает безденежье Дягилева. В этом они с Мисей не совпадали. Хосе Серт вечно нуждался, но при этом купался в роскоши, к чему приучил и меня (к роскоши, а не безденежью). Они с Мисей умели красиво тратить свои и чужие деньги. Дягилев тоже умел, еще как умел, но Серты тратили на себя (меценатствовать Мися норовила за чужой счет), а вот Дяг — на своих подопечных.

Это и правда удивительный человек, если Мисю звали пожирательницей гениев, то Дяг был их откапывателем и опекуном. Он хотел, чтобы мы полюбили все русское, — мы полюбили, он страстно желал, чтобы мы оценили гениальность русской балетной школы, — мы оценили, Дяг заставил Париж, а за Парижем и весь мир понять, что в России не одни грязные мужики в лаптях, что там кладезь гениев, которых нужно только заметить и вывезти в Европу.

Но у Дяга для этого, конечно, не было средств. Он потратил на свою идею все, что имел, кое-как перебивался доходами от новаторских постановок и помощью друзей. Однако наступали моменты, когда не было ничего!

Мися часто и с удовольствием вспоминала, как однажды надолго задержали начало генеральной репетиции спектакля, потому что были арестованы костюмы. Зал полон, дамы волнуются, а Дяг мечется, не зная, где раздобыть проклятые четыре тысячи франков… И тут он якобы замечает в ложе Мисю, бросается к ней с воплем о помощи, Мися мчится за деньгами и вызволяет костюмы! Американцы говорят: «Happy end!».

Я не понимала только одного: зачем при каждом удобном случае рассказывать об этом в деталях? Мне кажется, помощь должна быть молчаливой, если помогаешь, не требуй взамен благодарности, если хочешь, чтобы то и дело благодарили, лучше не помогай. Наверное, это невыносимо — когда тебе то и дело напоминают о необходимости быть благодарным, я бы такого благодетеля возненавидела!

Но Дяг вынес и это, ведь он старался не для себя, а для своей труппы. В отношении себя Серж был ужасным жмотом, ходил в старых вещах, пока те не начинали расползаться по швам. Помню его шубу. У русских были роскошные шубы, русские меха всегда славились, но всему есть предел, моли тоже нужно что-то кушать. Шуба Дягилева угрожала от ветхости попросту превратиться в решето, но он категорически отказывался шить новую!

Закончилось все тем, что шубу Дягу заказала я. Думаете, он ее принял? Как бы не так! Шубу Дяг взял, но не раньше, чем отдал мне ее стоимость. Пришлось выписывать чек на расходы труппы, чтобы покрыть трату хоть таким образом. Но еще пару месяцев Серж сокрушался:

— Что подумает моя труппа?

— Она подумает, что наконец-то ее руководитель отдал моли остатки своего рванья!

Вообще, деньги Дягилеву нужно было давать осторожно. Но вовсе не потому, что он их тут же тратил или проигрывал, нет, у Дяга имелась другая особенность. Едва в карманах заводились свободные средства, он тут же исчезал и появлялся с новым талантом! Откуда их откапывал? У Дяга было просто неимоверное чутье на гениальных артистов.

Но гораздо чаще происходило другое — кредиторы зажимали бедного Сержа так, что тот действительно не мог ни проводить репетиции, ни давать спектакли, ни заказывать костюмы и декорации. Тогда приходила на помощь я. Выписанный чек покрывал задолженность, а также оставлял Дягу на некоторое время призрак свободы. Обычно ненадолго.

Мися познакомила меня с Сержем, но всегда держала на расстоянии. У подруги была такая особенность: все должно происходить под ее контролем, никто не смел общаться между собой, а тем более давать деньги без ее на то высочайшего соизволения. Дягилева это касалось вдвойне, Дяг был Мисиной собственностью вместе со своей труппой и даже художниками и композиторами, работавшими с «Русским балетом».

Я знала о его трудностях — нужны деньги, чтобы возобновить постановку «Весны Священной» Стравинского, но в новой версии. Первый провал балета казался Дягилеву откровенной глупостью, Стравинский был для него гением в музыке, без которого мир существовать не может, но деньги не находились. Дяг начал собирать по тысяче франков со всех, чтобы хоть как-то начать работу, но таких темпов хватило бы на половину жизни. Посчитав свои доходы, я впервые в жизни осознала, что могу выделить средства в качестве помощи «Русскому балету», причем деньги немалые!

Я помню это ощущение: я меценатка! Девчонка из Обазина, за которую некому было заплатить в приюте, теперь сама могла давать огромные деньги, и давать не в долг, не родным на содержание, а просто потому что хотела помочь гениальным артистам. Это были свободные деньги. Не знаю, что повлияло сильнее — действительно желание помочь Дягилеву или сознание, что я достаточно состоятельна. Тогда я предпочитала думать, что первое, теперь понимаю, что второе.

Ну и что, я же помогла!

Правда, сделала это тайно. Что было в моем нежелании открыто заявлять о своем даре? Всего понемногу, тогда я старалась об этом не думать. Я простая кутюрье, которую богема приглашает на обеды и ужины просто потому, что шьет у меня платья, которая пока еще никто в мире искусства, всего лишь зритель, слушатель, хотя и весьма благодарный. Казалось, я еще не поднялась на ту ступеньку, на которой стояла Мися и все ее приятели — Мися по праву рождения, а остальные по праву гениальности. Я еще не доросла до богемы.

В этот мир можно попасть при посредничестве той же Миси, но тогда мое место в уголке, а можно утвердиться вот таким обычным для состоятельных людей способом — дав деньги. Получалось, что я просто покупаю возможность проникнуть в этот мир, а хотят ли меня там знать? Ощущение не слишком приятное, я никогда не навязывала свое общество, а уж при помощи денег тем более. Может, только потому, что у меня их никогда не было?

Разговоры об отсутствии нужных средств Дягилев и Мися вели все в той же Венеции, которая так много значила для Сертов. Пытаясь разобраться в самой себе, я умчалась в Париж и несколько дней размышляла. У меня были деньги, чтобы дать Дягу, я прекрасно понимала, что после этого он просто не сможет игнорировать меня саму, что «Русский балет» будет обязан сделать меня своей, но как отнесутся к этому остальные? Я представила реакцию Миси, когда она узнает, что у меня есть средства для Дягилева. Да, внутри тут же шевельнулся червяк сомнений — Мися устроит так, что деньги попадут к Дягу через ее руки.

Наверное, сыграло свою роль и соперничество с Мисей. Открыто соперничать я так и не решилась, встретилась с Дягом и вручила ему чек на сумасшедшую сумму — 300 000 франков — с условием, что никто об этом не узнает. Кажется, бедный Серж не воспринял меня всерьез. Не желая обижать сомнениями, чек взял, в благодарностях до неба не рассыпался, однако на всякий случай разговаривал вежливо. Ни слова не говорить Мисе обещал (не это ли явилось главным основанием его сомнений?).

Потом я жалела, что не заверила Дяга, что деньги на счету есть и чек не липовый, вероятно, ему пришлось испытать немало волнительных минут, когда он все же потащился с чеком в банк. Понимаю, трудно поверить, что простая портниха могла вот так легко выписать чек на 300 000, когда герцогини едва ли выжимали из своих запасов по несколько тысяч! Но желание поставить «Весну» оказалось сильнее сомнений, уже через день Дягилев прислал мне выражение благодарности, а мой счет в банке существенно уменьшился.

Как я гордилась собой… как хотелось кричать на весь Париж о том, что я достигла немыслимого — стала меценаткой! Как бы гордился мной Бой! Или, наоборот, отругал, посчитав, что лучше вложить средства в развитие дела? Ничего, и дело тоже разовьется.

Теперь я уже могла позволить себе многое, в том числе содержать тех, кого считала нужным, и не только своих родных.

Русских в Париже было много, особенно после их революции. И они очень разные: жизнерадостные и мрачные, решительные и поникшие, уверенные в будущей победе и опустившие руки, кто-то сумел вывезти свои деньги до страшных событий, кто-то приехал в Париж без франка в кармане, кто-то пытался работать, а кто-то влачил жалкое существование на пожертвованные деньги. Среди них много способных и даже гениальных, но сколько же просто спилось!

Вот это коробило меня больше всего: почти все русские, даже самые большие умницы и принадлежащие к знатных родам, много пили, а напившись, превращались ни во что. Женщины держались лучше, редко кто из них пошел в проститутки, большинство устроились работать и делали это с похвальным достоинством. Хотя бывало всякое.

У меня была русская горничная, до их революции в России имевшая немалый доход и привыкшая жить широко. Она так и не смогла отвыкнуть от прежней жизни, а потому тратила куда больше, чем получала. Это не привело ни к чему хорошему, девушка наделала огромные долги, кажется, 30 000 франков. Ее кредитор, противный, грубый мужлан из торговцев, потребовал ради списания долга переспать с ним.

Узнав о такой беде, я ахнула. Девушка, конечно, красивая, но не настолько, чтобы платить за ночь с ней 30 000 тысяч! Наверное, он просто не надеялся получить свои деньги. Из чувства протеста я дала горничной «в долг», тоже прекрасно понимая, что даю навсегда. Думаете, она выкупила свободу? Ничуть не бывало — на эти деньги устроила пир с икрой и водкой

и все же стала любовницей противного торговца. У меня она, конечно, с тех пор не работала.

Но большинство трудились честно, даже дамы из высшего общества, дамы императорской фамилии. Они прекрасно вышивали, этому обязательно учили девочек в богатых семьях, и я предложила Великой княгине Марии Павловне возглавить мастерскую по вышивке, которую открыла при своем Доме моделей. Успех был колоссальный, блузы и платья, вышитые в русском, и не только, стиле, раскупались моментально. В мастерской работали русские барышни и дамы, но и посетительницами тоже часто бывали русские.

А еще они прекрасно держались и умели показать платья на себе, многие русские дамы стали манекенщицами и не только у меня. У русских было все: красота, грация, замечательные фигуры, загадочный взгляд, который придает дополнительное очарование, великолепные волосы и красивые руки… Не было только стервозности и хваткости, без которых денег не заработать, разве что на скромную жизнь, но не более. Бывали моменты, когда я завидовала их достоинству и породе, но потом очарование уступало место сожалению, если не жалости, им нужна спина, за которой можно прятаться, мало кто способен вырвать что-то зубами. Таким не место в нынешней жизни, закончились времена, когда женщина могла себе позволить быть лишь хрупким цветком, пора показывать, что есть шипы, а то и клыки!

У меня и шипы, и зубы были, иначе я не имела бы ателье на рю Камбон и не могла помогать не только Дягу, но и еще очень многим людям. А еще выстоять в битве за право показывать женщинам, какими они должны быть, битве, между прочим, с мужчинами!

Дягилев познакомил меня с Игорем Стравинским. Тот, что написал гениальную музыку к «Весне Священной», вовсе не был красавцем. А еще он был обременен долгами и семьей. Жена

Стравинского Катрин болела, у нее чахотка, какая-то вялотекущая.

Вспомнив о матери и Жюлии, которых унесла именно эта болезнь, я почувствовала укол в сердце. После Жюлии остался Андре, а после матери нас пятеро. Мися говорила: у Стравинских четверо прелестных детей.

Четверо детей, больная жена и отсутствие денег… Но нужно писать музыку. Пожалуй, это хуже, чем у Дягилева, тот хоть без семьи. Не считать же таковой очередного «мальчика». Гениальный Дяг был гомосеком, как называют сейчас, а потому ему чужды

семейные хлопоты, кажется, он воспринимал только такие семьи, как у Сертов — без детей, без обязанностей и без проблем.

Я смотрела на Игоря и понимала, что если его не вытащить, то он рухнет в мрачную яму безвыходности. Что я могла, просто дать денег? Не возьмет, мы не слишком хорошо знакомы…

— Я хотела бы с вами поговорить.

— Я весь внимание.

А глаза за круглыми очками почти отсутствующие. Я ему просто не интересна или он думает о своих проблемах? Мелькнуло злое желание подчинить его как мужчину. Интересно, какой он любовник? Музыка у Стравинского неистовая…

— О чем вы сейчас думаете?

— А? — Он вдруг непонятно покрутил в воздухе рукой. — Музыка… музыка звучит. Записать бы…

— Где вообще пишете свою музыку?

— В номере отеля.

— Разрешают?

— Приходится тихонько.

— Я могу что-то для вас сделать?

Стравинский лишь развел руками. Ну что могла сделать для композитора даже самая известная кутюрье? Я не шила мужские костюмы, а в остальном…

Два дня я мучилась. То есть занималась своими делами, но в голове все время крутилась мысль о необходимости помочь. Дать денег через Дягилева? Купить им квартиру или даже снять виллу?

И вдруг…

Увидев желтые стены с черными ставнями своей «Белль Респиро», я поняла, что нужно сделать. Хоть приказывай механику везти обратно в Париж. Но я решила сначала убедиться, что у меня получится.

Прислуга настороженно наблюдала, как я придирчиво разглядываю комнаты собственной виллы. Мое пристрастие к чистоте знали все, а потому боялись, что найду какой-нибудь беспорядок. Но такового придирчивый осмотр не выявил, мне было не до пыли или ее отсутствия, впрочем, я знала, что пыли нет. Камердинер Жозеф отлично справлялся со своими обязанностями.

— Мария, кухарка умеет готовить блюда русской кухни?

Экономка даже не сразу ответила, настолько ее удивил этот вопрос. За нее сказал муж:

— О, Мадемуазель, Мария сама прекрасно варит борщ.

— Что?

— Борщ. Есть такой русский суп с капустой.

— Варить суп с капустой? Фи!

Я подумала, что это, пожалуй, хуже устриц. Но Жозеф возразил:

— Поверьте, Мадемуазель, русские знают толк в этом блюде.

— А вы, Мария, откуда?

— Меня научила подруга, она работала у русского.

— Хорошо, возможно, вам придется показать свое умение. Если понадобится, пригласите русскую кухарку, их сейчас в Париже много.

— Для кого, Мадемуазель, вы ждете в гости русских? Мы могли бы заказать обед у «Максима».

— Все будет ясно завтра, но думаю, будет нужен не один обед, а много.

На следующий день я с утра отправила Стравинскому записку с просьбой срочно встретиться.

Конечно, он вспомнил меня, но энтузиазма при встрече не проявил. А уж предложением был поражен.

— Игорь, я знаю, что вам нужны условия для работы. У меня под Парижем большая вилла, конечно, она не огромна, как другие, но места достаточно. Даже для семьи с детьми. Я приглашаю вас с Катрин и детьми пожить в «Белль Респиро». Столько, сколько понадобится.

— Но мне не по карману оплачивать целую виллу.

— Это приглашение, а не сдача внаем. Две комнаты детям, спальня для супруги и комната вам для работы, там неплохой рояль, поверьте, у меня найдутся. Если что и придется делать, то ради удовольствия гулять по моему парку с очаровательной бандой «Большой Медведицы».

— С кем?

— У меня собаки — Солнце и Луна, а у них пятеро щенков. Всю эту свору я зову Большой Медведицей. Играть с ними необязательно, но я думаю, детям будет интересно. И Катрин хорошо подышать чистым воздухом, в Париже слишком много дымных труб. А у меня тихо, чисто, свежо, и моя экономка уверяет, что умеет готовить какой-то борщ.

— Борщ.

— Так вы согласны?

— Я спрошу у Катерины.

Мне хотелось выругаться. Я избавляю его от необходимости платить за жилье и питание, а он еще и советоваться будет!

— Переезжайте завтра. Я пришлю за вами машину к пяти.

Он не посмел возразить мне вслед. Но и спасибо не сказал. Скосив глаза в зеркало, где отражался совершенно растерянный Стравинский, я простила ему эту неблагодарность.

Стравинские переехали на следующий день, как я и

распорядилась. Ни на минуту не сомневалась, что так и будет. И нечего советоваться с Катрин! Нужно быть полной дурой, чтобы отказаться от такой возможности вздохнуть спокойно. Я помнила свое состояние, в котором пребывала в Руайо у Бальсана. После стольких лет отчаянной битвы за скромное существование вдруг получить передышку…

И благодарности от них я тоже не ждала, давно научилась ничего не ожидать.

Дети у Стравинских действительно хорошие. Воспитанные, вежливые, чистенькие, но какие-то нерешительные. А Катрин живо напомнила мне сестру Жюлию, такую же слабую и готовую принять любой удар судьбы смиренно. Хотелось крикнуть: «Разве так можно?!», но я промолчала.

Игорь так смотрел на свою едва живую жену, что мне стало невыносимо больно. Это был взгляд любящего человека. Позже я поняла, что ошиблась, не любящего, а любившего в прошлом.

— Дети, слушайте меня внимательно, сейчас я буду рассказывать о правилах поведения в этом доме!

Я не умею говорить ласково, всегда получается командный тон. Видно, из-за этого Стравинские напряглись всей семьей. Наверное, в тот момент даже сам Игорь пожалел, что согласился привезти в «Белль Респиро» семью, хотя было заметно, что и вилла, и их комнаты, и обед, которым нас накормила Мария, им очень понравились.

— Это касается и взрослых. Вы здесь в гостях, но обязаны чувствовать себя как дома. Не забиваться по углам, не вздрагивать от каждого шороха, а жить, понимаете? Бегать в саду, кричать, играть с собаками, нельзя только мешать отцу работать и мне отдыхать. Но я дома бываю не так часто, а об остальном вам скажет мама. Катрин, вы можете заказывать привычную еду Марии, я наняла русскую кухарку. Это ваш дом. Насколько? Пока не надоест.

Они прожили на вилле два года, но проблем доставили немало, причем вовсе не дети, а взрослые. Стравинский почему-то решил, что он в меня влюблен, а Катрин вздумала ревновать!

Но оказалось, что в состоянии влюбленности Игорю очень хорошо пишется, потому я решила его не разубеждать. Он работал как одержимый, Дягилев не мог нарадоваться. А две женщины — Катрин и Мися — сходили с ума. С Катрин оказалось даже легче, при всей своей слабости и зависимости от мужа, эмоциональной и физической, она все же человек разумный.

— Мадемуазель, мой муж влюблен в вас…

— Это он вам сказал? Ему только кажется.

Черт побери, неужели я, кроме предоставления крова и денег

для проведения концертов, должна еще и заниматься сердечными разборками между супругами?

— Игорь ничего не говорил, но надо быть слепой, чтобы этого не видеть.

— Я не слепа, но не вижу.

— Вы спите с ним?

— У меня совсем другой любовник.

— Вы так спокойно говорите об этом…

— Катрин, у вас есть муж и дети. А у меня только работа и любовники.

Не знаю, поверила ли она? Игорь действительно сошел с ума, он, видите ли, решил развестись с женой и сделать мне предложение! Сообщила об этом вездесущая Мися, но до того состоялся разговор с Дягилевым.

— Зачем он вам?

Дурацкая русская привычка задавать риторические вопросы! Какой ответ он ожидал от меня получить, что я собираюсь выйти за Игоря замуж, дождавшись смерти его Катрин? Неужели не понятно, что он мне НЕ нужен?

— Затем же, зачем и вам.

— То есть?

— Что тут неясного? Чтобы создавать шедевры.

— Но… какие шедевры он сможет создать для вас?

О, глупец! Мог хотя бы сделать вид, что ожидает посвящения мне пары произведений Стравинского в обмен на содержание всей семьи. Но Дяг слишком честен, чтобы юлить.

Моя бровь снова приподнялась, выражая почти изумление:

— Он создает свои шедевры не для меня, а для всех. Но речь шла не о его успехах, а о моих. Когда рядом гениальный человек, и мне творится легче.

Дяг наполовину перевел дыхание или мне показалось? Если и полегчало, то лишь слегка.

— Но как долго вы намерены держать его подле себя?

— Серж, я не понимаю вашей заботы. Вам нужно, чтобы Игорь вернулся в Ритц и писал там? Или вы боитесь, что я уведу его у жены? Если боитесь, то совершенно напрасно, я купила новый «Роллс-Ройс» и завтра уезжаю отдыхать. А если вы жаждете видеть Игоря в Ритце, тем более напрасно, там он не пишет, а слушает шум за дверью. И еще думает, где взять деньги, чтобы сводить детей пообедать. Пусть живут на моей вилле на всем готовом.

— Но вы же не можете содержать их вечно!

Наконец и у Дяга созрело понимание, что моя кубышка не

бездонна. Или он испугался, что ради Стравинских я уменьшу чеки на нужды его балета?

— Вечно нет, но пока у меня есть такая возможность, пусть живут. И успокойте Катрин, я не претендую на ее мужа, двух гениев в одной семье многовато. Но обещаю его не оставить. По возможности…

Вот теперь у Дягилева, как говорят русские, отлегло.

— Как ваши дела в Доме моделей?

Мися, еще пару дней назад совестившая меня тем, что Стравинский выгуливает моих собак (кажется, я просила не его, а детей гулять со щенками?), теперь вдруг решила встать на защиту страдальца собственной грудью. Грудь у Миси хоть и мягкая, но мощная, если не придавит, то задушит наверняка.

— Ты выйдешь за него замуж, если он разведется с Катрин?

— Ты совсем сошла с ума?! Если бы я знала, чем обернется приглашение на виллу, сотню раз подумала бы! Хоть ты отстань.

— Что мне передать Игорю?

— Что я не собираюсь ни за кого замуж и не советую ему бросать очаровательную супругу, тем более в таком ее состоянии.

Если честно, то даже гениальность Стравинского как-то померкла после этой выходки. Катрин слаба, ей осталось недолго жить, а он носится со своей страстью ко мне!

— Он хоть Катрин не сказал о разводе?

У русских я научилась по-настоящему работать. Я не была бездельницей и ничего не делала спустя рукава, но то, что творилось за кулисами Дягилевского балета, повергало в шок.

Когда даже на репетициях, где можно не выкладываться полностью, Нижинский по окончании танца падал почти замертво, и его приходилось буквально отливать водой, приводя в сознание, когда Серж Лифарь сгорал от напряжения в каждом па, а вместе с ними сгорал и сидевший в зале Дягилев, вот тогда рождался шедевр. Все остальное после этого пламени казалось грубой подделкой.

Там я увидела, как можно погибать и воскресать с каждым движением, потому что именно от этого оно становится совершенным, как ради творчества можно и нужно забыть себя. Поняла, что так и только так появляется бессмертное, даже если оно просто исполненная партия, которая жива, пока идет спектакль. Но завтра в новом танце, в новом па Нижинский родится заново, потом умрет и снова родится.

Это не птица Феникс, это Вечность. И неважно, в чем она — в танце, в сумасшедших декорациях Бакста, в горящих глазах Дягилева, в музыке Стравинского… Умирая и возрождаясь, они

творили, они были равны Творцу. «И смертью смерть поправ…» — может, это о них, русских, заставивших Париж рыдать и смеяться, бешено аплодировать или свистеть, но снова и снова возвращаться, чтобы оказаться свидетелями создания чуда?

Я поняла — они гениальны, потому что не боятся отдавать все ради творчества и делать это, пока живы.

С тех пор я тоже умираю с каждой моделью, пока она создается, и возрождаюсь, когда манекенщица идет в ней по подиуму. И неважно, аплодируют или нет, я сама вижу, не зря ли были смертные муки.

И все-таки роман с русским у меня случился.

Отправившись в Биарриц посмотреть, как идут дела в тамошнем филиале, а заодно отдохнуть от всех — Стравинских, Миси, Дягилева и еще много кого, я встретила двух подруг еще по Руайо — Марту Давелли и Габриэль Дозиа. Как замечательно в бархатный сезон на великолепном курорте пожить вволю, вспоминая прелестные шалости периода своей юности. Перед этими двумя я могла не контролировать каждое слово, и вообще не молчать! Марта и Габриэль были в восторге от моих успехов:

— Габриэль, мы всегда знали, что ты добьешься признания!

Это была правда, Марта верила в меня всегда.

Но главное не восхищение, в ресторане Давелли представила мне своего русского любовника — Великого князя Дмитрия Павловича, кузена казненного императора России.

Мне давно казалось, что все, связанное с русскими, необычно, у них все сверх меры — любить так любить, губить так губить, красота необычная, судьбы тоже, но и недостатки чересчур. Князь Дмитрий был ярким тому подтверждением. Рослый,

стройный, красивый, с загадочными зелеными глазами, он оказался замешанным в… громком убийстве! Их с еще одним князем подозревали в убийстве известного страшного монаха, который был очень близок к российской императрице, лечил ее сына, наследника престола, от гемофилии, которой мальчика наградила мать — внучка английской королевы.

Позже я спрашивала Дмитрия, почему они это сделали.

— Вы не понимаете, Распутин был очень опасен, очень. Это проклятье России, он во многом погубил страну, превратив императора в послушное орудие своих гадких устремлений. Знаете, что означает его фамилия?

Я удивилась: монах-распутник? Ну и что, разве это такая редкость?

— Нет, но он связан со страшными силами…

Мне вовсе не хотелось обсуждать тему дурного поведения

какого-то монаха, да еще и жившего в России. Своих забот хватало.

Дмитрия из-за этого убийства выслали из России, императрица не простила гибели своего любимца. Зато изгнание спасло Великому князю жизнь, потому что все, кто остался, были революционерами казнены, в том числе наследник престола, несмотря на его детский возраст. Вслед за братом уехала и Мария Павловна, потому что они очень привязаны друг к дружке с детства.

И хотя меня мало волновали странности поведения русских у себя на родине, брат и сестра очень понравились. Сестре позже предоставила работу, а с братом у меня завязался роман. Как я его для себя определила: «полезный роман».

Дмитрий был красив и беден, просто нищ. Кем он мог работать? Разве время от времени давать какие-то консультации, а еще быть на содержании у богатых женщин, надеясь устроить свою судьбу выгодным браком. Я подходила идеально, денег много, одинока, древностью рода блеснуть не могла, следовательно, призрак короны над его головой должен быть для меня весьма манящим.

К чести князя, он не стал расчетливо ухаживать за мной, он просто влюбился, хотя бы на время. Но это то, что мне нужно. Я отдохнула душой. После сумасшедшей Миси, дягилевских репетиций, возни со Стравинскими, мне нужно было просто отдохнуть, чтобы осознать, что я еще жива.

Получились настоящие каникулы. Я сразу сказала, что не стану ни его женой, ни даже постоянной любовницей. И Дмитрий это принял, не действовал мне на нервы, как Игорь Стравинский.

А еще мы съездили в Грасс, где Великий князь познакомил меня с замечательным человеком, но об этом отдельный разговор.

Расстались мы спокойно, поняв, что все кончено, он просто ушел. Однако добрыми друзьями остались, Дмитрий женился на состоятельной американке, в Париж приезжал еще не раз, искренне радовался моему успеху и позже умудрился познакомить меня еще с одним полезным человеком — Сэмюэлем Голдвином, тогдашним богом кино. Я даже смеялась:

— Дмитрий, ты гений полезных знакомств.

— Я рад.

Все-таки эти русские не такие, как все, их недостатки и их достоинства так переплетены, что легко переходят одно в другое. Щедрость души может превратиться в безалаберность, а та легко переходит в безответственность даже по отношению к себе самому.

Дягилев много лет страдал от диабета, ему бы беречься и питаться осторожно, особенно в последние годы, когда стало ясно, что болезнь зашла слишком далеко. Он сидел на диете, не позволяя себе ничего сладкого… шесть дней с понедельника по субботу, зато в воскресенье с чувством исполненного долга объедался сладостями и при этом выглядел как толстый довольный кот. А еще Дяг мог запросто съесть коробку конфет, если сильно волновался. Волноваться Сержу приходилось часто…

К 1929 году он стал по-настоящему плох. Переживали все, особенно Мися, которая связана с ним какой-то невидимой нитью. Лето Дягилев проводил в своей обожаемой Венеции, куда должны были зайти и мы с герцогом Вестминстерским на яхте «Летучее облако». Со мной рядом маялась несчастная Мися, которую Серт и Руся больше не звали с собой в путешествия.

И вдруг вызов Мисе:

— Приезжай немедленно, умираю!

Вендор (герцог Вестминстерский) все понял и приказал развернуть яхту к берегу. Мы помчались к Дягу, который действительно умирал от диабета.

Я привыкла видеть Дягилева полным сил, даже когда тот засыпал прямо в кресле партера, окончательно устав от репетиций; стоило открыть глаза, и он начинал действовать. Теперь перед нами лежал совершенно разбитый, обессиленный человек, в летнюю жару дрожавший под одеялами. Серж Лифарь и Борис Кохно сделать ничего не могли.

Мися тут же принялась распоряжаться. Мисина суета помогла, набежавшие врачи все же немного привели Дягилева в чувство.

Подруга отправила меня обратно на яхту:

— Обойдусь. Спасибо.

Даже тогда она считала Сержа своей собственностью. Я ушла, но когда мы уже снова вышли в открытое море, меня словно что-то толкнуло: надо вернуться! Вендор был недоволен:

— Что еще произошло, куда тебя тянет?

— Бенни, там что-то случилось. Что-то с Дягом.

Герцог смотрел на меня, слегка скривившись, без слов ясно: сумасшедшая! Развернуть огромную яхту, уже отправившуюся в круиз, когда ее пребывание в каждом порту расписано по часам…

— Дай мне лодку и матроса, чтобы догреб до берега.

— Совсем сошла с ума?!

Мы вернулись, правда, сойдя на берег, я тут же отправила Вендора обратно, он снова усмехнулся, яхта вышла в море. Глядя ей вслед, я подумала, что в следующий раз могу и не попасть больше на борт, но дурное предчувствие пересилило. Оно

касалось не красавицы-яхты и не герцога Вестминстерского. И не обмануло.

Увидев Мисю с заплаканными, ошалевшими глазами, я поняла, что случилось худшее:

— Что?

— Дяг…

— Куда ты идешь?

— Заложить свою бриллиантовую цепочку. У меня ни франка, все отдано на похороны…

Дягилев умер от диабета. Я заплатила его долги, помогла с похоронами, но деньги не могли вернуть и частичку этого потрясающего человека. На кладбище мы с Мисей стояли, прижавшись друг к дружке, словно две сироты.

И все же я пресекла дурацкую выходку Лифаря и Кохно, которые вознамерились ползти вслед за гробом на коленях, как в каком-то романе у их русского писателя Достоевского. Глупость, словно этим измеряется любовь к ушедшему Дягу. Мися со слезами показывала мне на парней:

— Не могу убедить их отказаться от этой затеи. Грозят вообще лечь следом в могилу.

Я спокойно и тихо сказала:

— Встать.

Лифарь и Кохно со вздохами подчинились.

Мися смотрела на меня уже несколько иначе…

После ее дурацкой заботы о Стравинском, едва не приведшей к разводу супругов (оказывается, сама идея развода принадлежала моей сумасшедшей подруге), мы если не поссорились, то охладели друг к дружке. Смерть Дягилева окончательно помирила нас.

Конечно, мы еще много раз ссорились, казалось, навсегда, но мирились снова и снова. Две змеи жить друг без друга не могли. Но теперь уже я стояла на ступеньку выше, и Мисе приходилось смотреть на меня снизу вверх, что, впрочем, не мешало ей чувствовать себя хозяйкой и моей жизни тоже.

Шанель № 5

Говорят, я все время нарушаю правила.

Глупости! Я их не нарушаю, я их разрушаю. К чему мне правила, которые неудобны, да к тому же чужие?

У женщины должен быть свой запах. Не у каждой, нас так много, что запахов не хватит.

Но женщина не имеет права пахнуть тем, мимо чего она проходила — пищей, пылью, сыростью и, уж конечно, потом! А еще она не должна пахнуть цветочной оранжереей, втиснутой в расфуфыренный флакон.

— Это не запах элегантности! — Я в сердцах швырнула в угол вычурное изделие из стекла немыслимой стоимости с цветком жасмина на этикетке. Откровенно надоело источать аромат целой клумбы. Хотя так благоухали все — от королев до кокоток, только цветы были разными.

— И что тебя не устраивает? — Мися совершенно спокойно красила губы. Она даже не удивилась такому бунту.

— Нет, ты только посмотри! «Вечернее опьянение»… Слава богу, хоть не «Утреннее похмелье».

Я взяла в руки другой флакон:

— «Волшебные сады Семирамиды»… Название-то придумали… Не думаю, что там вот так разило сиренью.

Мися расхохоталась:

— Ты предпочитаешь пахнуть кожей и лошадьми?

— Я предпочитаю пахнуть элегантно! Чтобы на вечер было достаточно маленькой капельки, а не половины флакона духов. И чтобы запах со временем не выветривался, а усиливался, даже чуть менялся.

Теперь подруга смотрела на меня с откровенным интересом.

— Да, да! Дело не в смеси, Мися, можно смешать левкой и розу, но это все равно будут левкой и роза. И выветрятся также быстро, значит, снова придется обливать себя этой гадостью.

— Но таких духов нет, Габриэль. Нет аромата, который устойчиво держался бы несколько часов. Так что душись своей «Семирамидой», и пойдем, нас уже ждут.

Я не впервые выказывала недовольство духами и их оформлением. Прошли те времена, когда мне казался замечательным только запах чистоты, а дешевый запах

«Душистого горошка» от Флорис приводил в восторг! Теперь я предпочитала, чтобы запах чистоты был только основой, а оттенял его запах духов.

Только что могли предложить те, кто разливал волшебные жидкости в вычурные флаконы фабрики Лалика? Стеклодувы, конечно, старались, флаконы были самых немыслимых форм, даже их пробки делались в виде стеклянных скульптур. Помню фигурки лебедя и танцующей балерины… Некоторые женщины покупали духи ради флаконов, чтобы потом ставить их на видное место.

Но содержимое оказывалось еще более вычурным и, главное, немыслимо терпким. Душистым горошком от духов с таким же названием несло так, что могло сбить с ног слабых здоровьем. Устойчивого запаха не имели ни одни духи, любой выветривался через пару часов, приходилось либо душиться снова и снова, либо просто забывать о них.

Не то, все не то!

Особенно обидно сознавать, что новая женщина, которую мы уже вытащили из корсета и переодели, а потом даже подстригли, все еще пахла «Душистым горошком» или «Лукрецией Борджиа» — изобретением Пуаре. Нужно что-то новое.

Его подарил мне Великий князь Дмитрий Павлович. Нет, не флакон и даже не запах — знакомство с Эрнестом Бо, создателем нового аромата.

МОЕГО АРОМАТА.

Мы отправились на моей новой машине в Монте-Карло. Сначала Дмитрий не был в восторге, я поняла почему — безденежье. Но я быстро успокоила, объяснив, что бензин оплачен, отель тоже, а с ресторанами мы как-нибудь разберемся.

Между прочим князь похвалил мой новый костюм и запах, который, как ему показалось, костюму очень соответствует. Хотелось обозвать его дураком, у меня не бывает иначе! Но я сдержалась, все же он меня еще мало знал.

И все же обругала, но не Дмитрия, а мои духи. Надоело пахнуть как все, а поделать с этим ничего не могу. Пыталась смешать по несколько капель разных духов, но получилось только хуже.

Князь вдруг довольно улыбнулся:

— Тогда у меня для вас сюрприз. Мы непременно должны заехать в Грасс!

Я, конечно, Грасс люблю, но рассчитывать на то, в магазинах Грасса можно приобрести нечто другое, нелепо. Поморщилась:

— На улицах Грасса пахнет розами, а в магазинах так же, как в Париже.

— Э не-ет…

Дмитрий улыбался совершенно загадочно. Милый мальчик, он надеется преподнести мне «нечто волнующее, заключенное в волшебный флакон», какую-нибудь «Тайну обольщения» или

«Царственное желание», которое на поверку ничуть не лучше «Вечернего опьянения». Я полагала, что перенюхала уже все варианты этих обольщений и больше не хочу.

Но мне не хотелось расстраивать Дмитрия, явно предвкушавшего удовольствие от сюрприза. Только бы сдержаться и не скорчить кислую физиономию, когда преподнесут этакий шедевр, отличающийся только немыслимой ценой, но не качеством.

Я махнула рукой:

— Грасс так Грасс! Поехали.

Грасс очаровательное место, где даже сам воздух пропитан запахом розового масла. Цветы, цветы, цветы… Пронзительно синее небо, ослепительно яркое солнце, одуряющий аромат роз. Тонны лепестков, собранных на рассвете, потому что позже никак нельзя, они потеряют свои лучшие качества, превращаются в литры розового масла. Оно растекается по флаконам, закупоривается и развозится по разным городам и странам. Духи Франции… запах Франции… Ах, ах!

Франции может быть, но не женщины. Я очень люблю розы и запах розового масла, но женщина, которая пахнет только им, совершенно бездарна. Хуже только не пахнуть ничем или пахнуть потом.

В Грассе и состоялось знакомство с человеком, который помог мне перевернуть мир и стать очень состоятельной.

Эрнест Бо большую часть своей юности провел в Санкт-Петербурге, где его родные служили при императорском дворе.

Дмитрий представил мне Бо так:

— Вот человек, творение которого способны оценить только вы.

Интригующая рекомендация…

— Эрнест может создать для вас ваши собственные духи.

Свои духи? Поистине, царский подарок, лучшего Дмитрий сделать не мог, если не считать его собственного сердца, но оно давно принадлежало мне.

— Ну, господин Эрнест, где же ваше творение?

Химик достал маленький флакончик, открыл притертую пробку и подал мне. Еще не взяв стекло в руки, я уже

почувствовала что-то необычное. Шлейф! У этого запаха определенно был шлейф!

Потом Мися насмехалась, мол, как можно почувствовать шлейф, если пока нет самих духов, шлейф это то, что остается, когда основное уже проходит. Запах был резковатым, сладковатым, он не совсем подходил, но волновал, заставляя мои ноздри раздуваться.

Потом Дмитрий говорил, что так гончая замирает, почуяв дичь. Нечего сказать, лестное сравнение!

— Что это?

— Альдегиды.

— Думаете, я знаю химию?

Он попытался объяснить, но я отмахнулась:

— Все равно не пойму. Лучше скажите, как долго это будет держаться?

— Вы о запахе, Мадемуазель? Долго. Он очень устойчив.

Кейпел научил меня сомневаться, когда предлагают что-то очень заманчивое.

— А почему до сих пор не производили?

Бо сокрушенно вздохнул:

— Дорого.

— Насколько?

— Я могу посчитать.

— Не надо расчетов, сделайте сначала запах. Здесь слишком резко и много сладости.

— У меня есть несколько вариантов. Выскажите свои пожелания, я учту и покажу.

— Вы должны создать запах элегантной женщины. Женщины, понимаете, а не вазы с цветами.

Эрнест рассмеялся с откровенным удовольствием:

— Я создаю синтетические запахи, они не будут похожи на вазу с цветами.

Работа началась.

Князь Дмитрий переживал:

— Габриэль, Бо сказал мне, что получается очень дорого, но он постарается сделать как можно дешевле.

— Пусть старается сделать как можно лучше, а не дешевле. А что касается дороговизны, то даже если они в несколько раз дороже обычных духов, то это все равно выгодно.

— Не понимаю.

— Сразу видно, что вы никогда не занимались торговыми делами. Слушайте меня внимательно. Сейчас флакона хватает совсем ненадолго, женщинам приходится покупать и покупать

духи. Это выгодно тем, кто производит, но не самим женщинам. К тому же сильный запах раздражает, а он должен заставлять принюхаться, идти по следу, понятно? Купив один флакон вместо пяти, даже если он стоит как три флакона, женщина все равно останется в прибыли.

— А те, кто производят?

— О, можете не беспокоиться, в мире столько женщин, что нам хватит работы на всю жизнь.

— Вы удивительная…

— Вы только сейчас это поняли?

— Нет, давно, с первой минуты, как увидел.

— Дмитрий, это должна быть тайна, слышите! С первой до последней минуты. Никому ни слова, тем более дамам вроде Миси или Дозиа. Если духи получатся, я им подарю сама.

Дмитрий кивнул, улыбаясь. Он был прав, если духи получатся, значит, он оплатил мне за все сполна и даже больше.

И вот…

На столике выстроились в ряд пять пронумерованных даже не флаконов — обычных аптекарских емкостей с притертыми пробками.

Ни в одном самом дорогом магазине таких запахов не было. Это не отдельный цветок, даже не клумба, это непонятно что, вызывающее желание нюхать и нюхать. Янтарная жидкость за стеклом казалась волшебной.

Конечно, я могла взять все, но для начала нужен один, всего один, тот, что станет моей визитной карточкой, моим символом, символом новой, МОЕЙ женщины.

Эрнест просто стоял и смотрел, он понял, что объяснять ничего не нужно.

— Этот.

Мой палец ткнул в экземпляр, на аккуратно приклеенной бумажке которого стоял пятый номер.

— А флакон? — Бо как заправский фокусник уже расставлял образцы самых изысканных емкостей для духов, создателям которых не откажешь в фантазии, столько там было всякой вычурности. Фирма «Лалик» старалась на славу. Красиво, конечно, но…

От резкого движения моей руки, отметающей все лишнее, шедевры из стекла полетели на пол, палец снова уперся во флакон с пятеркой на наклейке:

— Этот!

Кажется, задумку не понял даже Эрнест Бо:

— Но, мадемуазель, это просто емкость для лекарств, она не украшена…

— Ничего не надо украшать. Украшено у всех, а у нас будет просто флакон!

— А… название?

Моя бровь чуть приподнялась:

— «Номер пять».

— Но, Габриэль, просто номер? — не выдержал измывательства над здравым смыслом Дмитрий. — Назовите хотя бы своим именем.

— Именем? Хорошо, будет «Шанель № 5».

— Удивительно, вы всегда стремились быть и называться первой…

— Запомните: Шанель всегда № 1, даже если это «Шанель № 5»!

Украшение у флакона все же было, позже мы чуть огранили пробку, чтобы удобней открывать, но главное — флакон получил ярлычок с двумя переплетенными буквами С, мой фирменный знак. Цвета — черное на белом, прозрачное стекло и янтарная жидкость внутри…

Там же, в Грассе, Бо начал производство. Он так гордился тем, что в его изобретении целых восемьдесят ингредиентов! Я требовала другого — качества.

Щедро финансированная фабрика действительно не сразу стала делать качественный товар. Бо, назначенный техническим директором, был в отчаянье:

— Мадемуазель, это кустарное производство флаконов и упаковки сведет на нет все достижения химии!

Жалоба была серьезной, ведь неплотная пробка позволяла духам терять свою прелесть довольно быстро. Парфюмерное товарищество «Ралле», с которым мы заключили договор, явно не отрабатывало вложенные деньги и грозило завалить дело.

Пришлось искать других.

Но сначала я должна была опробовать эти пусть изготовленные полукустарным способом духи на парижанках.

Кейпел не раз твердил, что любому товару нужна реклама. Он был абсолютно прав. Когда-то простая фотография Габриэль Дозиа в шляпке моего изготовления в спектакле «Милый друг» привела в мастерскую толпу желающих заказать себе такую же! А простое дефилирование Адриенны с Антуанеттой по набережной в нарядах «от Шанель» заставило многих в Довиле пожелать платье нового фасона.

Первую попытку я сделала прямо на глазах у изумленных Дмитрия и Эрнеста Бо. В ресторане осторожно брызнула духами на платья нескольких женщин. Немного погодя результат был

налицо: половина ресторана откровенно принюхивалась им вслед.

Хотелось крикнуть: получилось!

Мы выпили шампанского за победу, и я увезла готовую продукцию в Париж.

— Ты отдашь их в «Галери Лафайет»? — Духи нас сблизили или просто отдых, но мы перешли на «ты».

— Дмитрий, ты смешон. Зачем я буду отдавать кому-то возможность заработать. Но именно эти я вовсе не собираюсь продавать. Я их подарю.

— Кому?

— Тем, кто разнесет слух о новых духах Шанель по всей Европе.

Я могла гордиться своим остроумным ходом: духи действительно были подарены самым шикарным дамам. Мися, с которой я в тот момент оказалась в ссоре, в их число не входила. Зато я подарила духи Катрин Стравинской и вдове Боя. Конечно, Мися получила свой флакон и регулярно получала впредь, но тогда мелкая месть доставила мне удовольствие.

Прошло всего два дня, а меня уже осаждали:

— Мадемуазель, когда же поступят в продажу ваши духи? В каком магазине они будут продаваться?

— Скоро и только у меня.

Цена поставлена высокая, но как тогда в Биарриц со шляпками, я не прогадала. Пусть Пуаре торгует своей «Лукрецией Борджиа» действительно с запахом распутницы дешево, мои духи будут дороги. Какая женщина не потратит последние деньги, чтобы пахнуть не хуже, чем ее подруги?

Так же, как еще недавно женщины кромсали свои кудри и локоны, потому что так сделала Мадемуазель Шанель, теперь стали пахнуть моим запахом. Улицы Парижа благоухали ароматом, придуманным Эрнестом Бо. Нашлись и проблемы, женщины, привыкшие выливать на себя по половине флакона, не сразу осознали, что получили в свое распоряжение нечто иное, что не нужно использовать каждые полчаса, достаточно несколько капель на вечер. А еще лучше, чтобы духами пахло все — от манто до постельного белья.

Определенно могу сказать: Париж 1921 года пах «Шанель № 5»!

Сами флаконы разбирали так быстро, что фирма «Ралле» перестала справляться окончательно.

На помощь пришел Теофиль Баде, у которого я держала запасы своей продукции на складе. Баде был основателем «Галери

Лафайет», он посоветовал профессионалов, которые могли взять на себя выпуск моей продукции.

— Я хочу познакомить вас с людьми, профессионализм и деловую хватку которых способны оценить только вы.

Нечто похожее я уже слышала и смогла оценить талант Эрнеста Бо. Если и теперь у меня будут помощники такого же уровня, то мы свернем горы и завоюем мир.

Мир мы завоевали, но очень много лет воевали между собой. Профессионалы, с которыми меня познакомил Баде, оказались Пьером и Полем Вертхаймерами. Их фирма «Буржуа» и по сей день производит «Шанель № 5». Но если вы думаете, что наше сотрудничество было настолько же легким, насколько плодотворным, то сильно ошибаетесь. С Мисей и с Вертхаймерами мы как прикованные одной цепью к галере — вместе никак, а врозь нельзя.

Я слышала об этих акулах еще в Довиле, они владели Эпинаром — одним из лучших жеребцов, кличку которого Бальсан произносил с придыханием. А еще у них была фабрика, производившая изначально театральный макияж. Сара Бернар очень любила продукцию этой фабрики.

Как мне был нужен совет Боя! Но Кейпела не было рядом. Вот он всегда так: когда нужно, его никогда нет!

Дома я достала рукопись книги Кейпела и попыталась читать. Это не удалось, но не потому что я не понимала написанное, я даже не вдумывалась в слова, рукопись пахла Боем, этих страниц касались его руки… Вместо того чтобы вчитываться, я просто гладила листы, прижимала к щеке, раз и навсегда решив для себя, что никому никогда рукопись не отдам и никому не покажу. Неважно, о чем писал Бой, важно, что это писал он. Хоть такая память…

Пьер и Поль Вертхаймеры действительно оказались профессионалами. Они ничего не смыслили в химии и всяких альдегидах, мало смыслили в самом изготовлении духов, хотя совсем недавно выпустили собственные, зато прекрасно разбирались в организации парфюмерного производства.

— Я уже наслышан о ваших духах, Мадемуазель.

— Тем лучше. Я хотела бы воспользоваться вашим производством, чтобы наладить свое.

Пьер хмыкнул:

— У вас хорошая деловая хватка, только боюсь, что просто запустить производство достаточно большого количества флаконов при необходимом качестве мало.

— При высшем качестве! Я отказываюсь от услуг Ралле не

только потому, что они не успевают изготовить нужное количество, но и потому, что меня не устраивает качество. У Шанель оно должно быть всегда только высшим.

— Согласен. Однако надо наладить еще и сбыт. К тому же необходимо расширить поставки сырья.

— Разве это проблема? Запросим, и нам предоставят.

— Проблема. Не всякие розы дают хорошее розовое масло. Но это не все. Нужны более качественные флаконы.

— Я не намерена менять флакон!

— Никто не говорит о замене, просто стекло слегка мутное, нужно, чтобы оно было чище. И еще я бы посоветовал чуть огранить пробку, чтобы ее было удобней откручивать.

Ого! Похоже Вертхаймер знал все недостатки моей продукции и все проблемы ее выпуска. Ну что ж, профессионал.

— Хорошо, я согласна с вашими замечаниями.

Мы еще долго обсуждали возможности сбыта продукции, оказалось, что Вертхаймеры, выпускающие театральный грим (которым, кстати, пользовалась Сара Бернар), имели договора со многими магазинами парфюмерии по всей Европе и даже в Америке.

— Ну что ж, поскольку интерес мы проявили достаточный, я предлагаю создать новую фирму «Духи Шанель», которая и будет заниматься их производством.

Я удивилась:

— Но почему просто не разместить их выпуск на вашем производстве?

— Вы желаете разместить у нас заказ? Тогда не стоило так долго обсуждать. Мощности заняты и не скоро освободятся.

— А как же вы собирались их выпускать?

— Создать новые места, где рабочие будут заниматься только вашими духами.

Переговоры привели к организации новой фирмы. Ради моих духов создавалось целое производство. Рискованно, но Вертхаймеры верили в успех. Акции фирмы распределились несколько неравномерно. Я входила в нее только с рецептом и с именем, которое, правда, уже много значило, и получала всего 10 % акций. Теофиль Баде предоставлял склады и возможности своей «Галери Лафайет», у него, соответственно, было 20 %, а братья Вертхаймеры брали на себя все остальное и получали за это 70 %.

Позже я тысячу раз пожалела, что согласилась на такие условия, но тогда, только услышав объемы предполагаемого производства и соответственно продаж, хмыкнула: даже 10 %

давали мне куда больше, чем все производство Ралле. Не вкладывая больше ничего, я получала финансовую независимость. Вот что значит удачно принюхаться!

Я прислушалась к советам Вертхаймеров и изменила пробку у флакона, только ее, все остальное они менять и не требовали.

Но довольно быстро я поняла, как ловко Вертхаймеры меня надули. Я имела всего лишь 10 % прибыли, но братья создавали и создавали производства за границей, оформляя их на подставные лица. От передачи прав этим липовым фирмам я получала и того меньше. Стоит сказать, что во время войны, когда Вертхаймеры подло «уступили» французскую фирму «Буржуа» Феликсу Амьо, я получала по 5000 долларов в год!

Можно ли не воевать с этими акулами?

Пока получала достойный доход от своей деятельности кутюрье, денег было достаточно, и я воевала вполсилы, но потом во время немецкой оккупации Дом моделей на рю Камбон был закрыт, а доход от активно продававшихся по всему миру духов вдруг оказался смехотворно маленьким, даже в оставшемся небольшом бутике в Париже я зарабатывала куда больше.

Терпение лопнуло окончательно, когда Вертхаймеры умудрились перепродать американской фирме права на производство в Америке вообще за гроши — 2500 долларов. Какие доходы получала я, как держатель всего 10 % от столь «значительной» суммы?

Денежные переводы стоили дороже, чем сами суммы. Вертхаймеры просто издевались надо мной за то, что я во время оккупации попыталась вернуть контроль над фирмой себе.

Но они плохо знали меня! Я дала им бой и добилась своего. Это было уже позже, в 1947 году, с тех пор я могла чувствовать себя богатой, поскольку продажа моих духов стала приносить мне по миллиону в год… Правда, для этого понадобилось применить женскую хитрость.

Герцогиня Вестминстерская

Мне не единожды говорили, что слишком завышаю себе цену. Запомните: вас ценят ровно настолько, насколько вы цените себя сами. Если количество нулей в оценке собственной и внешней не совпадают, одно из двух: либо вы не все сделали, чтобы дотянуться до себя, либо до вас не доросли остальные. У меня второе.

Нас познакомили в Монте-Карло. Высокий крепкий блондин с некоторыми странностями, придававшими ему дополнительный шарм, безумно богатый и, казалось, не подверженный снобизму заинтересовал меня сразу. А как он ухаживал…

Из Лондона в Париж самолетами летали курьеры, доставлявшие подарки герцога. У него были великолепные оранжереи со всем мыслимым и немыслимым, что можно вырастить за стеклом. Цветы и фрукты, шотландские лососи и лично подстреленная дичь — все это доставлялось вперемежку с бриллиантами, сапфирами, изумрудами невероятных размеров, жемчужными ожерельями метражом…

Однажды мой Жозеф едва не попал в дурацкое положение, когда, открыв дверь, обнаружил перед собой огромнейший букет орхидей, за которым человека не было видно совершенно.

Уже приготовив чаевые для посыльного, принесшего такое сумасшедшее количество цветов, камердинер все же разглядел за букетом самого герцога. Вендор решил доставить цветы сам.

В следующий раз Жозеф, вынимая из доставленной курьером посылки свежие овощи и фрукты, увидел на дне большой футляр, в котором оказался огромнейший сапфир! Просто герцог Вестминстерский был сам собой, таким образом он показывал женщинам свое расположение.

Представила мне сей любопытный экземпляр Вера Бейт, которая вообще-то была Сара Гертруда Аркрайт. Фамилия Бейт у нее от мужа — Фреда Бейта, а русское имя Вера ей просто понравилось. Вера была умопомрачительной красавицей, знакомой в высшем свете, кажется, со всеми, все ее обожали, а многие даже по-настоящему любили, например, Черчилль. Через много лет мы с ней неудачно попытались использовать эту любовь, чтобы… прекратить войну!

Вера у меня работала, мы были дружны, и она часто демонстрировала мои модели, правда, не на подиуме, а в жизни, отменная фигура и особый шарм, очень подходящий именно для моих костюмов, делали красавицу незаменимой. Демонстрировала все с удовольствием, а я не считала ее своей работницей, но хорошо платила.

Именно Вера была инициатором поездки в Монте-Карло на несколько дней.

Стоило прибыть туда, как подруга показала мне на причал:

— Смотри, я же чувствовала, что нужно приехать!

— Что?

— «Летящее облако» — яхта герцога Вестминстерского!

— Ну и что, просто большая яхта.

— Не большая, а огромная! Герцог помешан на морских путешествиях, и у него самая шикарная яхта, которую я видела. Да и не только я.

Интерес к герцогу проявил и приехавший с нами князь Дмитрий.

То ли Вера постаралась, то ли Вендор действительно проявил такую прыть, но я тут же получила приглашение на обед на яхту.

— Нет… Я не для того приехала в Монте-Карло, чтобы разглядывать богатые яхты.

Они давили на меня вдвоем — Вера и Дмитрий. Я поставила условие:

— Пойду только вместе с Дмитрием!

Вера не могла понять.

— Габриэль, почему тебя не соблазняет возможность побывать на самой шикарной яхте в Европе? Почему тебя не интересует сам герцог, ведь он самый богатый человек в Англии?

— Не думаю, что убранство яхты так уж отличается от убранства роскошного отеля. А богатство… У меня вполне достаточно денег, чтобы тратить на любые мои прихоти. К тому же, ты знаешь, что я не столь требовательна.

— Габриэль, там другое… Когда не просто много денег, а сверхмного.

Она была настойчива, я сдалась, и мы отправились на борт «Летящего облака». Интересно, что меня с не меньшим жаром уговаривал Дмитрий, неужели он не чувствовал, что именно знакомство с герцогом Вестминстерским приведет к нашему разрыву? Наверное, чувствовал, мы уже вполне надоели друг дружке, хотя даже после расставания продолжали оставаться друзьями. Чуть позже Дмитрий выгодно женился на американке и перестал нуждаться в моей денежной помощи, но мы еще не раз встречались, и он даже знакомил меня с весьма интересными и

полезными людьми.

На обеде приглашенными оказались мы трое, Вендор был четвертым. Он все сделал, чтобы заполучить меня. Это было очень похоже на охоту, и чем больше сопротивлялась дичь, тем интересней ее преследовать и добиваться. Думаю, что, если бы стала любовницей Вендора сразу или немного погодя, он потерял бы ко мне интерес. Но меня не впечатлило богатство, я сама умела зарабатывать на свои прихоти. И в объятия герцога не бросилась.

Вендор не привык, чтобы ему отказывали или сопротивлялись, дичь, если она выслежена, должна быть подстрелена! Но «дичь» совершенно не желала попадать в ягдташ.

Как он меня осаждал! Вот тогда я и была завалена всем — от роскошных букетов и дынь посреди зимы до огромных сапфиров в посылке с овощами и восьми метров отменного жемчуга. Вера не могла понять моего упорного сопротивления:

— Ну что тебя в нем не устраивает?

— То, что он меня просто покупает.

Я действительно чувствовала себя из-за немыслимых подарков Вендора ужасно.

— Зато как дорого! Не продешеви, он сам не знает, сколько у него денег.

— Вот этого я боюсь. Понимаешь, что будет, если он решит, что я сдалась и куплена? Начнет диктовать свою волю.

— Ну и что? Подчиняйся, иногда можно побыть женщиной из гарема, купаться в роскоши и быть послушной воле мужчины.

— Только не мне!

— Ну и что же делать? Герцог не отстанет, я его знаю.

Я нашла выход — стала в ответ посылать Вендору подарки, равноценные по стоимости. Пусть видит, что у меня достаточно денег, чтобы тратить их так же легко, и что меня не купишь.

Вера ахала:

— Габриэль, ты сошла с ума! Дарить мужчине запонки, равные стоимости хорошего автомобиля! Так можно разориться.

Я смеялась:

— Ты забыла, что у меня есть сапфиры размером с кулак и еще много чего.

Вендор в письме выразил некоторое недоумение, но я быстро поставила его на место: прошли те времена, когда женщины зависели от мужчин, я вот ни от кого не завишу!

Не знаю, что сыграло самую большую роль, но герцог приехал лично, притащив огромнейший букет орхидей, и едва не получил чаевые от камердинера. Мало того он привез ко мне принца Уэльского, будущего короля Эдуарда, причем при представлении

столь явно дал понять принцу, что я ему дорога, что стало не по себе.

Герцог настойчиво приглашал на охоту или ловлю форелей в свои имения в Шотландии, а также в замок Итон-Холл. Я оценила чувство юмора Вендора и потому, что он предложил называть его именно так, упомянув о кличке кобылы деда, и по его характеристике собственного замка: «Может, и уродлив, но не хуже вокзала в Лондоне». Правда, обещал показать там полотна Рафаэля, Гойи, Веласкеса, Гейнсборо, Рубенса и еще много-много что.

Пришлось обещать, кажется, я действительно заинтересовала герцога несколько больше, чем просто знакомая, даже весьма строптивая.

В это время Вендор оформлял развод со своей второй супругой. Виноват в расставании был он сам, жена застала неверного в объятиях любовницы и громко хлопнула дверью. Это заставило королевский двор попросить герцога некоторое время побыть от него вдали, во всяком случае, пока не разведется. Развод при таких деньгах дело долгое и муторное, но Вендор не чувствовал себя ущемленным и без пребывания при дворе, все равно ему куда интересней охота, рыбалка и морские путешествия.

Вообще, интересов у герцога нашлось много — море, лошади, автомобили, охота, рыбалка, экзотические растения и животные и… женщины…

Я продолжала сопротивляться, твердя, что мне нужно работать, что новые коллекции требуют много времени, он должен понимать, что я тоже чего-то стою! Он понимал, и я постепенно сдала позиции. Нет, не стала, как советовала Вера, гаремной женщиной, ничуть, мы встречались «набегами», чаще всего в его имениях или на яхте, но Вендору пришлось считаться с моей занятостью и моими интересами.

И вдруг…

— Ты только посмотри!

Вера в ответ на газетную статью только пожала плечами:

— А почему нет? Ты не хочешь быть герцогиней Вестминстерской?

Газеты сообщали, что я вот-вот таковой стану!

Для начала я, конечно, стала любовницей Вендора. И не пожалела.

Замок Итон-Холл и впрямь похож на вокзального монстра, немыслимо огромен и столь же роскошен. Я так и не узнала,

сколько же в нем комнат, а уж заглянуть в каждую казалось вообще немыслимым. Создавалось ощущение, что попала в какой-то другой мир, в иное время, потому что на стенах висели старинные портреты, в углах стояли рыцари в доспехах, иногда мне даже казалось, что они настоящие, в замке огромные камины, огромные галереи… Почти два десятка готовых в любую минуту тронуться с места «Роллсов», у причалов катера, также готовые выйти в море, огромные конюшни и в стеклянных витринах… скелеты лошадей.

— Самые знаменитые лошади, принесшие славу нашему семейству. Вот это Вендор, в честь которой я назван.

Я не знала, уже падать в обморок или меня ждет нечто еще более потрясающее?

Потрясающими были парк и оранжереи. Такого обилия великолепных цветов я не видела никогда! Но когда срезала несколько букетов и поставила в вазы, украсив гостиную, услышала буквально рык Вендора:

— Кто посмел?!

— Я.

— Ты? — Тон был снижен в несколько раз, но ярость еще металась в глазах хозяина замка. — Габриэль, прошу тебя никогда больше этого не делать. Цветы предназначены не для замка, а для больниц и домов престарелых. Эту традицию никто еще не нарушал.

— Прости, я не знала…

Вообще, он сразу сделал то, чего так и не сделал за несколько лет в Руайо Бальсан, Вендор объявил меня хозяйкой замка! Не подарил мне его, а заявил прислуге, что пока я в замке, слушать надо меня. При этом подразумевалось, что все обычаи и привычки останутся прежними. Я не против, но не всем слугам понравилось такое решение хозяина. Пришлось вспоминать свои уроки общения с персоналом и мысленно приказывать «Сидеть!» немалому числу снобов из прислуги.

Тут я пошла на хитрость: объявила, что не говорю по-английски, это вынуждало прислугу беседовать со мной по-французски, чего большинство делать просто не умело. Они быстро заметили, что я по-английски понимаю, потому обсуждать меня в моем же присутствии не стоит.

В Итон-Холле я завела себе и совершенно необычного друга — одного из рыцарей в доспехах. По традиции Итон-Холла (а традиции там соблюдали неукоснительно) доспехи всех рыцарей были начищены, оружие блестело и готово к бою. Это создавало иллюзию живых людей, только спрятавшихся за своим железом. Один такой мне очень понравился, проходя мимо, я непременно

тихонько его приветствовала. А когда точно знала, что за мной никто не наблюдает, даже пожимала руку. Он не отвечал, но мне нравилось думать, что просто стесняется.

В Итон-Холле и вообще рядом с Вендором я окунулась в настоящую роскошь, для которой сапфир размером с кулак мелочь. Это роскошь быть окруженной сотнями готовых немедленно услужить тебе людей, когда можно даже не задумываться, откуда возьмется то, что ты потребуешь, а просто быть уверенной, что немедля подадут, достанут, привезут, принесут… хоть из Африки, хоть из ледяных пустынь… Это роскошь, где самая мелкая вещь самого высшего качества, потому что иначе быть не может.

Но при всем том Вендор на удивление прост. Он носил стоптанные туфли — в таких удобней, однако каждое утро слуга гладил у этих кошмарных полуразвалюх шнурки! Однажды я заказала ему дюжину великолепных туфель, самого лучшего качества в лучшем ателье, точно в том стиле, который герцог любил. И на следующее утро наблюдала в окно занимательную картину, весьма похожую на шутку.

Вендор вышел в новых туфлях и направился прямо к… луже. Слегка подтянув брюки, он долго и старательно топтался в грязи, пока новая замечательная обувь не приобрела вид старой и поношенной! После этого, явно довольный, вернулся в дом. Одно радовало: у новых туфель хотя бы не было дырок на подошвах.

С Вендором мы не только наслаждались жизнью в Итоне или развлекались круизами на яхтах, он не забывал и своей страсти к охоте и рыбной ловле.

В Стэк-Лодже в Шотландии на спиннинг ловилась отменная форель. Сначала я просто умирала от скуки. Часами забрасывать удочку, потом крутить и крутить, выбирая леску, чтобы убедиться, что никто не соблазнился на наживку, снова забрасывать и снова крутить… Но рядом чертыхался из-за своих неудач интереснейший человек — Уинстон Черчилль, потому бросить такое занятие я просто не могла. Пришлось научиться.

Конечно, больше Вендора наловить мне не удалось ни разу, но отменные экземпляры попадались, и догнать герцога Вестминстерского однажды получилось. Так и текли дни в Стэк-Лодже: днем в сырости и на ветру со спиннингом в руках, вечером с бокалом грога у камина с Вендором и Черчиллем. Беседовать с ними на равных я не могла, но слушала!.. Как губка воду впитывала умные мысли и училась излагать собственные. Черчилль удивительный человек, дружбой и даже знакомством с которым можно гордиться.

В Шотландии я увидела еще одну очень полезную для себя вещь. Помимо форменной одежды слуг, вдохновившей меня на жакеты, очень похожие на пиджаки, я открыла твид. Эта ткань понравилась мне с первого взгляда, она прекрасно держала форму, но была мягкой и не требовала дополнительной отделки в виде вышивки или еще чего-то. Для меня идеально.

Так в моих коллекциях появился и навсегда остался английский твид.

А вот шотландская мода на мужские юбки мне не понравилась совершенно. Женские ноги и то не всегда можно открывать, а уж мужские тем более. Когда из-под яркой ткани в клетку торчали волосатые кривые ноги, с трудом удавалось побороть смех. Нет, это я даже для женщин не предложу, в мире слишком мало красивых ног, чтобы выставлять их напоказ.

Не понравилась мне и сама ткань в клетку. Что из нее можно сшить? Только те самые юбки в складку. Клетка спрячет любую форму, забьет собой любую красивую линию кроя, нет, клетка была решительно не для меня и, в отличие от твида, в коллекции не попала.

Зато я активно использовала полосатые жилеты, золотые пуговицы на жакетах, спортивного типа пальто и, конечно, береты, но не как у художников, а как у слуг Вендора — без козырька, надвинутыми на глаза и с большой брошью надо лбом. А еще тонкие свитера, поверх которых разрешалось надевать драгоценности! Сначала все были в шоке, но потом Европе понравилось.

Мы ездили и на скачки, было бы странным, если бы страстный любитель лошадей, содержавший одну из лучших конюшен в мире, не выставлял их на бега.

Ежегодно специальный роскошный (как и все у Вендора) поезд, в котором четыре вагона предназначались только для чемоданов и шляпных картонок, доставлял Вендора и его друзей в Ливерпуль. Мы направлялись на розыгрыш Национального «Гран-при».

Впервые попав на трибуну, я едва не зарыдала. Теперь я не стояла ближе к ограждению где-то внизу, потому что швее не было места на трибуне даже Мулена, я сидела рядом с дамами высшего света, и они спрашивали у меня советы по поводу моды следующего сезона. При этом я не чувствовала себя портнихой, одевающей этих дам, напротив, была хозяйкой, от моего слова зависело, что они будут носить следующей весной, мой вкус диктовал им форму и цвета будущих нарядов. Я диктовала моду Европе! И мне, вчерашней сиротке из Обазина, почти заглядывали в глаза, чтобы услышать приговор одежде на следующий сезон

хоть на день раньше, чем другие. Дружбой со мной гордились.

Если честно, то от сознания этого стало не до скачек. Неужели я достигла самого верха?

Но почти сразу получила оплеуху. Они общались со мной на равных, называли кто Габриэль, кто Коко, кому как я позволяла сама, но к их именам приставляли титулы герцогиня, баронесса, графиня… а я всего лишь мадемуазель Шанель. Всего лишь…

И пусть это «всего лишь» дорогого стоило, пусть моими духами пахла половина Европы, пусть на моих счетах немало денег, пусть мой Дом моделей процветал, но я все равно лишь мадемуазель.

В Итоне я такого не чувствовала, потому что была в замке хозяйкой и на таких правах принимала гостей, а вот на скачках осознала.

Беспокойно оглянулась на Вендора, увлеченно следившего за забегом. Газеты писали о скорой нашей с ним свадьбе. С Вайолет Мэри Нельсон Вендор уже развелся, можно бы и жениться снова. Женится ли он на мне?

Когда герцог Вестминстерский только начинал ухаживать за мной, я отчаянно сопротивлялась, но пожив рядом, осознав, какую степень защиты могу получить, начала сдаваться. Вендор действительно любил меня, а не покупал, потому что подарком могли быть не драгоценности, а букет лично срезанных в дальнем углу парка диких цветов:

— Я знаю, тебе понравится…

Или присланный из Шотландии огромный лосось с поврежденным плавником:

— Коко, это тот, что сорвался у тебя с крючка. Помнишь? Я отомстил!

Он мог быть требовательным, даже жестоким, но был и трогательным, даже смешным в своем желании доставить радость.

Но Вендору нужен наследник. А мне сорок шесть лет, аборт и выкидыш, после которого доктор Фор сказал, что детей больше не будет.

Нет, он сказал: «Скорее всего, не будет». Значит, шанс есть? Значит, я могу, основательно подлечившись, родить Вендору ребенка, у которого изначально будет имя? Почему такая мысль не приходила мне в голову до сих пор? Да, Кейпел никогда не женился бы на мне, а женившись, какое имя дал своему сыну? А Вендор мог и жениться, и сделать ребенка наследником имени и огромного состояния.

Два дня я ходила как шальная, вдруг осознав, что едва не упустила такую возможность. Деньги я могу заработать для

своего ребенка сама, а вот положение даст только отец. Как же я раньше об этом не подумала?!

Потом были врачи, немыслимое количество часто болезненных процедур, очень неприятные манипуляции и даже… Чего я только не предпринимала! Ладно, не буду расписывать. Не помогло! Ошибка, совершенная в Мулене, не позволила мне родить наследника Вестминстеров.

Но Вендор был влюблен и вполне мог жениться и без наследника.

И вдруг я поняла, что именно должна сделать. Не оставляя попыток вылечиться, я решила перестроить свою жизнь окончательно. Дело в том, что пока я была с Боем, потом вращалась в кругах, близких Мисе, пока встречалась с заказчицами, я представляла себе свет сборищем надменных снобов, а англичан и вовсе чопорными занудами. А теперь выяснила, что они тоже разные, что есть совершенно немыслимый Вендор, есть умница Черчилль, есть замечательный принц Уэльский…

Я захотела к ним, но не как приятельница чудака Вендора (приятельницы это всегда временно), а как герцогиня. При этом немало беспокойства доставляли мысли о будущем моего Дома моделей.

Какое счастье, что я не бросила работу!

Я должна иметь свою большую виллу, не такую, как «Бель Респиро», а действительно большую и построенную по моему собственному желанию. Это давало бы мне возможность в ответ приглашать Вендора и его друзей.

Решено — сделано, был приобретен большой участок с виллой на Лазурном Берегу на холмах Рокебрюн. Сам дом мне совершенно не понравился, его было решено снести и построить новый, но расположение великолепное, соседи — английский истеблишмент, на соседней вилле часто отдыхал Уинстон Черчилль. Там же он писал свои пейзажи.

Совсем рядом княжество Монако, где есть замечательные казино с рулеткой — большая приманка для Вендора, обожавшего просаживать деньги. И его яхта тоже приписана к порту

Монако. Все сходилось для создания счастливого дома на холмах Рокенбрюн.

Старая вилла была снесена, но в глубине парка оставлены два дома для друзей. В одном из них — «Холме» — поселилась Вера Бейт.

Архитектором своего нового дома я выбрала Роберта Штрейца. Он прекрасно понял все мои задумки, в том числе и

необычную: я хотела лестницу точь-в-точь такую, как была у нас в Обазине.

Роберт отправился в Обазин, чтобы снять размеры. Приехав оттуда, он передал мне привет от… настоятельницы обители, которая еще была жива и меня прекрасно помнила! Прошлое не желало отпускать…

— Роберт, я надеюсь, не надо объяснять, что, кроме вас, никто не должен об этом знать?

— Что вы, мадемуазель, конечно, никто.

Лестница в «Ла Паузе» так и называется «Лестница монашек». Но когда она была готова, я ахнула: там не оказалось опасной правой стороны! Справа были даже не перила, а сплошная стенка, хотя и невысокая. Штрейц поклялся, что в Обазине точно так, видно, в обители тоже осознали опасность и добавили стенку…

Все это обошлось весьма недешево — миллион восемьсот тысяч стоил сам участок, примерно шесть миллионов постройка нового дома, плюс отделка и обстановка основного и оставленных маленьких. Но я радовалась как ребенок, потому что могла себе позволить построить дом своей мечты. «Ла Пауза» была создана по моему собственному желанию и подходила мне, как никакая другая.

Казалось, для счастья с Вендором существовали все предпосылки. Но вот как раз счастья-то и не было.

Кроме Веры Бейт, он не общался ни с кем из моих друзей, они были Вендору не интересны. Моя работа его раздражала. Даже когда я весьма успешно открыла свой Дом моды в Лондоне и стала диктовать свои вкусы его любимой Англии.

Меня беспокоило другое: Вендор никогда не был образцом верности и меняться не собирался. Он мог совершенно искренне любить меня и при этом соблазнить какую-нибудь красавицу, заманив ее на свою яхту, и после бурной ночи, одарив драгоценностью, выпроводить. Сознавать, что Вендор будет наставлять рога, просто потому что подвернулась очередная молоденькая красотка, вообще неприятно, но однажды он пригласил такую девушку на яхту в моем присутствии!

Яхта огромна, на ней можно и не встретиться, так и произошло, но скрыть присутствие красотки не удалось. Проводив ее на берег, Вендор вернулся как ни в чем не бывало. Он надеялся откупиться от моего гнева роскошным подарком — огромным изумрудом.

Вендор не стал объясняться, прекрасно понимая, что это унизительно и для него, и для меня. Просто достал из кармана красивую коробку и протянул на вытянутой руке. Не спуская глаз с неверного любовника, я открыла коробку, достала из нее

огромный изумруд и… спокойно швырнула за борт в грязную воду, а коробку так же спокойно вернула Вендору.

Он обомлел и в первые мгновения не нашел что сказать, это дало мне возможность развернуться и, почти печатая шаг, удалиться к себе.

Хороший урок, больше Вендору не приходило в голову пытаться от меня откупиться, но сомневаюсь, чтобы он перестал изменять, такова уж натура герцога.

Прежде чем переезжать в «Ла Паузу», я разобралась еще с одним. Когда Штрейц сообщил о том, что в Обазине меня все еще помнят, я испытала неприятное чувство. Посылая немалые суммы на содержание детских приютов, делала это инкогнито, не

желая, чтобы мое имя где-то прозвучало. Штрейц будет молчать, он не из болтливых, однако есть еще и родственники, прежде всего братья.

Альфонс и Люсьен пошли по стопам отца, они торговали на ярмарках. Это практически не удавалось Альфонсу, который без зазрения совести протягивал руку за помощью мне. Я помогала. Братец разбивал машины, проигрывал данные деньги и приезжал напоминать о себе снова и снова. Получая деньги, он не выказывал ни малейшего намерения работать и вел праздную жизнь, весьма недурно в ней себя чувствуя. Альфонса я могла не бояться, он лишнего не проболтает, я ему слишком нужна.

Другое дело Люсьен. Тот работал рыночным торговцем и предпочитал жить на свои средства, вернее, у меня не просил. Пришлось предлагать самой. К тому же жить где попало, когда у тебя сестра столь известна… Люсьен с трудом согласился на участок земли и строительство нового дома. К моему ужасу, брат построил не дом, а домик, крошечный и небогатый. Остальные деньги так же скромно положил в банк.

В конце концов я махнула рукой: пусть живет в этом домике. Поставила только одно условие: не общаться с Альфонсом, чтобы не брать с того дурной пример.

В действительности меня куда больше беспокоила возможность появления в Париже и Люсьена тоже, двух братьев я уже не вынесла бы, нет, не в денежном выражении, у меня было достаточно средств, чтобы содержать обоих, я так и делала, но я не желала, чтобы они объединились, ведь тогда могла прийти мысль меня просто шантажировать.

Казалось, налажено все: построен красивый, удобный дом, больше не беспокоила семья, не беспокоило прошлое, стиль моего дома оказал влияние на развитие интерьеров в Париже, с меня

брали пример, я стала законодательницей моды и в этой области. «Шанель № 5» уже была самой продаваемой маркой в мире. Деньги на счета текли рекой.

О женской моде и говорить нечего, я просто диктовала, что нужно носить, уйдя от простых прямых рубашек с поясами на бедрах. Нельзя очень долго сидеть на одном силуэте, он приедается, а потому я снова совершила переворот, предложив юбки-колокол до середины икры, которые при тонкой талии смотрелись очаровательно. Почему-то через пятнадцать лет Диор назвал это «Новым взглядом». Удалось ему объявить старое новшеством только потому, что я в то время жила в Швейцарии и модой не занималась категорически. Вот как опасно оставлять подиум соперникам!

Вендор часто и подолгу проживал в «Ла Паузе», с удовольствием любуясь окружающими красотами, общаясь с интересными соседями, по примеру Черчилля рисуя свои пейзажи, проводя много времени за игорными столами в Монако. Мы ездили на охоту в Мимизан, носились по окрестностям то на авто, то верхом… Было все, кроме счастья.

Почему?

Нельзя надолго оставлять не только подиум, но и любовников тоже, они отвыкают, и это ни к чему хорошему не приводит. Взаимная тяга ослабевает. Два года мы почти не расставались с Вендором, я лишь ненадолго приезжала в Париж, чтобы отдать распоряжения по поводу новой коллекции, но стоило заняться стройкой, и времени на Итон-Холл оставалось все меньше. Мне так и не удалось забеременеть, то есть родить ребенка, ради которого стоило бы отказываться от своей независимости.

Мися, которая теперь почти все время была рядом, меня не понимала:

— Чего тебе не хватает?

Вообще, присутствие Миси могло бы насторожить, она, как оса сладкое, чувствовала чужие неприятности, особенно сильные. Любой разлад, казалось, доставлял ей удовольствие. Нет, Мися делала вид, что пытается утешить, помочь, но от ее сочувствия и помощи трещины в сердечных отношениях обычно только увеличивались. То, что Мися теперь не жила в Париже рядом с Сертом и Русей, без слов говорило, что они счастливы. Мою подругу притягивали только несчастья; подозреваю, что чужое счастье заставляло чувствовать себя ненужной и лишней. То, что Мися была рядом со мной и Вендором, могло означать начало конца наших отношений.

К сожалению, так и вышло.

Конечно, не в Мисе дело, просто Вендор подобен Кейпелу в одном: он не собирался хранить мне верность! Пока мы жили в Итоне или ловили форель в Твиде, только я царила в его сердце и мыслях. Но оставленный один, Вендор тут же обратил внимание на другую, потом еще одну, еще и еще… Нет, это не была любовь, его чувства ко мне не остыли.

Я уже показала себя не только законодательницей мод, что весьма важно, но и деловой и очень состоятельной женщиной. Я расчистила все завалы своего прошлого и была готова к новой жизни, но…

Как раз тогда оказалось, что эта новая жизнь мне не так уж нужна. Вендор готов жениться, но совершенно не готов ограничивать себя хоть в чем-то. Какого черта, разве недостаточно того, что он дает свое имя и свои огромнейшие средства?! Нет, это не произносилось, но просто висело в воздухе.

Завести интрижку на стороне, сутками просиживать в казино, вести себя так, словно даже в «Ла Паузе» я обязана подчиняться его распорядку, которого, собственно, и не было…. А кто тогда я? Я не содержанка, вилла построена на мои собственные средства. Я могла бы купить еще несколько таких, пусть не столь огромную яхту, но тоже не маленькую, у меня уже были деньги на практически любые прихоти, но Вендору на это наплевать. Он герцог, а я пока никто.

Все чаще возникали ссоры с криками, хлопаньем дверьми, с демонстративным отъездом в Монте-Карло или Париж… Вернувшись, он никогда не просил прощения, ведя себя так, словно своим присутствием делал мне одолжение.

Мися советовала:

— Выходи за него замуж, тогда все изменится. Одно дело любовница, даже любимая, совсем другое — жена.

Наверное, она была права, стань я герцогиней Вестминстерской, я могла бы вести себя иначе, имела бы право, но это означало полностью подчиниться Вендору, потому что любовница Вендора могла себе позволить держать Дом моделей и заниматься созданием платьев, а для герцогини Вестминстерской такое занятие не к лицу.

И с чем я останусь? С титулом, но без своей работы, дающей мне не только моральное удовлетворение, но и серьезный заработок, то есть независимость? Титул нужен был бы для будущего ребенка, но его не было, мало того, мне уже окончательно поставили диагноз «бесплодие». Зачем тогда жертвовать собой, чтобы получить приставку к имени?

Я решила, что возможность называться герцогиней этого не

стоит. Герцогинь много, а Шанель одна-единственная.

— Бенни, тебе следует жениться еще раз. Это лучшее, что ты можешь сделать, если желаешь обзавестись наследником.

Не могу сказать, чтобы Вендор сильно расстроился. Кто-то из нас должен подчиниться другому, но это означало бы ломку и ни к чему хорошему не привело. Лучше врозь. Он оставался герцогом Вестминстерским, а я Коко Шанель — законодательницей мод во всем, даже в интерьере.

Мы остались в приятельских отношениях, всякий раз бывая в Париже, Вендор непременно приходил ко мне с огромным букетом, теперь уже не из собственных оранжерей, но все же. И я была ему благодарна, потому что сотни сплетниц и сплетников только и ждали скандала в виде нашего разрыва.

Вот когда я оценила, что «положение обязывает»! Но неожиданно помог сам Вендор, он стал всем жаловаться, что я снова предпочла ему своего «кюре», так герцог называл моего прежнего любовника — поэта Реверди.

— Коко сошла с ума! Теперь мне ничего не остается, как жениться на другой!

Свет не удивился отказу экстравагантной Коко Шанель, посмевшей предпочесть герцогу Вестминстерскому простого поэта. Книги Реверди раскупили, пытаясь понять, что я в нем нашла. Другой мог бы воспользоваться этим и сделать себе имя, Реверди нет, это не его стихия. Я даже предложила Реверди сотрудничать, ведь у меня тоже острый язычок, мы могли бы вместе сочинять афоризмы для разных журналов.

Реверди послушно вернулся в Париж, жил в «Ла Паузе», но довольно быстро я поняла, что он мне уже не столь нужен, за прошедшие годы изменился не только он, но и я тоже.

Я потеряла веру в мужчин и в счастье. Хотя передо мной были иные примеры: счастливо жили Серт с Русей, вышла замуж за своего многолетнего верного любовника Мориса де Нексона моя Адриенна (старый барон умер, последнее препятствие к их браку исчезло, и они поторопились оформить отношения), женился и Вендор.

Мало того, герцог не придумал ничего лучше, как привести мне свою невесту — Лоэлию Мэри Понсонби, дочь барона Сисонби. Вендор спрашивал, одобряю ли я его выбор! Я одобрила. Это немедленно стало известно свету, подтвердив мою репутацию совершенной оригиналки.

Зато теперь все знали: я отказала герцогу Вестминстерскому, потому что герцогинь много, а Коко Шанель одна! Пошловато, но в принципе верно.

О том, что Коко Шанель действительно осталась одна, никто знать не должен.

Одиночество… Конечно, рядом была Мися, но это уже совсем не та Мися, что десять лет назад вместе с Сертом вытаскивала меня после гибели Кейпела из небытия, теперь Мисе нужна моя помощь. Я помогала, подруга жила у меня, но уравнивать ее и себя я вовсе не хотела! Нет! Я сделала свой выбор сама, я сама отказалась от замужества, предпочтя независимость и свою любимую работу!

У меня действительно осталась только работа, потому что у Адриенны была семья, пусть и без детей, откупившись от братьев, я вычеркнула их из жизни, у Веры тоже счастливая семья, Мися не в счет, остальные, хотя и числились подругами, таковыми не были.

И снова меня спасла работа, она спасала меня всегда.

В своей жизни мне часто приходилось выбирать между мужчинами и моей работой, я могла отдать мужчине сердце, но выбор всегда делала в пользу работы.

Голливуд

Америка — страна денег и рекламы. Говорят, что это страна равных возможностей. Возможности есть у всех и везде, только не все ими пользуются. Большинство людей предпочитает жить, ничего не меняя и при этом все время жалуясь на обстоятельства. В Европе это привычно, в Америке наоборот, там с каждого рекламного щита, с каждой газетной страницы, в каждой передаче радио все кричит: «Ты можешь! Делай, и у тебя получится!» Они делают деньги и демонстрируют то, что сумели на эти деньги приобрести.

Это страна, где роскошь не скрывают от чужих глаз, как англичане, не убирают за затененные окна, как в Париже, а выставляют напоказ на каждом шагу. Казалось, еще немного, и вся роскошь старой Европы пересечет океан, чтобы поселиться в Америке. Несмотря на кризис, на огромное число безработных, они способны купить все, причем все самое дорогое.

Но есть то, что даже американцам, даже Голливуду не по карману — Мадемуазель Шанель не продается!

Черт возьми, приятно сознавать, что я не бросилась на шею Сэму Голдвину, когда тот озвучил гонорар за работу в Голливуде — миллион долларов за визиты дважды в год на эту фабрику сказок и мечтаний. Пусть поймут, что даже возможность одевать мировых звезд кино для меня не важнее возможности делать то, что я хочу!

Чтобы доказать это себе и остальным, стоило плыть в Америку.

Но, честно говоря, Америка научила меня многому и многое показала. Америка — это умение делать деньги, а деньги еще никому не мешали.

С Сэмом Голдвином меня познакомил князь Дмитрий Павлович. Поистине, Дмитрий для меня золотое дно, ведь Эрнст Бо тоже его рук дело. Получается, что и духи, и Америку мне преподнес князь? Конечно, оба знакомства могли ничем не

закончиться, но ведь важно, что они состоялись, а я просто извлекла выгоду из этих встреч.

И снова это был Монте-Карло. Дмитрий приехал туда отдохнуть, мы с Мисей тоже. Вендора я к тому времени если не забыла, то из собственных планов выкинула окончательно.

Когда Дмитрий представил Сэмюэля Голдвина, меня прежде всего поразили умные, чуть насмешливые глаза. Этому выходцу из России (мне уже казалось, что все талантливые люди имели русские корни!) было сорок шесть, и он также родился в семье уличного торговца. Услышав об этом, я, кажется, вздрогнула, но сумела скрыть свою растерянность. Что это, мое прошлое властно не желало отпускать меня или кто-то о нем узнал?

Никто ничего не узнал, все раскопали позже любители сенсаций.

Голдвин был одним из создателей американского кинематографа и теперь горел желанием одеть актрис не только в фильмах, но и в жизни в модели «от Шанель». Сэм решил рискнуть. Он предложил мне поистине сумасшедший с деловой точки зрения контракт: миллион долларов за год, притом что я буду приезжать в Голливуд дважды в год и создавать костюмы для очередного фильма и для актрис в жизни. Голдвину очень хотелось, чтобы на фильмы ходили ради просмотра новых нарядов и моды будущего.

Конечно, заполучить в качестве костюмера ведущего модельера Парижа стоило дорого, он это прекрасно понимал. Понимал и другое — в Америке кризис, причем настолько серьезный, что всем не до кино. Надо быть очень рискованным человеком, чтобы в такое время вложить деньги в это предприятие. Но Голдвин рискнул. Забегая вперед, могу сказать, что он не проиграл. Но и не выиграл.

Выиграла я, но только в денежном эквиваленте.

Итак, Сэмюэль озвучил лестное предложение: дважды в год наносить визит в Голливуд, чтобы создавать модели для фильмов и законодательниц киношной моды. И он был просто изумлен, что я не только не бросилась ему на шею с криком: «Согласна!», но и попросила время на раздумья.

Эта идея едва не перессорила американский мир кино. Репортеры захлебывались в прогнозах, даже заключались пари: одни твердили, что звезды согласятся одеваться у меня, другие, что нет. Почему-то никто не обсуждал вопрос: соглашусь ли я?

А я раздумывала. Почему? Не нужно объяснений Голдвина (он, кстати, и не объяснял), чтобы понять, что у каждой актрисы свой характер, часто не менее тяжелый, чем у меня самой, что у

каждой второй отвратительный вкус и никакого желания подчиняться чужому, что одеть их в костюмы для роли это одно, а вот в жизни всех в одном стиле — совсем другое. Или мне предстояло разработать сразу несколько стилей? Тогда какой из них будет моден через полгода, когда картина увидит свет?

Но главное: создавая свои модели на рю Камбон, я создавала именно СВОИ модели, а не те, что нужны для роли в фильме или определенной актрисе в жизни сообразно ее характеру. В Голливуде была велика опасность этого лишиться.

Я, наверное, отказалась бы, не настои Ириб. Поль Ириб сам побывал в Америке, пытался работать в Голливуде, испытал сокрушительное фиаско и, казалось, должен отговаривать меня, но он советовал попробовать.

— Габриэль, ты ничего не теряешь, кроме времени. Голдвин так или иначе выплатит тебе гонорар, зато какая это реклама и не только в Америке, но и во всем мире! К тому же Америка научит тебя делать деньги и на все смотреть другими глазами.

Я смеялась:

— Деньги, если ты успел заметить, я умею делать и без Америки.

Ириб качал головой:

— Это другие деньги, Габриэль, и размах другой. Знаешь, чему у американцев можно поучиться? Масштабности мышления. У них все самое-самое большое и великое, даже кризис. А еще это массовая культура, хватит сидеть на заказах для богатых дам.

Я действительно не понимала.

— А что же мне делать, одевать французскую армию? Пуаре уже пытался делать такую глупость. Я не стану шить форму сестер милосердия или пожарных.

Он настойчиво советовал:

— Отправляйся в Америку и посмотри. Сходи в большие магазины. Там продаются твои модели.

— Я не шью модели для магазинов, мои портнихи для этого слишком квалифицированны и дороги!

Ириб высказал мысль, которая практически перевернула мир кутюрье, во всяком случае, мой собственный.

— Габриэль, это платья, сшитые не в твоем Доме, но с твоих скопированные. Понимаешь, берут твои модели, распарывают, снимают копии и выпускают тысячами штук совсем дешево. Получается нечто похожее.

— Но у меня все изделия на определенный размер!

— И я о том же. Часто копии лишь блеклый отсвет того, что есть в Париже. Ты теряешь огромные деньги.

И все равно я не понимала.

— Объясняю. Америка тоже хочет носить стиль Шанель, необязательно в твоем исполнении, но тобой разработанный. Причем носить не через полгода, а всего лишь через пару месяцев после показа коллекции. Почему бы тебе одновременно с коллекцией не делать лекала для раскроя на разные размеры и продавать их фабрикам по производству одежды?

— И все будут носить мои модели?

— Но они же и так носят, только плохого качества и плохого кроя. Отдавай право производить твои модели только тем, кто может отвечать за качество, и в твои изделия скоро будет одета вся Америка. Ведь тебе же всегда нравилось, когда платья копировали. Научись извлекать из этого деньги.

Я только отмахнулась:

— У меня их и так достаточно.

Но предложение оценила. Если все действительно обстоит так, то я и впрямь могу одевать Америку. Там уже покупают большую часть производимых духов «Шанель № 5».

Голдвин получил мое согласие.

Удивительно, но больше всех обрадовалась Мися. Она загорелась желанием найти в Америке брата Руси Алексея Мдивани. Зачем ей это понадобилось, не могла объяснить и она сама. А во-вторых, Мися твердо вознамерилась разыскать и моего отца. Не объяснять же ей, что Альбер Шанель никогда пределов Франции не покидал. Я же всем твердила, что отец уехал в Америку, чтобы разбогатеть.

И вот в апреле 1931 года мы наконец отправились в Америку. Со мной плыла целая армия модисток, портних, манекенщиц…. Мне предстояло работать, не обучать же там новый штат, мои уже привыкли к жестким требованиям, кто знает, что за модистки там.

За время плавания я не раз вспомнила Дягилева, не любившего открытые морские просторы. Казалось бы, чего бояться мне, столько раз ходившей по морю на паруснике Вендора, пусть и огромном, но все же куда меньше океанских лайнеров? Я не боялась, но мы с Мисей обе страшно измучились и сильно простыли, а потому разглядывать огромную статую Свободы желания не было никакого.

Я уже привыкла к вниманию со стороны газет к собственной персоне, но то, что увидела в Америке, не шло ни в какое сравнение. Они щелкали своими камерами так, словно прибыла королева. Мися усмехнулась:

— Но ты и есть королева. Королева Моды.

Мадемуазель стали писать с большой буквы, все чаще

добавляя Великая. Мне нравилось: Великая Мадемуазель.

Голдвин расстарался, нам был выделен специальный поезд (между прочим, полностью, вплоть до локомотива, выкрашенный в белый цвет!), чтобы довезти до Лос-Анджелеса, а на перроне встречала толпа голливудских знаменитостей во главе с Гретой Гарбо, поднесшей мне огромный букет орхидей. Честное слово, даже Вендору с его сумасшедшим размахом до Америки далеко.

Вендору не пришло бы в голову разместить в ванной телевизор, чтобы смотреть его, нежась в воздушной пене. А в апартаментах отеля «Уолдорф» такой обнаружился. У Вендора была роскошь древности, здесь — размах!

Саму работу в Голливуде вспоминать не хочется, собственно, просто нечего. Костюмы для Глории Свенсон в хорошо принятом критикой фильме «Сегодня вечером или никогда» удались, тоже были приняты прекрасно, но и только. Конечно, все актрисы не собирались носить только костюмы, созданные Шанель, некоторые, как Грета Гарбо и Марлен Дитрих, даже стали моими подругами и многое заказывали у меня, но заставить следовать их примеру всех поголовно…

— Сэм, к чему вам противостояние с целой армией актрис?

Мы сошлись во мнении, что эксперимент становится опасным, нет, не для меня — для положения самого Голд вина. Костюмы для Свенсон я сделала, свой миллион получила.

Но в Америке занималась не только и не столько кино (не по своей вине), сколько налаживанием деловых связей.

Ириб, конечно, был прав по поводу гигантизма во всем, а еще по поводу моих моделей в ведущих магазинах. «Сакс» «Маси'з» и многие другие торговали их бледными копиями, это стоило взять на вооружение, покупали-то охотно.

Еще появилась возможность познакомиться и даже подружиться с владелицей знаменитого «Вога» Маргарет Кейс и с главой «Харпере Базара» Кармел Сноу. Обе оказались окружены выходцами из России, и мое знакомство с Дягилевым, помощь Стравинскому и многим другим сыграли свою роль. Одно воспоминание о князе Дмитрии и его сестре княгине Марии поднимало меня в их глазах.

Визит в удивительную страну удался и не удался одновременно. То, что работать с Голливудом ни за какие деньги больше не буду, потому что это не для меня, как и создание театральных или балетных костюмов, стало понятно почти сразу, но я поняла и многое другое, а также многому научилась.

Поняла, что роскошь бывает разной — такой, как у Вендора, прячущейся за простотой и состоящей из традиций, а бывает выставленной напоказ, что незазорно окружать себя всяческими

удобствами, особенно для гигиены, что заработать огромные деньги можно не только при помощи богатых клиенток, выполняя штучные заказы, но и в массовом производстве хорошей одежды. Элегантными хотят быть все: герцогини и швеи, банкирши и продавщицы, актрисы и домохозяйки. И если создавать одежду, которую смогла бы надеть каждая, — заработаешь не только миллионы, но и всеобщее уважение.

У меня получилось.

Америка выручила меня и позже, когда после многих лет отсутствия на подиумах я решила вернуться и предложила именно такую одежду — для всех. Париж почти освистал, а вот американки решительно приняли, и костюмы в стиле Шанель стали одной из самых популярных марок.

Но тогда мы с Голдвином контракт не возобновляли. По обоюдному на то согласию.

Ириб

Любовники бывают первый, второй… десятый…
Любовь всегда единственная. Даже к сотому возлюбленному.

Я вовсе не желала, чтобы о наших с ним встречах судачили, а потому приобрела сначала имение «Ла Жербьер» у Мориса Гудекета, супруга Колетт, неподалеку от Парижа, а потом замок Мениль-Гийом с тремястами пятьюдесятью гектарами земли, где легко затеряться или спрятаться от чужих глаз.

Зачем? Мне надоели пристальные взгляды любопытных, хотелось побыть одной…

Но мы редко бывали в этих имениях, потому что Ирибу больше других мест нравилась «Ла Пауза». Если честно, мне тоже.

Ириб стал моей последней надеждой на счастье…

Ириб, Ириб, Ириб… он был везде и во всем вокруг меня. В тот год я только и слышала: Ириб.

Это он настоятельно посоветовал мне отправиться в Америку, хотя сам немилосердно прогорел там. Вообще-то, Ириб — это псевдоним, потому что произносить полное имя — Поль Ирибар-негарай — просто невозможно. Его мало кто звал даже по имени, обычно Ирибом.

Ириб прекрасный рисовальщик, работавший много где и много с кем, в частности с моим соперником Пуаре, которому создал отменный альбом с рисунками моделей «Платья Поля Пуаре глазами Поля Ириба». Он много где бывал и чем занимался, в том числе создавал костюмы для той же Глории Свенсон, а потом пытался сам снимать кино, но полностью прогорел и вернулся из Америки во Францию. Ириб был женат на прекрасной женщине Жанне Дирис, на средства которой беззастенчиво жил и которую столь же беззастенчиво эксплуатировал. Жанна с успехом играла на сцене театра «Водевиль», именно она познакомила Ириба с писательницей Колетт.

Ириб пытался создавать мебель и торговать ею, но у него при удивительном таланте и вкусе совершенно не было коммерческой хватки, потому от долгов пришлось спасаться в Америке, а потом из-за американских возвращаться в Париж. С Жанной они развелись. В Америке Ириб женился снова, теперь уже на состоятельной американке Мейбл, но и в этом браке счастье не

состоялось.

Вернувшись во Францию, стал заниматься довольно необычным делом — рекламой. Америка научила. Некоторые слоганы Ириба действительно были смешны и запоминались, например для моющего средства, уже не помню какого именно: «Отчистит даже пятна у леопарда».

Конечно, я была знакома с Ирибом и раньше, еще до его американской эпопеи и моей английской. Он словно ждал своей очереди, чтобы очаровать меня. Мы с Ирибом ровесники, но оба моложавые, стройные и подтянутые. Мог ли он стать моим мужем? Наверное, ведь мне уже немало лет и впереди только одиночество.

В Америке я получила новый урок благотворительности — можно не только переводить деньги на счета нуждающихся организаций, но и устраивать благотворительные выставки.

После моего возвращения из-за океана таких выставок состоялось две. К первой в Лондоне Ириб не имел никакого отношения. Герцог Вестминстерский предоставил в мое распоряжение один из своих домов, и я организовала там выставку своих моделей. Все средства пошли в пользу Лондонского Фонда помощи ветеранам войны.

Выставка имела успех, модели не продавались, но их активно копировали. Присутствие на ней многочисленных представителей фабрик готовой одежды убедило меня в правильности рассуждений Ириба. Я вовсе не была против, чтобы мои модели, мой стиль копировали.

А вот вторая выставка состоялась в Париже в моем особняке на улице Фобур-Сент-Оноре. Это была выставка… драгоценностей!

Шокированы оказались многие. Я, придумавшая бижутерию, то есть замену настоящих драгоценностей фальшивыми, теперь демонстрировала бриллианты. Крик поднялся неимоверный, но меня он нисколько не смущал. Права Колетт, сказавшая: «Меня не порицают? Значит, годы уже не те…».

Я еще была «на коне», меня порицали. Карикатурист Сэм истошно вопил: «Дожили! Настоящие драгоценности стали копиями фальшивок!» Но я хорошо усвоила урок Америки: чем больше шума, тем лучше продажи. Чем сильнее была газетная истерика, тем больше людей приходили посмотреть на выставленные бриллианты.

Самым удивительным оказался цвет выставки — все изделия на ней только белые! Никакого цвета, ни зеленого, ни красного, ни синего, ни оттенков молочного, только прозрачные, словно

капли чистой воды, бриллианты.

В первый и последний раз я выставляла изделия из драгоценных камней, но с той поры полюбила создавать украшения сама. Я и раньше делала это, но теперь по-настоящему оценила их возможности. Однако, если бы это были просто украшения, едва ли они привлекли столько внимания. Я показала украшения-трансформеры, когда диадема могла быть использована как колье и наоборот, а колье вдруг разбиралось на пару браслетов… Такая хитрость привела публику в полный восторг, а мне Международная ассоциация торговцев алмазами заказала эскизы для подобных изделий.

Идея самой выставки принадлежала Ирибу, с его помощью я открыла для себя еще одну сферу приложения сил.

Но если на выставке мы показывали настоящую роскошь, то в жизни Ириб вдруг стал требовать совсем другого. Я с изумлением слушала его выговоры о моей расточительности, слишком большом числе слуг, слишком обильных трапезах для гостей, слишком большом пристрастии к комфорту… все «слишком».

Сначала не могла понять, чего ради зарабатывать деньги, если их нельзя тратить на свои прихоти? Я много помогала всем: родным, друзьям, просто талантливым людям, отправляла средства в приюты и разные организации, но оставалось еще достаточно. Почему мне нельзя тратить остальное на себя?

Большая квартира… Да, очень большая, со множеством комнат, с действительно большим числом слуг, но чем плох комфорт?

Я поддалась давлению Ириба и сменила свою роскошную квартиру на две комнаты в семейном пансионе. Там не было даже ванны, под нее пришлось оборудовать одну из комнат. Хорошо, что под влиянием момента не продала свою виллу «Ла Пауза» или какой-то из замков. Ириб, увидев, что я переезжаю, ахнул:

— Вам нравится играть в бедную работницу?

И тут стало понятно, что он тоже просто играл в сурового критика, а я куда меньшая раба комфорта, чем он сам. Напротив, Ирибу очень нравилась «Ла Пауза», он с удовольствием пользовался предоставляемым там комфортом.

Возвращаться в прежнюю квартиру уже не хотелось, пришлось перебраться в отель «Ритц» совсем рядом с моим Домом моделей. «Ритц» остался моим пристанищем в Париже навсегда.

Ириб оказался моей последней попыткой стать счастливой. Позже у меня еще был любовник, но это уже чисто физиологическое. С Ирибом я поверила, что смогу избежать

одиночества. Под моим нажимом и на мои деньги он возрождался, снова издавал газету, активно занимался рекламой, помогая ему, я словно поворачивала время вспять.

Отношения с Ирибом стали своего рода отдушиной. Он не был похож ни на кого из моих прежних мужчин и одновременно похож на них всех. Я не любила Ириба, как Кейпела, он не был загадочен для меня, как Дмитрий, не был непредсказуем, как Вендор, не уходил в заоблачные выси сомнений, как Реверди, поэт, с которым у меня ничего не получилось, но осталась дружба… И для него неважен мой социальный и семейный статус. Ириб был свой, такой же, как я сама.

Он познал роскошь и почти нищету, знал, как тратить деньги и как их зарабатывать. Ириб мог говорить об искусстве, но не как знаток Серт, мог беседовать о делах, но не как Кейпел, мог рассуждать о роскоши, но не как Вендор, он все делал как я сама, на том же уровне, за ним не приходилось судорожно тянуться или, напротив, опускаться. Это был мужчина моего уровня.

И он был также одинок.

Подозреваю, что именно одиночество толкнуло нас друг к другу. А еще страсть, которую я очень не люблю, считая, что именно страсть лишает человека разума и делает беспомощным. Но мы даже страсть поставили себя на службу, прекрасно понимая, что это последний всплеск в жизни, ведь обоим за пятьдесят.

В Париже имелись апартаменты в «Ритце» (Ириб перестал обучать меня экономии и отучать от роскоши), но свободное время мы проводили в «Ла Паузе», особенно летом. Все было великолепно, под влиянием счастья, пусть и запоздалого, мои модели стали более женственными. В воздухе уже ощутимо пахло будущей войной и крупными неприятностями, но так верилось, что все обойдется… Женщины, острее чувствовавшие приближающуюся грозу, тоже потянулись к женственным силуэтам. Моя личная жизнь снова вписывалась в общую, и очень успешно.

Удивительно, но Ириба не любили все мои подруги, даже Колетт, которая называла его замаскировавшимся дьяволом. Я смеялась, но никак не могла их понять. Неудивительно, что сопротивлялась Мися, ей просто не хотелось отдавать меня Ирибу, но почему Колетт, она же столько писала о любви и страсти?

Его ругали все мои знакомые, ругали за нелепые политические воззрения, за шовинизм и антисемитизм. Говорили, что, наслушавшись такого советчика, я вскоре тоже пойду на демонстрацию с требованием «Франция французам!». Я не

понимала таких обвинений, ведь сам Ириб вообще-то был испанцем, хотя и родившимся в Париже. Но испанские корни в нем выдавал невесть откуда взявшийся акцент, истребить который не удавалось.

Ругали его и за то, что лозунг «Франция французам!» был подхвачен и использован во время беспорядков. Я только пожимала плечами:

— Если я скажу механику «Вперед!», разве это будет означать призыв к повторному взятию Бастилии?

Меня, например, тронуло, что на своем рисунке гибнущей Франции в облике распятой Марианны во фригийском красном колпаке, которую судили Рузвельт, Чемберлен, Муссолини и Гитлер, он придал лицу Марианны мои черты. Лицо, конечно, легко узнали, и отовсюду посыпались насмешки.

Думаю, мои политические взгляды сформировал именно Ириб. До тех пор я никогда не интересовалась политикой, главное, чтобы война поскорее закончилась и наступила мирная, спокойная жизнь. Теперь, внимая ему, начала задумываться над «коварством туманного Альбиона», «варварством русских орд», «железной поступью рейха». Хороши разговоры двух влюбленных? Но таков Ириб, а я послушно соглашалась.

Соглашалась, хотя часто хотелось возразить, ведь у меня много знакомых англичан, коварства которых я не замечала вовсе, не говоря уж о варварстве русских. Ну какие же варвары Дягилев или Стравинский, как можно назвать ордой моих знакомых русских что в Париже, что в Нью-Йорке, что в Лондоне?

Ириб легко опровергал такие сомнения: не коварен Вендор? Но разве он у власти? Не варвары те, кто бежал из новой России? Но они потому и бежали, что там у власти варвары. Так же легко убедил меня в нелюбви к евреям. Не кому-то определенному, а евреям вообще. У них в руках вся власть в мире, потому что в руках деньги. Разве не обирают все эти люди доверчивых граждан любой страны? И ведь как хитро, исподволь, заманивая в свои сети, а потом выпивая кровь, как паук из попавших в паутину мух.

Далеко за примером ходить не нужно: Вертхаймеры, которые попросту наживаются на производстве моих духов.

Тут Ириб попросту наступил на любимую мозоль, разбередил рану, которую я сама старалась не задевать. Когда-то подписав с братьями Вертхаймерами договор о распределении обязанностей и средств, я давным-давно пожалела об этом. Мне доставались всего 10 %, а остальное уходило братьям. И тогда я доверила Ирибу представлять мои интересы в борьбе с компаньонами в фирме «Духи Шанель». Не то чтобы мне не хватало денег, их было достаточно даже на дорогостоящие прихоти вроде возрождения

газеты «Темуан» — любимой игрушки Ириба, но я не желала, чтобы там, где используется мое имя, кто-то получал по сравнению со мной так много.

Вертхаймеры были евреями, это усугубляло дело. Ириб взялся за поручение с жаром, благодаря ему противостояние с компаньонами едва вообще не разрушило все дело. Мы с Ирибом даже решили выпустить те же духи, только чуть улучшив их аромат, и под другим названием.

«Военные» действия велись уже нешуточные, Пьер Вертхаймер был вынужден нанять опытных юристов, которые пытались убедить меня, что только одного имени и формулы духов явно маловато, чтобы претендовать на большую часть дохода, ведь братья вкладывают в дело куда больше… Они приводили тысячи примеров иного распределения доходов, все не в мою пользу, я понимала, бывало даже соглашалась с разумными доводами, но стоило поговорить с Ирибом, и все мои согласия испарялись, как вода на солнце.

Вот тогда я и поручила Ирибу воевать с евреями Вертхаймерами. Пусть он воюет с мужчинами, мне достаточно женщин.

Как раз в это время меня стала серьезно беспокоить неожиданная соперница — Эльза Скиапарелли. После моей победы над Пуаре казалось, что дурацкие идеи больше никогда не проникнут в мир моды, она будет элегантной и строгой по стилю. Но в этом мире сошли с ума все, в том числе и мои клиентки, часть из них стала одеваться у Скьяп, предлагавшей клоунские шляпы или пиджаки с рукавами разного цвета!

Я понимала, что предстоит еще одно большое сражение, так же, как я когда-то победила Пуаре, теперь нужно сражаться с безвкусицей Скьяп. Возвращение к прежней глупости? Ни за что! Я еще дам бой, только вот летом отдохну немного и справлюсь со всеми нелепостями!

Ириб, наконец, получил развод со своей американской женой Мейбл и теперь был свободен. Это могло означать только одно: мы скоро поженимся. Ради такого стоило хоть на время забыть противную итальянку с ее дурацкими клоунскими нарядами и безвкусицей, возведенной в ранг искусства кутюрье. Пока для меня существовал только Ириб и счастливое лето.

Я много раз убеждалась, если в жизни все слишком хорошо, надо готовиться к самым большим неприятностям. Мелкие пакости не предвещают ничего страшного, а вот полный штиль и яркое солнце — это обязательно очередной удар. Судьба словно усыпляет бдительность, чтобы потом было еще больней.

Но бывают удары, которые ни предусмотреть, ни предотвратить нельзя. Они случаются во время самого большого счастья и потому особенно страшны.

У Ириба диабет. Помня об участи Дягилева, я строго следила за его диетой и распорядком дня, заставила похудеть, хотя он и так не был слишком толстым, теперь Ириб казался совсем моложавым и подтянутым.

В тот день светило солнышко, Ириб с гостями стоял на корте. Белый костюм для тенниса выгодно оттенял загар, делая его еще привлекательней. Я тоже любила белый, и мой загар тоже заметен.

Я, улыбаясь, шла ему навстречу сказать, что скоро обед…

Сначала никто даже не понял, что произошло. Ириб сделал ко мне несколько шагов, вдруг схватился за сердце и… рухнул замертво!

«Он умер мгновенно, не мучаясь…» Я уже слышала это о Кейпеле, Бой тоже умер мгновенно…. Тоже умер…

Снова жестокая судьба отнимала у меня возможность быть счастливой рядом с мужчиной, оставляя в одиночестве.

Жизнь померкла, я прекрасно понимала, что это последняя попытка, свадьбы больше не будет ни красивой, ни даже очень простой. От меня ушел последний мужчина, который мог стать моим мужем. Хотелось крикнуть небесам: «За что?!». Что за проклятье на нашей семье, ведь мать умерла из-за мужчины, которого любила, Жюлия осталась с ребенком на руках и тоже умерла, Антуанетта погибла из-за своей любви, Адриенна, столько лет дожидавшаяся своего Мориса, тоже недолго прожила с ним замужней, Морис оставил ее вдовой…

А я? Может, лучше было бы когда-то принять предложение Бальсана и жить в Руайо хозяйкой, выезжая в Париж лишь на скачки или поесть устриц в ресторане? Но тогда не было бы Коко Шанель, не было бы фирмы моего имени, духов, стиля…

Надо было давно понять, что за возможность стать Шанель, диктующей свой взгляд на жизнь миллионам, нужно платить собственной жизнью, своим счастьем. За счастье творить расплата одиночество.

Одиночество. Навсегда, даже когда рядом люди, когда есть с кем поговорить, одиночество, потому что все они уйдут в свои семьи, к своим любимым или даже нелюбимым женам, детям… а я ни к кому не уйду. Я одна, совсем одна, хотя живы два брата, жива Адриенна, жив племянник Андре, живы мои любовники… Но у всех своя жизнь, в которой главное место занимает вовсе не мадемуазель Шанель.

В то же лето на машине разбился брат Руси Алексей, Мися,

бросив меня, умчалась утешать Русю и Серта. Она была не нужна им, но помчалась. На что надеялась моя подруга? Ведь она была так же никому не нужна, как и я. Мы два одиноких скорпиона.

Мися основательно привыкла к морфию, который колола уже большими дозами, она и мне предложила как средство от бессонницы сильнодействующее средство — седол.

Я лежала и думала, колоть его или нет. Седол хорошо помогал забыться, пусть и в беспокойном сне. Рядом не было никого, совсем никого. На «Ла Паузе» мы с Ирибом не держали слуг, если нужно, то нанимали на время или приглашали из ресторана. Я совсем одна, если вколоть больше, чем нужно, то можно не проснуться.

Совсем не проснуться… Так легче — заснуть и не проснуться… Найдут не скоро, потому не спасут, не вытащат принудительно из небытия.

А осенняя коллекция… ну, что осенняя коллекция? Не будет моей, покажут другие. Мода не стоит на месте, она будет развиваться и без меня, как развивалась до того. Мысли невольно перекинулись на коллекцию, уже через пару минут я забыла о бессоннице, но не потому что сладко посапывала во сне, а потому что мысленно создавала новую коллекцию.

У меня больше не было любимого мужчины, не было надежды создать хоть подобие семьи, не остаться в старости в одиночестве. Если я уже заплатила свою дань, значит, дальше наказывать строптивую Шанель судьбе не за что, значит, можно жить, не надеясь на счастье вдвоем, а занимаясь только работой?

Я удивилась, почему столь простая мысль до сих пор не пришла мне в голову: я уже сполна заплатила судьбе за все, она больше не должна ставить мне препоны.

Теперь я окончательно стала Коко Шанель, оставив позади не только свое прошлое, но и саму надежду стать кем-то иным.

Если бы тогда знать, сколько еще трудностей и тяжелых испытаний впереди, может, я и вколола бы седол… Но я не знала, просто верила, что смогу найти счастье в том, что мне осталось…. Я буду, как Дягилев в своей работе, умирать с каждой коллекцией и рождаться заново, чтобы в следующий раз она вместе со мной родилась снова.

Начало сумасшествия

«Она встала вровень с мужчинами!» Почему это считается похвалой? Я знаю стольких мужчин-ничтожеств… Что же мне, опускаться на колени, чтобы быть с ними вровень? Тем более глупые мужчины, чтобы доказать самим себе, что они мужественны, время от времени играют в войны, и даже мировые. Если войн нет, изобретают кризисы. Никто не сможет убедить меня в том, что кризисы не придуманы нарочно. Пока люди просто работают, все в порядке, но потом находится тот, кому кажется всего мало — зарплаты, отпусков, льгот, уважения…

Я уважаю только тех, кто хорошо делает свое дело, а не тех, кто много кричит и чего-то требует.

Париж охватило всеобщее безумие. Забастовка!

Это сродни эпидемии, испанке, когда все, вместо того чтобы работать, стали просто просиживать положенное время на рабочих местах, распевая глупые песенки.

Я долго не хотела даже слышать о таком, казалось, уж мою мастерскую это безумие минет. С чего бастовать моим девушкам, ведь они получают вполне приличную по сравнению с другими зарплату, я забочусь о них, как могу, отправляю на отдых, слежу за здоровьем и внешним видом… Если иногда и делаю это излишне резко, то менять свой характер в угоду какой-нибудь работнице вовсе не собираюсь. Не устраивает — пусть поищет другое место.

Все началось в апреле 1936 года, а может, и несколько раньше, когда эти социалисты принялись кричать о победе Народного фронта. В собственной стране, где не шла никакая война, объявить о создании «фронта»! Но нашлось столько желающих вместо дела болтать языками, что этот Блям победил на выборах и сформировал правительство. Еврей и к тому же социалист — премьер-министр Франции.

Мне совершенно наплевать на их игры в правительстве, если

бы дурное поветрие не расползлось по Парижу — левые партии всех оттенков призывали бастовать. Все, кто мог, бросились вывозить деньги за границу, кто не мог, прятали подальше. На Бирже паника, в стране паралич. Ну, почти паралич.

Я не закрыла ставни своего Дома моделей ни на день, я держалась. Мои работницы исправно получали зарплату, хотя, конечно, многие богатые заказчицы поторопились отплыть за океан, справедливо полагая, что там можно отсидеться. Действовал и мой дом отдыха для работниц в Мимизане.

Бастовали сначала мужчины. Я всегда говорила, что они готовы выдумать что угодно — праздники, забастовки, войны, конец света, только чтобы не работать. Другое дело женщины, они понимают, что, бастуя, лишь ухудшишь положение. Бастовали всюду: закрывались заводы, фабрики, железнодорожные станции, стояли такси, не работали рестораны, кафе, кинотеатры…

Глупости, как, скажите, можно поправить дела, не развозя пассажиров на такси или не выпекая хлеб? Что заработать, если не ткать и не строить, не делать автомобили и не убирать мусор? Эти глупцы считали, что можно.

Я могла пережить закрытые рестораны, могла пройти пешком от «Ритца» до своего Дома, могла не ходить в театр, но когда забастовали текстильщики и стало ясно, что мы можем не получить нужные ткани в нужном объеме, разозлилась!

Однако это только начало. Эпидемия идиотизма и бунтарства распространилась и на женщин. Закрылись огромные магазины, даже «Галери Лафайет». Это было сумасшествием — видеть, как за стеклянными дверьми продавщицы просто сидят, весело перешучиваясь и напевая песенки, но не собираются работать или освобождать свои места! В их глупые головы не приходила мысль, что каждая минута простоя — это огромные потери, от которых они тоже могли бы получить что-то.

— Чего они хотят?!

Мне отвечали:

— Повышения заработной платы, заключения договоров с профсоюзами, понедельной оплаты и уважения со стороны работодателей.

Как можно требовать повышения заработной платы, просиживая с песенками при закрытых дверях магазина?! Как можно уважать тех, кто сделал все, чтобы принести максимальные убытки?! Я возненавидела эти профсоюзы. Я нанимала работниц каждую лично, подолгу обучала их, потому что далеко не у всех было умение и руки росли из нужного места. Зачем мне какие-то профсоюзы? Почему между мной и моей

портнихой должен стоять еще кто-то, и я кому-то давать отчет о своих с ней отношениях?

Слишком требовательна? Но как же иначе, если разрешить работать, допуская огрехи в мелочах, эти огрехи вырастут до гигантских размеров. Кривой или некачественный шов у одной из моделей сегодня завтра превратится в криво сидящее изделие. Я повышала голос или сердилась, а может, даже кричала на неумех? Но они должны быть мне благодарны за учебу, моих работниц с удовольствием переманивали в другие Дома, потому что знали, к какому качеству работы они приучены. При чем здесь профсоюзы? Разве профсоюз будет учить ровно отглаживать складки или правильно втачивать рукав? И почему я должна переделывать свой характер в угоду тем, кто не хочет выполнять работу отлично?

До сих пор при воспоминании о тех летних днях меня трясет. Я, столько сил вложившая в свой Дом, была просто уничтожена, когда и мои работницы поддались дурному влиянию социалистов. Я утверждала и буду утверждать, что Францию погубила именно та забастовка 1936 года, когда в стране все посыпалось словно карточный домик. А все этот Блям со своими дурацкими идеями. Вообще-то, его звали Леоном Блюмом, но мне больше нравится Блям, это соответствовало результату его деятельности. «Блям!» — и Франция в луже грязи, а потом оккупация, которую так проклинали. Не было бы Бляма, не было и оккупации.

Лето уже началось, с осенней коллекцией еще очень много работы, но необходимые ткани удалось получить со складов, думать о том, с чем и как мы будем работать осенью и зимой, не хотелось, придет время — подумаем.

В тот день появляться рано утром в Доме необходимости не было, и я еще лежала в постели в своих апартаментах в «Ритце», когда туда прибежала мадам Ренар. Она была взволнована, я даже подумала, что Дом сгорел, не иначе. Но неизвестно, что хуже, за пожар я хотя бы получила страховку и не получила столько унижения.

— Мадемуазель, они решились бастовать!

— Кто?

— Ваши работницы.

— Мои работницы бастовать? Этого не может быть, я достаточно хорошо плачу им, забочусь о них…

Не помню, что говорила она, что отвечала я, неважно, у меня было одно желание: послать всех к черту! Ренар отправилась домой, а я снова улеглась, правда, заснуть не удалось. Немного

погодя от портье прислали сказать, что ко мне явились «делегатки от ателье на улице Камбон» и желают со мной встретиться.

Не просят, а желают!

Я даже не стала выяснять, кто именно из работниц пришел, фыркнула:

— Мне незнакома такая должность в моем ателье — делегатка, а следовательно, никого принимать не намерена. Если мои работницы жаждут меня видеть, они смогут сделать это несколько позже, когда я приду на рю Камбон.

А потом было то, что оказалось хуже Виши. Как когда-то в кафешантанах Виши я слышала «нет!» в ответ на все свои разумные предложения. Меня не пустили в мое собственное ателье!

Чего они требовали? Заключить трудовые договоры, получать куда больше, чем того стоили, по две недели отдыхать при сохранении заработной платы и не желали работать сверхурочно, а если и оставаться, то только за дополнительную плату. Вот это последнее требование возмутило меня больше всего.

— Вы полагаете, что в случае вынужденной переделки, если вы не выполнили работу в срок и качественно, платить должна я? Вы сделали кривой шов, а я должна либо принять никуда не годную работу, либо заплатить вам, пока вы будете переделывать?

Кажется, это немного привело «делегаток» в чувство, но почти сразу они ополчились на сверхурочную работу снова.

— Нам приходится оставаться по вечерам слишком часто!

— Работайте лучше в обычное время, чтобы не пришлось оставаться и переделывать.

— Мадемуазель, если вы не заключите договора, мы вообще не будем работать.

— Пожалуйста. Вы можете считать себя уволенными.

Я не собиралась дольше обсуждать требования этих бездельниц, которые уже половину дня провели, распевая песенки, вместо того чтобы работать.

Они получали больше, чем работницы других ателье, две недели в год летом отдыхали в чудесных условиях в Мимизане, имели прекрасную форму для работы, их ценили только оттого, что могли назвать мое имя при вопросе о работе. Но им не хватало написанного со мной договора! Словно я когда-то нарушала самой же установленные правила. Я требовала только одного: работать качественно и не мешать делать это же мне.

Требование записать все их преимущества на бумаге было обидным, очень обидным. Я не желала больше разговаривать с

теми, кто так отвечал на мою заботу.

Шел день за днем, а настырные бездельницы продолжали по очереди просиживать в ателье, никого туда не пуская и ничего не делая сами. И управа на них не находилась, потому что так же бастовали тысячи других, справиться с которыми полиция просто не в силах.

Я скрипела зубами в своих апартаментах в «Ритце». Однажды стало даже смешно: а если и работники «Ритца» забастуют? И вместо внимательного портье я увижу насвистывающего песенки бездельника?

— Вы не собираетесь бастовать?

— Упаси бог, мадемуазель, мы дорожим репутацией «Ритца».

Вот это и было самой большой пощечиной мне со стороны собственных работниц — они не дорожили с таким трудом созданной репутацией моего Дома, им наплевать, что мои клиентки, не получив заказов в назначенное время, могут просто отказаться от дорогих изделий. Куда я дену платье герцогини N или костюм мадам X, которые скроены и почти сшиты именно для них? Репутация Дома моделей Шанель работниц этого Дома не беспокоила, но они ожидали, что я по-прежнему буду отправлять их подышать воздухом в Мимизан, дарить отличившимся подарки на Рождество или следить за их внешним видом! Они ожидали, что я буду держать их в ателье после подлости, которую сделали по отношению ко мне.

Я так долго и трудно создавала это имя — Шанель, а они готовы его легко разрушить только потому, что не желают задержаться подольше, чтобы переделать собственную неряшливую работу. Вот к чему приводят идеи всяких социалистов и коммунистов! Все равны… глупости, как могут быть равны труженики и бездельники?

Но можно сколько угодно злиться и ломать сигареты при попытке закурить, положение от этого не менялось и выполнить самое большое желание — просто закрыть Дом моделей и выставить на улицу всех — нельзя. Не потому что полиция не стала бы справляться с самозванками, захватившими мой Дом, в конце концов, можно просто отключить там электричество и подождать, пока работницам не надоест валять дурака и они уйдут сами. Нет, их сила была в моей слабости — осенней коллекции.

Они прекрасно знали эту слабость, до показа оставалось совсем немного времени, просиживать дальше означало пропустить показ и уступить подиум Скьяп! У боксеров это называется нокдауном. Начни они забастовку раньше, я смогла

бы найти других работниц и открыть еще одно ателье, но сейчас, когда времени не осталось совсем ни на что, так поступать со мной было предательством. Они его совершили, прекрасно понимая, что я либо соглашусь, либо лишусь имени.

Я попыталась перехитрить, предложила работницам Дом в подарок при условии, что останусь во главе него. Они считают, что могут получать за свою работу много больше, а времени тратить много меньше? Пожалуйста, вот он Дом моделей, у него уже есть все — оборудование, имя, клиентура, берите и распоряжайтесь. Сами закупайте ткани, сами расплачивайтесь с поставщиками, сами продавайте коллекции, а оставшиеся деньги делите между собой так, как считаете нужным.

Конечно, они отказались, прекрасно понимая, что деньги делают не только мое имя, но и мои способности их делать! Отказались, но от своего не отступили. Как я ненавидела в те дни каждую из портних, как хотелось вышвырнуть их всех вон, а потом встретить самых рьяных на улице, просящими милостыню. Дело не в том, что я теряла доходы из-за их упрямства, куда сильнее меня унижала необходимость подчиниться их диктату. Возможно, попроси они меня, а не диктуй, я и пошла бы навстречу, но так… Я с детства не терпела ничьего диктата.

Они победили, я уступила, но что это была за победа! Победили не они, а время и мое нежелание сдавать позиции проклятой Скьяп, не уступать же неряшливой итальянке?

Когда договора были подписаны и работа началась, я не желала видеть никого из них, а тем более всех сразу. Я не смотрела на них, этих предательниц, считая своими врагами, не называла по имени, все распоряжения и требования передавала в сторону, ни к кому не обращаясь.

Удивительно, но злость вылилась в нечто совершенно противоположное и не только на осеннем показе. Куда больший успех был на международной выставке в мае следующего года. Париж делал вид, что у него все хорошо, что он уже оправился от шока и беспорядков. Я тоже делала такой вид.

Но у нас плохо получалось — и у меня, и у Парижа.

Длинные платья с юбками, как у цыганок, хотя совсем в других цветах — цветах французского флага, цветах несчастной Франции, которую предали собственные же люди. А если страну предают свои граждане, то почему бы этим не воспользоваться чужим?

Это был страшный для меня 1939 год… После него наступили пятнадцать лет молчания и забвения, пока я сама не решила вернуться, хотя меня уже никто не приглашал.

Как я «сотрудничала» с немцами

Обида возникает тогда, когда ты не можешь ничем ответить, обида — это собственное бессилие неважно перед чем — поступком человека или многих людей, несправедливостью судьбы. Если человек может что-то сделать против, исправить или даже отомстить, он не обижается, он действует.

В 1939 году я была обижена на весь свет именно потому, что не могла ничего поделать. В сентябре началась война…

Я уже пережила одну войну, тогда, пусть не рядом, но у меня был Кейпел, теперь никого. И тогда была, в общем-то, никем, теперь у меня имя и деньги. У меня было дело и, казалось, стабильность.

Но события предыдущих лет научили, что как раз ее можно легко потерять, стоит только твоим собственным работницам возомнить себя большей ценностью, чем владелица Дома моделей. И мое дело, будь то шляпки или платья, не слишком нужно, если на пороге война.

Нутром я почувствовала эту разницу — между той и новой войной. Тогда аристократические семьи бежали в Довиль, позволив мне именно там успешно конкурировать с Пуаре. Мои предложения оказались весьма кстати для ситуации, в которую попали многие состоятельные дамы. Теперь положение оказалось совсем иным. Все, кто мог, из Франции спешно уехали, остались те, кому не по карману платья от Шанель. Я сомневалась, скоро ли они вообще будут нужны. Наверняка женщины надолго переоденутся в форму, станут сестрами милосердия, сядут за рули машин или к аппаратам связи…

Началась всеобщая мобилизация.

При чем здесь Шанель?

Но мне уже немало лет, и никто не мог даже предположить, как долго все продлится.

Я решила закрыть свой Дом моделей, уволив практически весь персонал. Остались только те, кто в магазине продавал духи и парфюмерию. Франции не нужна мода Шанель, да и остальному миру тоже не до меня.

О, какой подняли крик! Предательница! Дезертир! Бросить

Францию в столь трудную для нее минуту! Словно от того, заказывают или нет аристократки у меня наряды, зависел исход войны.

Но самый большой шум подняли профсоюзы. «Вы не можете выбросить на улицу две с половиной тысячи верных вам работниц, это нечестно по отношению к ним!»

Я смотрела на человека в круглых очках с тонкими дужками и думала, что он делает во главе команды женщин, явившихся уговаривать меня. «Верных мне»? «Нечестно»? Очень хотелось напомнить, что эти же работницы не были мне верны три года назад, когда своей забастовкой едва не сорвали показ осенней коллекции, вовсе не считая откровенный шантаж нечестным поведением.

— Я устала думать обо всех, кроме себя. Нет.

— Подумайте о том, что, закрыв ателье, вы потеряете клиентуру!

Дурак, моя клиентура давным-давно перебралась за океан или хотя бы через Ла-Манш. Но я не стала объяснять, только фыркнула:

— Мне больше не нужна клиентура.

— Но ведь еще будут концерты, различные мероприятия, даже показы мод. Разве вы сможете усидеть дома?

— Кто и кому будет показывать эти модели и что это будут за модели?

Кажется, он понял, что меня не проймешь, но еще одну попытку сделал:

— Но вы не сможете оставить мир Высокой моды, в котором царите.

Ах, какая лесть! Только неуклюже и не вовремя.

— Высокая мода сейчас никому не нужна.

К этому очкарик готов, тут же принялся убеждать, что я с моим чутьем и стремлением к простоте и удобству могла бы создать идеальные модели для французской армии, для женщин, служащих в ней.

— Это такие огромные заказы, что даже ваш Дом едва ли справится, нужны фабрики…

— Я?!

Как же мне хотелось просто плюнуть ему в лицо. Столько лет создавать стиль, столько лет добиваться права диктовать моду на подиумах, чтобы теперь создавать форменные фартуки санитаркам или униформу для водителей санитарных машин?! От плевка удержало только то, что очки у этого наглеца точно такие, как носил Ириб. Казалось, плюнув в эти очки, я плюну и в память об Ирибе.

— Нет! Ни при каких условиях. Дом моделей закрыт, и ничто не заставит меня его открыть!

Одна из активисток, до сих пор просто молча пыхтевшая за спиной очкарика, фыркнула громче меня самой:

— Да она просто мстит нам!

Я вложила в ответ все презрение, на которое была способна:

— Мшу? Вы себе льстите, мстят тем, кто ровня. Кажется, всеобщее равенство у нас еще не наступило, нет? Так как же я могу мстить вам?

Они ушли. И не только они, уволилась даже часть продавщиц, но мне наплевать, так даже легче.

Я холила и лелеяла свою обиду. Судьба снова ополчилась против, лишив меня всего. У меня не было любимого мужчины, не было семьи, которая могла бы поддержать, не было друзей. Любимый мужчина умер, друзья разбежались по разным углам мира, а семье нужны только мои деньги. Адриенна почти заперлась в своем замке, она жила только своей семьей, хотя и готова принять кого-то из братьев или племянниц, если те пожалуют.

А вот Альфонс и Люсьен спокойно жили на мои средства, принимая это как должное. У них было все: любящие жены, дети, мои деньги, уверенность в завтрашнем дне. Уверенность и родственное окружение — то, чего у меня не было.

Обида на семью оказалась даже более сильной, чем на проклятые профсоюзы. Те хотя бы действовали в своих интересах и ради денег. Разве не мог бы тот же Альфонс приехать в Париж во времена забастовок и разогнать этих противных забастовщиц? Разве не могли мои братья навести порядок жесткой мужской рукой? Нет, они спокойно сидели и ждали, когда я выпутаюсь из своих неприятностей сама и пришлю им денежное содержание. Когда Альфонсу бывали нужны деньги, он не считал за труд примчаться ко мне…

А Адриенна, что она? Для моей тетки ее семья была куда важней меня. Прошли те времена, когда Адриенна помогала мне во всем, тогда я была нужна. Но стоило умереть старому барону, и тетка, став баронессой, зажила своей, отдельной от меня жизнью. Разве это не предательство?

Меня предали все — от умершей в далеком детстве матери и бросившего нас отца до сестер и братьев, Адриенны, любовников и друзей до партнеров по бизнесу и моих работников!

Но если меня предали, оставили одну разбираться с жизненными неприятностями (я ни у кого не просила помощи, но ведь они и не спрашивали, нужна ли такая помощь!), значит, и мне никто не нужен. Никто! Оставался только сын Жюлии Андре,

этому мальчику я была нужна. Но и он взрослый, скоро будут свои дети.

Ну и пусть, одна так одна! Только и поддерживать я тоже никого не буду.

Альфонсу и Люсьену полетели письма о том, что мой Дом моделей закрыт и денег больше нет. Я много лет посылала им значительные суммы просто потому что они моя семья, ничего не требуя взамен. Но теперь решила, что если уж одна, так одна! Тех денег, что у меня остались, и тех, что поступали от продажи духов и мыла, вполне хватало, чтобы весьма неплохо жить, мной двигали вовсе не жадность и даже не опасение остаться без гроша.

Когда ты видишь, как рушится то, что так долго и трудно создавалось, возникает желание помочь ему разрушаться. Я разрушала и разрушала все, что было в моей жизни, — закрыла дело, перестала творить, порвала отношения с семьей, с друзьями, в конце концов даже уехала из Парижа!

Мне наплевать на всех остальных, даже тех, в ком текла одна со мной кровь! Самобичевание иногда приносит утешение, бывает, когда хочется ковырять и ковырять рану, чтобы вдоволь насладиться причиняемой болью. Когда доходишь до невыносимых ощущений, рану приходится залечивать.

В Париже творилось что-то невообразимое — все куда-то бежали, на улицах держалась вонь от горящих на окраине складов, этот мерзкий запах проникал даже в закрытые окна, ни один магазин или ресторан не работал нормально, город сошел с ума. Вот когда я порадовалась, что успела закрыть ателье.

Что делать в обезумевшем городе? Я тоже сбежала.

Это сумасшествие длилось всего пару месяцев, но его хватило, чтобы осознать, что прежней жизни уже не будет. Меня прозвали коллаборационисткой, а потому сейчас никто не поверит, что, услышав о капитуляции, я проплакала целый день, ведь это означало, что мой любимый Париж надолго станет городом с военными порядками. Я хорошо помнила, как он выглядел после предыдущей капитуляции… Ну почему французы умеют долго кричать о патриотизме и так быстро сдаются перед грубой силой?

Я надеялась, что смогу спрятаться в Кобере в замке, купленном для Андре, но ничего не получилось. Там было невыносимо скучно, все говорили об ужасах оккупации, при этом весьма весело проводя большую часть времени в ресторанах. Но главным оказалось не это — мой дорогой Андре попал в плен, и его требовалось немедленно вызволять.

Делать это, сидя в Кобере или Виши, невозможно, нужно возвращаться в Париж. Позже надо мной немало смеялись из-за поспешного бегства и не менее поспешного возвращения. Что ж, кому очень смешно, кто не испытал на себе этот ужас огромной толпы, которой не пробиться на юг, негде ночевать и негде поесть, может считать, что я просто съездила проведать Кобер и Виши, потому что стояла хорошая погода.

В Париже на каждом шагу красные полотнища со свастикой в белом круге. Потом они как-то нивелировались, перестали так сильно бросаться в глаза, но это когда открылись магазины и рестораны, а сначала на фоне закрытых витрин черные свастики были особенно заметны. На «Ритце» тоже! Отель приглянулся немцам, и они решили его заселить. Охрана, те же флаги…

Мои вещи не выбросили, потому что чемоданы попались на глаза какому-то начальнику, в мирное время дарившему своей жене «Шанель № 5», однако сам номер оказался занят. Можно бы поселиться еще где-то, в полупустом Париже жилья достаточно, но внутри что-то уперлось, а еще Бой твердил, что я упряма,

как осел. Казалось, если сейчас уступлю свое место в «Ритце», то вообще уступлю немцам. Упрямство толкнуло меня согласиться на две маленькие комнатки с ванной и окнами на рю Камбон.

Я поселилась в одном отеле с оккупантами! Ах и ох! Предательство, никак не меньше! Коллаборационизм! Как можно?!

Если уж так ужасно жить и работать с ними рядом, может, было бы лучше вообще не пускать немцев в Париж? Сначала проиграли все, что можно, а потом ужасаются. Чем обвинять всех, кто не захотел ложиться и умирать в знак протеста против оккупации Парижа, не лучше ли задаться вопросом о том, что должны делать эти люди? Бежать из города куда глаза глядят? Сидеть в своих квартирах, закрывшись на сто запоров, и пухнуть от голода? Но у них дети, а даже если детей нет, людям нужно что-то кушать, на что-то жить, что-то делать, в конце концов! От того, что на флагштоках полотнища со свастикой, обеды и ужины никто не отменил, но на них надо заработать, а чтобы работать, требовалось получить разрешение у администрации. Почему это называлось «сотрудничество с оккупантами»? Дайте другую администрацию, и люди будут сотрудничать с ней.

После освобождения Парижа, говорят, в городе на площадях устраивали показательные наказания женщинам даже не проституткам, а тем, кто спал с немцами. Их брили наголо, раздевали и со злорадными воплями в таком виде водили по

улицам.

Я против оккупации, потому что это все равно был не Париж, не наш замечательный Париж. Но почему те, кто эту оккупацию допустил и бросил парижан на произвол судьбы, считают себя вправе строго спрашивать с оставшихся?

У меня работал только магазин, где продавали духи, парфюмерию и аксессуары. Очередной парадокс: почему производить духи можно, а продавать их нельзя? Не потому ли, что фабрики принадлежали евреям, а магазин мне? Я плевала на любую критику и попыталась наверстать то, что поневоле упустила за предыдущие годы. Знаете, что я делала? Ни-че-го! Редкая возможность побездельничать.

Париж того времени уже не был мрачным и даже пустым. Многие вернулись, а те, кто не уезжал, выбрались из своих норок. Постепенно снова открылись магазины, рестораны, театры… Не было бензина, но появились велорикши, свастика на каждом шагу стала привычной и почти перестала раздражать. Город ожил, несмотря на продовольственные ограничения, множество людей в военной форме и ежедневно марширующих по Елисейским полям колонн немцев.

Теперь много читала, а также… пела. Глупость? Я так не думаю, я больше не намеревалась выступать в притоне вроде «Ротонды», но для себя-то петь можно? Уроки пения весьма скрашивали жизнь. И кто мог осудить меня? Столько лет усердно трудясь, я имела право на отдых, пусть и в столь странное время. Но кто знал, как все это надолго? В 1940 году и пару лет позже никто не ожидал скорого окончания войны, а если и ожидал, то вовсе не в виде поражения Германии.

Сколько можно петь, читать, болтать с друзьями и делать вид, что ты довольна жизнью? Оказывается, безделье может быть грузом куда более тяжелым, чем немыслимое количество работы. Кроме того, оно меня страшно раздражало, настолько, что я принялась вымещать свое настроение на всех подряд. Одиночество, неприкаянность, отсутствие любимой работы — это все не на пользу моему характеру. Я решила, что миру, ввергнутому в войну, не нужны нарядные платья и новая одежда, что мои модели не соответствуют военному времени, что женщинам не пристало шить вечерние платья, когда мужчины на войне. Я закрыла свои ателье, отпустив работниц, которые тут же устроились к другим. Их брали с удовольствием, потому что одно упоминание о работе «у Мадемуазель» было лучше любых рекомендаций, оно означало прекрасную обученность и умение работать без огрехов. Работницы не могли передать мои

собственные методы, но могли прекрасно выполнить порученное.

Я закрылась, а другие Дома моделей работали! Одно могло меня радовать — противная Скьяп с ее дурацкими идеями, попросту позорящими французскую моду, тоже закрыла свой Дом и уехала. Слава богу, потому что понимать, что она снова наводняет Париж карманами в виде алых губ или нашитыми на платье руками, якобы хватающими женщину за грудь, в то время как я у рояля занимаюсь вокализами, было бы слишком.

Хотя, думаю, немцы не позволили бы ей сделать такого, разве что наряжать в ее идеи девиц из борделей… Честно говоря, они ни на что другое не годны, лепить на одежду распластавшегося рака, только чтобы привлечь внимание к определенной части тела женщины, использовать сумасшедший оттенок розового с примесью фуксии, изобретать пуговицы в виде птиц и чуть ли не тараканов могла только женщина с неимоверно дурным вкусом. А флакон для духов в виде обнаженного портновского манекена? Ненавидела, когда меня спрашивали о соперничестве с этой извращенкой!

Как можно соперничать с дурным вкусом? Она никогда не устанет поражать своими выдумками? Конечно, это же ничего не стоит, взять идеи Сальвадора Дали и наляпать на дурно скроенное платье — вот и все новаторство. Если для меня важней всего силуэт, посадка на фигуре и удобство движения, то у нее главное — поразить! Поразить любой ценой! Раздельный купальник вместо единого спортивного костюма… Ах, какое новшество — отделить бюстгальтер от трусов! Словно мужчины не видели своих дам в таком виде в спальне. Но если поинтересоваться у них, как много женщин может себе позволить выставлять тело почти целиком, не боясь окончательно испортить о себе впечатление, почешут в затылке.

Так же глупы оказались и другие «новаторы», «смело открывшие взорам женские ножки»! Фи! Из ста женщин едва ли у пяти найдутся ножки, которые действительно стоит открывать. Но даже им не лучше ли демонстрировать ножки своим любовникам? Ноги выше колен открывают только в кабаре. Нравится щеголять голыми коленями и ляжками — идите в кафешантан и задирайте свои ноги там.

Разве может модельер диктовать такую глупость в качестве модной линии? Слава богу, Скьяп не возродила свои позиции в Париже, но мне легче от этого не стало.

Зато остались работать многие другие, они работали, а я распевала арии в своих комнатках или в квартире в доме номер 31. И как долго это могло продолжаться? Я даже себе старалась не признаваться, как руки жаждут снова взять ножницы и

потребовать: «Булавки!» Мадемуазель одевается у мадам Люси! Правда, Люси я же и выучила, каждый мой визит в ее вновь открытое ателье был похож на экзамен, который Люси с честью выдержала. Нет, она не делала моду, она теперь просто одевала многих моих клиенток, а я стала для ее ателье на рю Руаяль ходячей рекламой. Что ж, сама научила…

Нельзя сказать, что всякие перебежчики, которые принялись наряжаться в одежду других портных, могли поднять мне настроение. Умом я понимала, что женщины не могут всю оставшуюся жизнь ходить в том, что когда-то сшили у меня, им придется идти в другие ателье, но видеть знакомую в чужом… Тьфу! Ночами снилось, как готовлю новую коллекцию…

Мне срочно был нужен кто-то, кто не дал бы провалиться в зарождающуюся депрессию. Мися и Серт для этого не годились, Мися, после смерти Руси, стала просто невыносимой. Она считала себя чуть не виноватой в смерти Руси, хотя никто, и Серт в том числе, в этом не винил. Чахотка Руси оказалась неизлечима, зато, возясь с женой Серта, Мися сама потеряла здоровье, она ослепла на один глаз и стремительно теряла второй.

Мы с Мисей остались подругами до конца ее дней. Но во время оккупации Мися была жива, снова не давала прохода Серту и без конца язвила по моему поводу. Именно подруге я обязана редким умением быть стервозной с друзьями. Мися научила меня быть резкой и безжалостной, а уж как мы отводили душу, каждая по своей причине, тогда в Париже… Бедные друзья, им приходилось терпеть помимо режима оккупации еще и двух стерв, которым нечем заняться.

Серту это не портило даже аппетит (я вообще не знаю, что могло испортить аппетит этому бочонку для еды и вина), но были и те, кто старался держаться подальше, например, Кокто.

Серж Лифарь увлеченно танцевал, Кокто возрождал спектакли и даже уговорил меня сделать костюмы для его новой «Антигоны» в «Гранд-опера». Это коллаборационизм! Наверное, было бы лучше, если бы Лифарь забыл свое искусство и уехал в деревню пасти коров, а Кокто отправился ловить рыбу, чтобы заработать на пропитание. Немцам наплевать на «Антигону», а вот французы, жившие в Париже, с удовольствием ходили в «Грандопера» и смотрели спектакли. Люди хотят жить при любой администрации!

Меня мало волновало шипение оставшихся не у дел, и куда больше тревожило то, что я сама оказалась в стороне. Создавать костюмы для спектаклей, конечно, хорошо, но моя стихия — одежда для улиц. Улиц не в смысле клошаров, а чтобы мои модели носили и копировали все, кто желает выглядеть

элегантно. Никогда не понимала «от-кутюр», искренне полагавших, что их творения лишь для избранных! Это все выдумки Скьяпы, одежду которой никто не станет носить каждый день, если только он не желает всех эпатировать или не сошел с ума. Я и сейчас против того, что создают для подиумов и только для подиумов. Это неправильно — наряжать манекенщиц в платья из чего попало, да еще такие, в которых невозможно без чьей-то помощи даже сойти с этого самого подиума!

К чему такая мода? Она сродни костюмам для спектаклей, но никому не придет в голову расхаживать в нарядах «Антигоны» по Парижу среди бела дня. Почему же считается правильным показывать работы этой итальянки как одежду для нормальных людей? Нет, нет и еще раз нет! Мода это то, что можно надеть, носить и чувствовать себя в этом как нормальный человек, а не как ходячий манекен с риском свернуть себе шею, потому что юбка не позволяет сделать шаг на ступеньку или голова в огромной шляпе не проходит в дверь.

Нелепыми сооружениями, больше напоминающими маскарадные костюмы, чем одежду для носки, сейчас грешат все. Никогда в моем Доме моделей такого не будет, во всяком случае, пока я жива. В моделях, которые создавались, создаются и будут создаваться под моим руководством, женщины всегда смогут свободно двигаться, хорошо себя чувствовать и быть элегантными! Вот умру, тогда и делайте что хотите, ходите хоть в разноцветных мешках для картошки, расшитых оборочками и украшенных раками или пуговицами в виде лягушек.

Люблю покритиковать, просто обожаю. Но моя критика признак не старости, а несовершенства мира. Сделайте мир совершенным, и я перестану его ругать.

Чтобы вытащить племянника из плена, где он мог просто погибнуть из-за слабого здоровья, понадобилось заступничество влиятельных немцев. Несмотря на то что я жила в «Ритце», таковых не имела. Случайно встретившись с Динклаге, я подумала, что могу попросить о помощи его. Вообще, его звали Гансом Гюнтером фон Динклаге, а друзья прозвали Шпатцем, то есть «воробьем». Ну и что, я вот Коко, а герцог Вестминстерский Вендор по кличке лошади.

На воробья Шпатц не был похож ни в коей мере, он рослый, красивый блондин со светло-голубыми глазами. Настоящий ариец. Но его мать англичанка, а сам Шпатц никаким арийским характером не отличался, напротив, был откровенным сибаритом, ловеласом и отчасти пройдохой. Я знала его еще в Довиле, но никогда достаточно хорошо, чтобы считать хотя бы приятелем.

Однако, когда у вас нет выбора, вы берете черный хлеб вместо белого. Фон Динклаге был дипломатом, а потом разведчиком, вернее, как называли его наши «патриоты», шпионом, потому что разведчик — это если наш, а чужой всегда шпион. Вообще, отношение к этой профессии у разных людей разное, мои братья, живущие в провинции, вряд ли одобрили бы такой род занятий, а среди тех, с кем общалась в последние годы я сама, она считалась достаточной почетной и утонченной.

В то время Шпатц был свободен, то есть не имел постоянной любовницы. Не буду вспоминать, на сколько лет он меня моложе, болтуны с пишущими машинками уже все посчитали. Это был роман, а почему нет? Он немец? Во-первых, он наполовину англичанин, во-вторых, всю свою карьеру сидел в посольстве и ни к каким убийствам, а тем более зверствам отношения не имел, а в-третьих, только полная дура могла отказаться от романа с красивым, образованным и утонченным человеком, когда ей… много лет!

Но началось все же с просьбы о помощи. Конечно, Шпатц не имел никакой возможности вытащить бедного Андре из лагеря, я на это и не рассчитывала. Но он мог меня познакомить с кем-то из более влиятельных людей. Этим знакомым оказался Теодор Момм, очень кстати отвечавший в их новом правительстве за французскую текстильную промышленность. От одного упоминания об этом у меня возникла ностальгическая приязнь к Момму. Неужели французская текстильная промышленность еще существует? Оказалось, да, и местами неплохо.

Он был достаточно влиятельной фигурой, чтобы о чем-то просить для меня, но решил использовать новое знакомство в своих целях. Не подумайте плохого, это не Шпатц, Теодору Момму были нужны мои фабрики, а не мое тело, во всяком случае, одна из фабрик, расположенная в Маретце. Она не работала с того самого зловещего для меня 1939 года, и я даже не думала, что сумею возродить производство. Почему нет? — спросил Теодор Момм. Вы обеспечите работой много французов, а ателье и швейные фабрики — материалами. А ваш племянник сможет стать управляющим.

О, какой я дала повод для поливания грязью, когда согласилась на это… Неужели было бы лучше, если люди сидели без дела и жили впроголодь? Мы не делали снаряды для оккупационных войск, не производили ткани для армии Германии, никак не помогали оккупационным властям, зато мы давали возможность заработать французам, для которых каждое рабочее место было очень ценно.

Но я не собираюсь оправдываться, считаю, что не в чем. Зато

Андре был освобожден, и вовремя, потому что слабые легкие (как и у его матери Жюлии) не позволили бы ему выйти из лагеря живым, бесконечные сквозняки, холод и дурное питание наверняка привели бы к печальным последствиям. Я виновата в том, что использовала свои знакомства, чтобы спасти племянника? Если это вина, то да.

А однажды мне пришла в голову гениальная идея. С самых первых лет выпуска моих духов у Вертхаймеров в их «Буржуа» я получала всего лишь 10 % от дохода. Сами Вертхаймеры имели остальное, вернее, сначала 20 % имел Теофиль Баде, познакомивший меня с этими пройдохами в 1924 году, но потом Пьер выманил у Баде и эти несчастные проценты. Разве это честно — мои духи, созданные для меня, по моему желанию и на мои деньги Эрнестом Бо, которые я сделала столь модными в Париже и которые именно благодаря моему имени оказались популярны

по всему миру, приносили мне лишь десятую часть прибыли, а остальные девять десятых уходили в загребущие руки Вертхаймеров! Никто и никогда не убедит меня, что это справедливо.

Да, это большие деньги, очень большие, но все равно нечестно. Чем были бы они без моего имени? Что было бы с духами, не оплати я тогда старания Бо, не согласись рискнуть? Их вообще бы не было! Но у меня десятая часть, а у них девять десятых и доход от продаж по всему миру.

Если бы не оккупация, пожалуй, я так и продолжала бы безрезультатно воевать с Вертхаймерами, а они со мной, нанимая дорогущих адвокатов. Об одном из оккупационных законов, напрямую касавшихся меня и их, я услышала случайно от Момма (кажется, от него, но это неважно). Это был закон, позволяющий мне отобрать фирму у заклятых «друзей»! Вертхаймеры сбежали из Парижа в первых рядах, но фабрики-то остались. А если хозяев не было во Франции, на их предприятиях полагались новые управляющие.

Это был шанс, и я решила им воспользоваться. Я назначу своего управляющего, и тогда посмотрим, сколько у кого будет процентов. Мне плевать, что фабрика, производящая продукцию в Англии, разбомблена, тем хуже для Вертхаймеров. Они должны отдать мне мое во Франции!

Вы знаете, сколько в мире подлецов? О… вы даже не догадываетесь! Их в тысячи раз больше, чем кажется на первый взгляд. А готовых продаться за деньги и того больше. Я была наивной, полагая, что одна заметила угрозу для этих акул. Сами

акулы тоже заметили и приняли меры раньше. Еврейская хитрость (недаром о ней все время твердил Ириб!) плюс их деньги снова позволили оставить меня в дураках.

Вертхаймеры нашли выход, они задним числом оформили продажу фирмы какому-то Амьо, он, видите ли, хорошо делал… самолеты! Конечно, это повод, чтобы вдруг заняться парфюмерной продукцией. И кто после этого рискнет утверждать, что они не обманщики? Если продажа была осуществлена за гроши, то почему не предложить эти акции мне? Знаете, что мне ответили? «Мадемуазель, вы отсутствовали в Париже, мы не знали, где вы». И это о какой-то паре месяцев, когда я ездила в Корбер и к Адриенне. Особой пощечиной оказалось то, что представителем нового владельца был назначен старый знакомый — сводный брат мужа Адриенны Робер де Нексон, который прекрасно знал, где я нахожусь. Нексоны в полном составе перестали для меня существовать, до самой смерти ее мужа даже Адриенна числилась в предательницах.

Не хочу вспоминать об этих днях, меня и сейчас переполняет злость, вызывающая спазмы в печени. Мися сказала, что у меня был вид пса, готового покусать всех. Она права, Вертхаймеров от участи быть разорванными в клочья спасло только пребывание за океаном.

Ни Момм, ни тем более Динклаге ничем помочь не могли, хитрые Вертхаймеры знали все законы даже оккупационного режима и ловко ими пользовались. Ничего… все проходит, пройдет и это, я найду способ уничтожить этих хищников, оставить их с носом.

Но тогда я не могла найти себе места, если не было возможности порвать горло моим давним обидчикам (я мысленно согласилась, что даже Эльза Скиапарелли лучше), то хотелось спрятаться в норку, чтобы не отвечать на многочисленные вопросы сочувствующих о делах в тяжбе с Вертхаймерами. Спрятаться хотел бы и Шпатц, и мы уехали на «Ла Паузу». Было все: рояль, природа, любовь… кроме одного: моих моделей, не было работы. Зато появилось желание жить.

У меня в любовниках состоял нацистский агент! О, Боже… мне пятьдесят восемь, ему на тринадцать лет меньше, к тому же Ганс моложав, легок как в движении, так и в общении, а я так одинока… Мися шипела, что меня предадут анафеме, я в ответ смеялась, мол, предавали столько раз, что еще один не помешает. Мы со Шпатцем почти никуда не выходили, ни ему, ни мне действительно ни к чему афишировать эту связь, но кто мог помешать любить друг дружку в моей квартире на рю Камбон?

Тоскливо, что там я встречалась с Боем, но Кейпела так давно не было со мной, что он превратился в воспоминание, которое нельзя трогать. Любые мысли о Бое всегда для меня мучительны, я так и не смогла поверить, что его нет, кажется, до сих пор верю, что он может вернуться.

Но влюбленность (это смешно — влюбиться почти в шестьдесят? ничего подобного, хоть в сто!) не помешала задумать еще один поступок. Я никогда и никому, даже Шпатцу, не рассказывала об этом все, это тайна за семью печатями, хотя, конечно, Шпатц давно многое знает. Придет время, и все будет раскрыто, кое-что уже рассказал Шелленберг. Никогда не думала, что руководитель разведки может быть столь болтлив, хотя понимаю, что он выдавал мои секреты, чтобы сберечь себе жизнь.

Я разрешила выдавать собственные секреты, но есть еще столько чужих, связанных со мной… Они останутся секретами, я не Шелленберг, болтушка, но не болтлива.

Хотите понять, каким образом я оказалась дружна с Вальтером Шелленбергом и что это за операция «Modellhut» («Шляпка»)? Ничего я никому не скажу, не время.

Просто, когда там, на Востоке в России, запахло жареным, нашлось немало людей, пожелавших поскорей договориться на Западе. Немецкая пропаганда истошно кричала, что все силы нужно направить на Восток, чтобы спасти Европу от призрака большевиков, но Европа желала, чтобы сильная Еермания справилась с русскими сама. Они не понимали одного: если Еермания настолько сильна, чтобы справиться с Россией, с которой когда-то не справились сразу все страны вместе, то после русских Германия разберется и с остальными тоже. Те, кто это понимал, пытались заставить договориться.

Мне было плевать, кто с кем и как сумеет договориться, я, как и очень многие, просто хотела окончания войны, хотела, чтобы по Елисейским полям больше не ходили колонны солдат, неважно чьих — немецких, английских, русских, даже французских… Хотелось, чтобы Париж снова жил без продовольственных карточек, чтобы люди не боялись друг друга. А еще я хотела начать работать, снова взять в руки ножницы, щелкнуть ими, отсекая от ткани все лишнее, ворчать на работниц, принюхиваться, улавливая запах своих духов, радоваться, замечая на улице элегантную даму в одежде «от Шанель», хотя она никогда не бывала в моем ателье…

Я хотела жить, как и многие другие.

Казалось, этого хотят и мои друзья в Англии, да и по всему миру. И вдруг…

Второй фронт, «война до победного конца», «только полная капитуляция Германии»… И это Черчилль! Это означало, что мирная жизнь наступит очень нескоро, потому что Германия сильна. А что потом? Что будет с Парижем? У Франции нет армии, значит, Парижу снова грозит оккупация, только кем, англичанами или… русскими?! Но русские — это большевизм. Я хорошо помнила слова Ириба о кошмарном призраке коммунизма, а еще у меня был опыт общения с социалистами во время забастовок 1936 года. Идеи всеобщего равенства едва не разорили меня тогда, что будет, если это самое равенство вдруг наступит во всей Европе? Конечно, была еще Америка, где Вертхаймеры весьма успешно торговали моими духами, там мои деньги (хотя основная часть в Швейцарии), но мне дорог Париж.

Я не могла понять: Черчилль сошел с ума? Неужели ему дорог этот страшный Сталин, неужели застарелое соперничество с Францией и Германией настолько заслонило ему глаза, что умный Уинстон не видит простой выгоды от возможности договориться с немцами помимо Гитлера? Или не верит, что такие немцы существуют?

Это была политика, причем большая политика, даже думать о которой мне не хотелось. Но эта политика лезла в мою жизнь, определяя ее, лезла в жизни остальных. На остальных мне наплевать, но я не могла ждать еще двадцать лет, когда, наконец, в Европе наступит мир, я и так много времени потеряла из-за разных войн и трагедий.

Вендор сказал, что Черчилль и слышать не желает о сепаратных переговорах, он не доверяет ни одному представителю Германии. Мало того, собирается на встречу с Рузвельтом и Сталиным! Да уж, тогда наверняка война до победного конца и разорение Европы на долгие годы, немцы просто так не сдадутся и будут отчаянно сопротивляться.

— С Черчиллем нужно поговорить раньше, чем он встретится с остальными.

— От чьего имени?

— Я подумаю.

— Только постарайся, чтобы тебе не свернули шею раньше, чем закончишь думать.

У Теодора Момма от моего предложения полезли глаза на лоб, он даже не сразу пришел в себя. Вмешиваться в такое дело и для него, и для меня было смертельно опасно, но я просила только одного: разрешить мне выехать в Испанию, там я встречусь с Черчиллем и сумею убедить премьер-министра в своей правоте. Я не одиозные генералы, к тому же знакома с ним

лично по ловле форелей в Твиде и охоте на лис в Мимизане.

Почему Момм ввязался в это сумасшедшее предприятие, я поняла много позже. Но у него даже получилось. Мне

действительно казалось, что, сумев рассказать Черчиллю о жизни в Париже и о надеждах на скорую мирную жизнь у многих французов, я смогу убедить его договориться с немцами, конечно, без Гитлера.

Стоило Момму уехать в Берлин, как мне стало просто страшно, я много лет не виделась с Черчиллем, давно не беседовала с ним, да и не столь мы близкие друзья. Вот если бы Вера Бейт… Я металась то ли от страха, то ли от понимания, что попросту все провалю. Шпатц смотрел на меня с недоверием, не в силах понять, отчего я бешусь. Тогда между нами впервые пробежала черная кошка. Позже, уже в Швейцарии, когда мы немилосердно ссорились, он обязательно припоминал, что я ему не доверяла.

У Момма все получилось, он сумел заручиться поддержкой Вальтера Шелленберга, за которым наверняка стоял некто поважней. Мне выписали нужные документы на чужое имя, можно бы ехать в Мадрид. И тут я просто струсила, испугалась, что в одиночку не сумею как надо воздействовать на Черчилля. Позже часто думала, что было бы, не заартачься сначала я, а потом Вера Бейт, которую я вдруг пожелала взять в компаньонки. Если бы мы успели к Черчиллю раньше, чем тот поехал в Тегеран? Иногда кажется, что, окажись я тогда более решительной, могла бы измениться вся история послевоенной Европы, да, да, не меньше.

Но стать спасительницей Европы не получилось, Черчилль заболел, и врачи запретили ему заниматься делами совсем. Встреча в Тегеране состоялась, готовилось открытие второго фронта. А в Испании я вдруг получила коротенькую записку:

«Мадемуазель, занимайтесь модой. Политикой займутся мужчины».

Он был болен или изображал болезнь? Какая разница, Черчилль дал понять, что обо всем знает, и просто ставил меня на место! Что легче: понимать, что я опоздала или что меня с самого начала не принимали всерьез? Иногда мне приходила в голову

мысль, что я просто была ширмой для кого-то более важного и серьезного. Вполне в духе Черчилля. Но неужели Вендор мог допустить, чтобы мной вот так жертвовали?

Забегая вперед, могу сказать, что действительно опоздала и действительно использовали. Но не думаю, что мне удалось бы убедить премьер-министра хотя бы потому, что в самой Англии были настроены за русских, а Черчилль вообще ратовал за полное

искоренение нацизма. Им легче, они по ту сторону Ла-Манша.

Но главное я поняла чуть позже в Берлине, куда отправилась докладывать о своем провале. Уж слишком спокойно Шелленберг воспринял этот провал, казалось, для него главное, что поездка состоялась и что о ней известно Черчиллю. Там, в Берлине, глядя в умные, чуть насмешливые глаза Шелленберга, я вдруг поняла, ОТКУДА Черчилль узнал о моей миссии, а еще почему Момму так легко удалось уговорить крайне осторожного Шелленберга на столь необычную авантюру. Какими же мы все были глупцами: я, Момм, а может, и Вендор? Нас использовали как подсадных уток для отвлечения внимания от кого-то другого. Кого? Этого я никогда так и не узнала.

Занимайтесь модой, мадемуазель… Политика не для вас.

После большой войны

Самые беспокойные времена не военные, когда все знают, кто враг, а послевоенные, когда врагами становятся все против всех. Сохранить достоинство в такое время труднее, потому что сильно желание громко хлопнуть дверью самой жизни.

Через полгода в Нормандии высадились объединенные войска, и началось наступление, а еще немного погодя генерал де Голль уже маршировал по Елисейским Полям там, где четыре года ежедневно проходили солдаты рейха.

Началось выявление коллаборационистов, все подозревали всех и на всех доносили. Шила в мешке не утаишь, и от меня шарахались особенно. Друзья как-то сами собой испарились, попрятались, забились в щели. Я ничуть не сомневалась, что пострадаю одной из первых. Не станешь же на площади кричать, что пыталась помочь заключить мир, он ведь и так должен быть заключен, только не после тайных переговоров, а в результате наступления бравых солдат. «До полной капитуляции Германии». Неужели они надеялись разбить Германию раз и навсегда? Тогда еще неизвестно, кто наивней.

«Занимайтесь модой, мадемуазель…». Но моды тоже не было, ее было куда меньше, чем при немцах, все словно сошли с ума и принялись с остервенением «выкорчевывать» коллаборационистов. Это хуже, чем забастовки, разруха наступила в головах, эти фифишки (я не могу звать их иначе), которые ничего не делали, сидя в своих щелях и лишь печатая листовки, теперь решили явить собой суд чуть пониже Божьего. Они присвоили себе право судить и даже карать!

Ничтожества, сначала пустившие немцев в Париж, а потом прятавшиеся за спинами своих женщин, стали с пеной у рта обвинять этих же женщин за то, что парижанкам приходилось любить оккупантов, чтобы прокормить семьи. А кого любить, «партизан»? Тьфу! Мне не довелось стать свидетельницей позора какой-нибудь несчастной, которую в наказание за поведение при оккупации брили наголо и раздетой водили по улицам, и хорошо, что не пришлось, я бы зубами вцепилась в горло этим животным, где-то прятавшимся, а теперь почувствовавшим свою силу.

Андре рассказывал, как позорно французы проиграли все

Гитлеру, зато теперь решили, что они герои. И кто герои, эти вот головорезы, которые ходили с довольным видом, чувствуя свою силу против парижанок? Толпа против беззащитных женщин, все преступление которых состояло в том, что любили «не тех»? До чего же докатилась тогдашняя Франция!

Они арестовали Саша Гитри, который, используя свои связи, столько сделал, чтобы вытаскивать людей из лагерей. Они преследовали Сержа Лифаря (он прятался в моей квартире на рю Камбон) за то, что Лифарь не отказался танцевать при немцах и присутствовал на приемах, устраиваемых в «Гранд-опера». Наверное, в угоду этим бандитам-фифишкам надо было не просто закрыть «Гранд-опера», но и взорвать само здание, а балетную труппу отправить пускать под откос поезда? Разве Лифарь виноват, что немцы заняли Париж?

Фифишкам кричать стоило бы тогда, когда все только начиналось, а не когда в брошенном ими городе люди пытались не превратиться в запуганных животных! Да, я жила в «Ритце», не желая уступить немцам мой любимый отель, да, я спала со Шпатцем, ходила смотреть на Лифаря в «Гран-опера» и делала костюмы для Кокто! А где мне было жить, под Большим мостом? С кем спать, с клошаром? Тьфу на них, не сумевших спасти Францию от оккупации, но обвинивших во всем тех, кого они сначала предали!

Я мало куда выходила, не хотелось лишний раз ни попадаться на глаза, ни видеть кого-либо. Но в свой магазин ходить пришлось, этого требовали дела. Конечно, духи продавались из рук вон плохо, немцы ушли, а парижанам не до духов, они радовались освобождению.

В один из дней почти столкнулась с каким-то неприятным типом, одетым в форму, но уже французскую, вернее, полицейскую — неряшливая мятая рубашка, плохо сидящие мешковатые брюки и грязная обувь непонятной расцветки. Его взгляд, долгий и неприязненный, мне совершенно не понравился. Это могло означать что угодно, ведь те, кто вчера работал на немцев, сегодня оказывался среди ярых разоблачителей коллаборационистов, а этого человека я уже где-то видела, значит, завтра он может обвинить меня. Поводов больше чем достаточно, его не остановит мой возраст и мое достоинство.

В отеле что-то заставило попросить портье:

— Мсье Мишель, если вдруг со мной что-то случится, за мной придут, пожалуйста, тут же позвоните по этому телефону. Только прошу вас, никто не должен знать об этом.

— Что вы, мадемуазель, за что вас арестовывать?

Конечно, я не стала объяснять за что.

Увидев на следующее утро (какая наглость будить меня в восемь часов!) вооруженных верзил у себя в номере, я даже не удивилась. С трудом сдержавшись, чтобы не наорать на мужланов, не умеющих вести себя в присутствии дамы, подчинилась. Просто глянула на их лица и поняла, что любые слова бесполезны, напротив, будут восприняты как оскорбление тех, кто при власти. А унижать в ответ они умели…

Проходя мимо портье, с тревогой глянула на него. Мишель кивнул:

— Не беспокойтесь, мадемуазель, я пригляжу за вашими вещами, все будет, как вы просили.

— Благодарю вас.

Наверное, не стоило дожидаться проблем и следовало бежать давным-давно. Как когда-то я ненавидела зачинщиков забастовки, приведшей меня к невиданному унижению со стороны собственных работниц, так теперь ненавидела вот этих молодчиков в рубашках с закатанными рукавами, дурно воспитанных, хамивших швейцару, топавших какими-то немыслимыми грязными туфлями из парусины по коврам «Ритца» и считавшими себя хозяевами Парижа. Я их не боялась, ненависть подавляет страх, теперь я это точно знаю.

«Комитеты по чистке»… Надо же такое придумать! Они, видите ли, вычищали Париж от скверны коллаборационизма. У меня ассоциация была только с мусорщиками или еще хуже — с ассенизацией, казалось, что от них и пахнет так же.

В Комитете, куда меня привезли, конечно, сидел тот самый тип, что пристально смотрел на меня вчера.

— Мадам Шанель?

— Мадемуазель.

Я даже не стала говорить ему «пожалуйста». Если мне хамят, рассчитывать на ответную вежливость не стоит.

— Вы обвиняетесь в сотрудничестве с оккупантами.

— Может, для начала вы предложите мне присесть?

— О, да, конечно! Можете присесть пока здесь, а потом еще надолго!

Только бы портье не затянул со звонком. Каждая минута, проведенная в обществе этого очкарика, казалась вечностью. Очкарика? Я вспомнила, почему лицо «чистильщика» показалось мне знакомым — это был тот самый представитель профсоюза, что долго и безуспешно убеждал меня не закрывать Дом моделей, предлагая шить форму для армии. Интересно, кто шил рубашки, которые на них надеты? Явно даже не Эльза Скиапарелли.

— У вас был любовник-немец.

Как мне хотелось его уничтожить, просто раздавить, как таракана, но мешало чувство гадливости, не хотелось пачкать руки.

— Мне столько лет, что когда в мою постель попадет любовник, я не спрашиваю у него паспорт!

— Но вы не могли не знать, что он немец, да еще и шпион.

— Разведчик. Не всякий немец подлец, как не всякий француз порядочен.

Конечно, опасно, власть у него в руках, но разговаривать спокойно я просто не могла. Этот дурно одетый и дурно пахнущий мужичонка смел указывать мне, с кем спать!

Конечно, он припомнил работу «на оккупантов».

— Какую? Мой Дом моделей и ателье были закрыты еще до прихода немцев. Хотя, не вы ли убеждали меня не делать этого и продолжать работу?

То, что я вспомнила нашу первую встречу, очкарика явно смутило, он махнул рукой верзилам:

— Отведите в камеру, потом с ней поговорим.

— Ну нет! Если я арестована, предъявите основания и вызовите моего адвоката! Если нет, извольте объяснить свои действия и действия своих сотрудников.

К обеду я вернулась в «Ритц», портье позвонил, как и обещал, сразу же. Отпуская меня, очкарик сквозь зубы посоветовал:

— Не стоит так свободно разгуливать по городу, кроме нас многие знают, что вы жили в «Ритце» все это время, к тому же в обществе немца из разведки.

Я не стала отвечать, лишь презрительно фыркнув, но решила, что он прав. Нельзя бесконечно испытывать судьбу, пора и правда уезжать из Парижа.

Я оказалась выкинута из жизни совсем. Шпатц уехал еще раньше, друзья либо разбежались, либо умерли, либо отказались от меня. Дело стольких лет закрыто. Я никому не нужна…

«Занимайтесь модой, мадемуазель…» Какой и где?! Кому нужна мода в сумасшедшем мире, где правят «комитеты по чистке»?

Где-то далеко еще шла война, гибли люди, раздавались взрывы… Но в Швейцарии было тихо, так тихо, что в реальность остального мира плохо верилось. Швейцария стала приютом для многих, кто больше не желал слушать о коллаборационизме, кто хотел и мог позволить себе спокойную жизнь.

В Швейцарии тихо. Сначала эта тишина без громогласных

маршей, без криков возбужденной толпы, без злости, ярости, гнева и отчаяния показалась истинным раем. Я даже пожалела, что не уехала сюда давным-давно, сразу после закрытия своего Дома. Все равно толку от моего пребывания в Париже и даже попыток стать тайной переговорщицей на высшем уровне никакого, только испортила отношение к себе со стороны французов, которых легко убедили, что, продавая духи в магазине на рю Камбон, я нанесла страшный вред делу Сопротивления и стала предательницей!

Подвергаться риску быть оплеванной или снова допрошенной в Комитете не хотелось. Дом моделей закрыт, магазин справлялся и без меня. Мои деньги лежали в банках Швейцарии, где же жить мне?

В Швейцарию перебрался и товарищ по несчастью Шпатц. Что у меня за судьба такая — содержать мужчин? Наверное, возможно одно из двух — либо мужчина содержит тебя, либо ты его.

Я никогда не могла допустить, чтобы меня содержали, даже Бой. И герцог Вестминстерский тоже, получая сумасшедшие подарки, тут же отдаривала не меньшими.

Наверное, с сильными мужчинами так нельзя, самостоятельная женщина рядом их не устраивает, они должны довлеть и быть хозяевами. Но рядом со мной оказывалось куда больше слабых мужчин, они могли быть талантливыми, даже гениальными, но зарабатывать деньги не умели. Это тоже талант.

И я содержала своих мужчин, не только тех, с кем спала, но и тех, кому просто требовалась помощь. Интересно, что они просили эту помощь, если попадали в трудное положение, даже сильные просили, потому что считали меня равной себе.

Шпатц не просил, он ее просто брал. К тому же красавчик прекрасно знал мое уязвимое место: участие в операции «Шляпка». Расскажи Шпатц все в своей интерпретации, я никогда не отмылась бы от грязи. Мне наплевать на мнение «комитетчиков», но желания, чтобы многочисленные газеты снова и снова поливали грязью мое имя, конечно, не было.

— Чего ты хочешь?

— Денег, — Шпатц спокойно пожал плечами. — Я же должен на что-то жить.

Он получил и еще долго получал свою долю, молчал, хотя время от времени угрожал, что все расскажет, «потому что совесть не позволяет молчать».

— Ты идиот, если ты скажешь хоть слово, то перестанешь получать от меня средства вообще. И будешь жить только на то, что даст тебе твоя совесть.

Понял, заткнулся, но деньги из меня все равно исправно

тянул…

В Комитете мне ставили в вину:

— Вы работали при оккупации!

— Мой Дом моделей был закрыт.

— У вас торговал магазин.

— Но мне нужно на что-то жить! Почему продавать одежду можно, а духи нельзя?

— В вашем магазине эти духи покупали немецкие солдаты! И платили рейхсмарками.

— Если бы в него приходили за покупками французские солдаты и расплачивались франками, я принимала бы франки.

Они просто не смогли найти повод, чтобы меня арестовать. Я работала? Но ведь надо как-то жить. Я действительно оставила минимум и теперь радовалась, что мы со Шпатцем пересидели оккупацию в тихой норке каждый по своему поводу. Он боялся, чтобы не отправили на Восточный фронт, где, по слухам, творилось что-то невообразимое.

Уже в Швейцарии Шпатц пытался внушить мне, чтобы рассказала открыто (только не упоминая его собственного имени), что если и сотрудничала, то лишь с разведкой, ведущей переговоры о ликвидации Гитлера и заключении скорейшего мира.

— Кому я должна это рассказывать и доказывать, кому?! Комитетам? Этим фифишкам, которые пережидали войну, спрятавшись по щелям в Париже, а когда де Голль вошел в город, немедленно выползли и принялись кричать громче всех? Тем, кто упрятал в тюрьму, пусть ненадолго, но упрятал же, Сержа Лифаря за то, что он предпочел расстрелу свое творчество? Кто терзал Жана Кокто за то, что он посмел не сдохнуть от голода, а поставить «Антигону»?

Жан Маре тоже спрашивал, почему я не сказала, что на свои средства экипировала целую роту, в которой он пошел на фронт? Зачем, чтобы потребовать и себе рукоплесканий этих «комитетов»? Мне не нужна благодарность тех, кого я презираю. Я не могу уважать людей, сначала сдавших Париж, а потом с остервенением линчующих тех, кого они оставили немцам.

Я не желала и не желаю перед кем-то оправдываться.

Мне сказали, мол, я пряталась в Швейцарии, поджидая, чтобы меня забыли. Идиоты! Я жила в Швейцарии только наездами, проводя довольно много времени на своей французской вилле «Ла Пауза» даже со Шпатцем. И в Париже бывала, просто тяжело видеть город, где рукоплещут сначала всяким фифишкам, а потом выдумщикам от-кутюр, «открывшим» новизну в том, что

носили за десять лет до них, снова загнавшим женщин в тиски корсетов и заставивших голодать ради осиных талий… Увольте, я уж лучше тихонько на вилле в Швейцарии…

Вальтера Шелленберга судили вместе с другими, посчитали виновным и определили шесть лет тюрьмы, четыре из которых он уже отсидел за время следствия. Но у него была серьезно больна печень, потому еще через год Вальтера передали врачам швейцарской клиники, а потом и вовсе под надзор швейцарского врача.

Но жить-то не на что, а лечение стоило баснословно дорого. Шелленберг вспомнил обо мне. Я всегда помогала, если могла. Он должен был прожить хотя бы последние отпущенные ему судьбой годы в нормальных условиях, и его семья тоже.

Представляю, какой бы подняли крик фифишки, узнай они, что я оплатила проживание и лечение Вальтеру Шелленбергу! Конечно, старалась об этом не кричать, но ведь я никогда не кричала о своей помощи. К чему такая помощь, за которую нужно ждать благодарность или широкое оповещение?

На свободе Шелленберг прожил только год, успел написать мемуары «Лабиринт», в которых сначала рассказал о нашей операции «Шляпка», а потом этот текст выбросил, видно поняв, что ставит меня в очень неловкое положение. Но остался еще его литературный агент, который захотел немалую сумму, чтобы сжечь написанный текст.

Мне было наплевать, но и от него оказалось проще откупиться.

Заплатив, я все же решила, что мне надоело содержать всех, кто захочет хорошо жить только потому, что знает об операции «Шляпка». Черт с ними, пусть говорят. Истерика по поводу коллаборационизма во Франции уже закончилась, все передушили всех, отыгрались на неугодных соседях или бывших недругах, отравили жизнь родственникам и тем, кому просто завидовали. Да и в чем меня могли обвинить? Пыталась встретиться с Черчиллем, чтобы войны закончилась пораньше? Разве это преступление?

Но Франция отнеслась ко мне плохо вовсе не только из-за операции «Шляпка».

Меня выкинули отовсюду, в том числе и из моего собственного создания — духов Шанель! Эти чертовы Вертхаймеры, решив, что если мне не удалось отбить у них фирму во время оккупации, значит, я ушла на покой и теперь им не опасна, стали распоряжаться моим именем как хотели!

Мерзавцы! Даже теперь, давно помирившись с Пьером и будучи с ним в хороших отношениях, я все равно могу повторить это же прямо в лицо: мерзавцы!

Я больше не шила, но это вовсе не значило, что я умерла, и эти жмоты еще увидят, что я чего-то стою.

Производство и продажи духов во всем мире неуклонно росли, но каким-то вполне законным образом я получала от этого все меньше и меньше! Вертхаймеры организовывали подставные фирмы, которым без конца перепродавали права на производство за сущие гроши, в результате все дробилось, и мои доходы становились просто смехотворными.

Наступил момент, когда мне это не просто надоело, я возжаждала крови! Биться с этими проходимцами в судах бесполезно, дела там пылились еще с довоенных лет и надежды выиграть никакой, хотя мой адвокат Рене де Шамбрэн твердил о близкой победе. Тогда я решила действовать иначе.

Они отобрали у меня мои «Шанель № 5»? Я сделаю другие духи, распоряжаться которыми буду только сама, безо всяких профессионалов-помощников, вернее, обирал! Но предателя Эрнеста Бо к себе не позову, он работал у Вертхаймеров, хотя без меня так и сидел бы в «Ралле» никому не нужным.

В сейфе банка лежали не только деньги, там лежали несколько листков — в свое время я предусмотрительно попросила Эрнеста Бо переписать точный состав «Шанель № 5». Я ему не слишком доверяла, ведь Бо работал и с «Божур» тоже, создавая не мне, а Вертхаймерам новые, весьма успешные ароматы.

Химики есть не только в Париже или Грассе. Швейцарский парфюмер тоже оказался мастером. И вот передо мной снова флаконы с янтарной жидкостью. Запах даже лучше, чем у самых первых образцов «Шанель № 5».

Они будут называться «Мадемуазель Шанель № 1», «№ 2», «№ 31». Я продам свои акции и открыто объявлю, что «Шанель № 5» теперь ко мне не имеет никакого отношения. А выпускать новые духи и даже дарить их кому только пожелаю, я имею право! Вот тогда и посмотрим, кто кого. Если они организуют подставные фирмы, кто мешает поступить так же мне? Например, оформить фирму на своего племянника Андре и завалить мир более качественной продукцией, чем та, которую стали выпускать в Америке цистернами.

Конечно, до Вертхаймеров дошли слухи о таких новшествах; чтобы удержать позиции, они срочно раскошелились на рекламу «Шанель № 5» в Америке, вложив в нее и расширение

производства больше миллиона долларов.

Но я опередила, пробные образцы новых ароматов уже были отосланы владельцам ведущих универмагов, например в «Сакс», многим и многим из тех, от кого зависели продажи и реклама новых духов. Просто так, в подарок. Пока, не порвав с Вертхаймерами, я не имела права продавать, но никто не мог запретить мне дарить свою продукцию.

Мой адвокат Рене де Шамбрэн, живший всю войну в Америке и только в 1946 году вернувшийся во Францию, со смехом рассказывал, как через несколько дней его офис был просто атакован братьями Вертхаймерами и толпой их советников.

— Чего хочет эта Шанель?!

Я многое бы дала, чтобы увидеть эту сцену. Но оставалась в своем доме на рю Камбон, в то время как адвокат на всякий случай делал вид, что я в Швейцарии.

Умница Рене не спасовал, он развел руками:

— Самостоятельности.

— Какой?! Чего ей не хватает?!

Они еще долго препирались, Рене снова и снова повторял:

— Мадемуазель не устраивает ее процент с продаж, она желала бы выпускать свои духи на своих условиях. Образцы «Мадемуазель Шанель № 1» и остальные значительно улучшены по сравнению с «Шанель № 5». Они уже созданы на совершенно новой основе и будут производиться другими лицами, претензий предъявить вы не можете.

— Но где Мадемуазель намерена их выпускать?! Для этого нужны производственные мощности и рынок сбыта.

— Рынок, как вы успели убедиться, уже есть, а производство с удовольствием возьмут на себя другие, причем на гораздо более выгодных условиях.

После тяжелейших препирательств Вертхаймеры сдались.

— Упорство Мадемуазель заслуживает награды, — вздохнул Пьер Вертхаймер. — Она будет получать 2 % от всех продаж.

Но Рене не сдавался:

— А за прежние годы?

— Что?!

Позже адвокат говорил, что в тот миг почувствовал себя не слишком хорошо, с таким трудом достигнутая договоренность могла развалиться просто на глазах, но решил блефовать до конца.

— Скажу по секрету: у Мадемуазель уже есть некоторые договоренности… пока устные…

— С кем?! — взревел теперь уже Поль, но Пьер грохнул кулаком по столу:

— Она получит все! Но обязуется больше ни с кем ни о чем не договариваться и ничего не предпринимать без нас!

Эта победа сделала меня одной из самых богатых женщин в мире. Но радовала не только материальная независимость от кого бы то ни было, а то, что давняя распря с Вертхаймерами наконец прекратилась. Она и мне доставляла немало неприятных минут.

Рене вызвал меня по телефону «из Швейцарии», пришлось «приехать» и распить с бывшими врагами не одну бутылку шампанского, празднуя примирение.

Собственная старость не так бросается в глаза, потому что себя видишь в зеркале ежедневно и к ней привыкаешь. Зато когда встречаешь тех, кого не видела несколько лет, становится не по себе.

Я не удержалась и заявила Вертхаймеру:

— Черт вас возьми, Пьер, как вы постарели!

Он не успел обидеться, потому что услышал следующее признание:

— Глядя на вас, я понимаю, что и сама не помолодела на столько же.

Пьер склонился над моей рукой:

— Мадемуазель, вы ничуть не изменились.

— Это вы про характер? Полагаю, вы не станете говорить, что я значительно помолодела?

— Конечно нет! — с вдохновением подтвердил Вертхаймер и озорно сверкнул глазами. — Вы остались прежней.

— И на том спасибо.

— Скажите честно, вы действительно были способны разорвать контракт с нами и продать акции?

— Конечно, я подарила бы их какому-нибудь клошару и все начала сначала.

— Сначала?

— Знаете, Пьер, ваша ошибка в том, что вы рано списали меня со счетов, полагая, что я уже стара, чтобы бороться. Да, мне много лет, но я не стара и еще покажу всему миру, что Коко Шанель не умерла и может царствовать.

Новое соглашение в корне изменило мое положение в фирме. Теперь я получала 2 % от продаж духов во всем мире, серьезное возмещение понесенных ранее убытков и право производить и продавать духи «Мадемуазель Шанель» (попробовали бы запретить, я бы просто подарила их формулу Андре!). Это делало меня богатой. Немного позже за хорошие отступные я согласилась не производить духи «Мадемуазель Шанель», более того, тайно подарила формулу Пьеру…

Это было плохое десятилетие, очень плохое. Оккупация, практически изгнание, бесконечные потери близких, неудачные попытки наладить «спокойную жизнь»…

Еще во время войны в Америке умер Дмитрий… после войны Серт… Он оставил свою квартиру Мисе, и та принялась истязать себя воспоминаниями о былой счастливой жизни. Самой Мисе становилось все хуже и хуже, она колола морфий уже слишком часто, чтобы это не отразилось на здоровье. Мися, некогда блиставшая красотой и здоровьем, на глазах превратилась в старуху. Потом она стала терять зрение, ослепла на один глаз и позже на второй. У Миси осталась только ее музыка, но и та не спасала.

Последние дни она лежала, почти не вставая, слепая, разбитая, уничтоженная временем и жизнью. Когда подруга умерла, я выгнала всех из комнаты и больше часа занималась Мисиной внешностью: умыла, причесала, подкрасила… Вернувшись, друзья заявили, что Мися даже при жизни не выглядела такой красавицей. Какая это боль — делать красавицей подругу, ушедшую в мир иной. Мы могли сколько угодно ссориться, но жить друг без друга не могли больше двадцати лет. Столь долгая дружба дорогого стоит.

Умерла Вера Бейт, с которой после нашей авантюры мы здорово рассорились. Вера обвиняла меня во всем, в чем только могла.

Разбился на машине Этьен Бальсан…

Когда умер Вендор, я почувствовала, что близится моя очередь. Но сидеть и просто ждать ее не собиралась. Смерть не страшна сама по себе, куда хуже ожидание. Пока жив, нужно жить и обязательно что-то делать.

Все писали мемуары, это стало просто модным. Поддалась моде и я.

Первым, с кем я попыталась делиться своими воспоминаниями, был Поль Моран, нас познакомила еще при жизни Кейпела Мися. Мы общались очень много, и я многое наговорила. Поль честно все записал, изложив согласно своему взгляду. И тут оказалось, что мы смотрим на меня по-разному! При моей жизни эти мемуары не выйдут!

Никому ничего поручать нельзя! Даже самые талантливые и гениальные обязательно сделают не так!

Это я знаю точно.

Сколько раз пыталась привлечь замечательных людей, чтобы написали обо мне книгу, и что? Получался пшик. Я часами

наговаривала на диктофон, объясняла и объясняла… даже что-то записывала, но в результате все не то. Каждая фраза моя, а все вместе нет. Это как в платье, когда оно элегантно, хорошо сидит, но там немного жмет, здесь тянет, вот тут мешает поднять руку. А когда неудобно, гармония разрушается.

Каждый человек загадка, а я тем более, поэтому должна записать свою жизнь такой, какой вижу ее сама и безо всяких литературных обработок. Кто может с этим справиться? Никто другой.

Колетт права: мы все время на глазах у других людей, но увидеть нас такими, какие мы действительно есть, они не смогут за всю жизнь. Оказалось, и саму себя тоже.

Следующей попытку сделала Луиза де Вильморен. Я познакомилась с ней в Венеции. Романы Луизы мне нравились, и я попросила написать обо мне самой. Вильморен нуждалась в деньгах, а я в красивой истории, которую (в этом я была совершенно уверена!) с руками оторвут в Америке. Она мастерица создавать красивые истории.

Началась работа. И тут выяснилось, что если Поль Моран знал меня уже три десятилетия и мог просто добавлять мои рассказы к своим собственным впечатлениям, то для Луизы все было внове, что сильно осложняло работу. Но еще труднее пришлось, когда разговор зашел о детстве и юности.

Дело в том, что много лет я придумывала свою историю, расписывая, как жила у строгих теток, столь же богатых, сколь и нудных. Что мой отец виноторговец, уехавший в Америку на заработки и с успехом там подвизавшийся… Что у теток огромный дом с большим числом прислуги… Особенно подчеркивала большущие шкафы, полные чистого, отменно выглаженного белья. Почему-то именно это ассоциировалось у меня с достатком. А еще много масла…

Глупость? Но сочинялось это еще в детстве, а из него переползло дальше.

Кому бы хотелось вспоминать и подробно рассказывать о приюте и «Ротонде»? Я говорила совсем другое… Дело не в прежних рассказах, не так много осталось моих ровесников, которые могли бы уличить меня во лжи, этого я не боялась. Просто я столько лет старалась забыть свое сиротство, забыть Обазин, вернее, переиначить все это, чтобы вот вдруг взять и все поднять снова. Нет, может быть, позже, но не тогда…

Я словно чувствовала, что время придет. Луиза тоже чувствовала, но она воевала со мной, доказывая, что столь пресная и благостная история моей жизни до Довиля никому не нужна, никто не поверит в реальность спокойного и

обеспеченного детства всемогущей яростной и все отрицающей Шанель.

— Кто станет читать рассказ о стопках глаженого белья в шкафах или о скучных обедах под присмотром тетушек? Давайте писать сразу о Кейпеле и Довиле, так лучше.

— А что в Довиле?

Я вдруг испугалась: и правда, что писать? Кем я была Кейпелу и как объяснить, почему девочка из обеспеченной семьи вдруг забыла своих родственников и отправилась в Довиль торговать шляпами собственного изготовления? Ничего не складывалось, я выкручивалась, как могла, Луиза то и дело выбрасывала целые куски, потому что мне не хотелось, чтобы кто-то знал лишнее о моем прошлом.

— Коко? Напиши, что так называл меня отец. Как объяснить, где он? В Америке! А почему я его не разыскала, когда там бывала?

Луиза убеждала:

— Американцы любят сенсации, если не сделать таковой книгу, то читать никто не будет, попросту не поверят. А если поверят, то перевернут всю страну и докажут, что Альбер Шанель никогда не приезжал к ним. Потом разыщут настоящего, и будет большой скандал, похуже истории с оккупацией.

Но я настаивала, и она писала.

В конце концов, Луиза махнула рукой:

— Только не рассчитывай на успех этого перечисления выдуманных фактов.

Я не поверила, казалось, одно имя «Коко Шанель» заставит издателей вырвать рукопись из рук.

За океан отправилась сама, причем самолетом. Знаете, какой ужас, когда летишь через океан впервые? Но я вынесла.

А в Америке повторился Виши, только в другом варианте. Провал был полный, рукопись не приняли ни в одном издательстве, хорошо, что не понесла всю, а отдала только первую часть. Их объяснения? «Пресно»… «скучно»… «обыденно»…

Первые дни я скрежетала зубами. Моя жизнь им показалась неинтересной! Скучной! Пресной! Да я, Габриэль Шанель, стала ведущей кутюрье из сиротки, за которую даже в приюте платить некому! Я столько пережила и столько добилась, а им скучно?!

Ну да, конечно, я сама заставила Луизу не упоминать о сиротстве и приюте, но все же… и о Мулене тоже… и о Виши… и о Довиле только «войну» с Пуаре…

А что осталось? Ничего! Луиза права, и редакторы тоже,

остался скучный рассказ о тетках, без конца следивших за племянницей.

Но примириться с таким поражением я не могла. Конечно, и Луиза тоже виновата, неужели нельзя привлекательней расписать этих самых теток? Открыла страницы рукописи, посвященные выдуманным родственницам, почитала, все прекрасно, но очень коротко, писать-то не о чем.

Луизе я не стала ничего говорить вообще, она все поняла и без объяснений, предложила продолжить работу над мемуарами самой:

— Никто лучше тебя самой о тебе не напишет.

Несколько лет у нас держалось взаимное отчуждение, но потом отношения наладились.

В следующий раз я решила не доверять художественному изложению материала, а все проговорить сама. Они просто не так меня понимают, им говоришь одно, пишут другое! Значит, нужно поступить иначе: продумать каждую фразу и проговорить все человеку, способному записать красиво, но почти дословно. И нечего доверять другим выдумывать за меня мою жизнь!

На сей раз я выбрала совсем молодого человека, над которым не довлели бы никакие воспоминания не только обо мне, но и о людях, с которыми я была знакома, об эпохе. Мишель Деон почти год записывал каждое мое слово, укладывал в красивые фразы и предоставлял мне на суд.

Произошло нечто странное. Пока мы так работали (Деону я заплатила за труд заранее), я соглашалась с каждой фразой, мне все нравилось, все соответствовало сказанному. Писала, наговаривая текст практически я сама, Мишель только редактировал, и что в конце? Получив огромный, кажется, страниц 300, труд, я с вожделением смотрела на результаты стольких месяцев. Деон почему-то восторга не проявлял.

Можно нести в издательство? Нет уж, на сей раз я сама сначала все прочитаю, только потом обращусь к издателям, я не позволю еще раз унизить себя отказом.

В этой огромной рукописи не было ни единой фразы, под которой я не могла бы подписаться. Их произнесла я, Мишель только литературно обработал, сделал это отлично. Каждое слово мое, все в рукописи прекрасно, кроме одного — она снова никакая. Я бы с такой книгой заснула на третьей странице.

В чем дело? Неужели Луиза права, и читать выхолощенную, выдуманную биографию неинтересно? Это просто биография,

но не жизнь. Придумать можно любых теток, но вместе с ними нужно придумать и страсти, иначе даже сами тетки скиснут

от скуки…

Что оставалось делать, рассказывать тому же Деону правду или действительно писать самой? Я понимала, что второе, потому что говорить кому-то о себе то, что так долго скрывала, тяжело, выдумки озвучиваются куда легче. Если я хотела действительно интересно рассказать о себе, требовалось говорить правду и ее же записывать.

Пришлось со вздохом отложить еще одну историю выдуманной Шанель, оставив и ее неопубликованной. На сей раз я ни в какое издательство не пошла.

Но писать самой оказалось некогда. Меня закрутили дела — сначала поездка в Америку, а потом я… вернулась в мир моды!

Прошло немало лет, прежде чем снова захотелось изложить свою жизнь на бумаге. Вы свидетели того, что получилось. Если и эта история не интересна, значит, таковой была сама моя жизнь, тут уж ничего не добавишь.

Можно было бы многое еще рассказать и о моих любовниках, и моих коллекциях, и о людях, с которыми я встречалась, но я не Деон, мне столь большой труд не по силам. Может быть… когда-нибудь… А пока некогда, много дел.

Come back!

Знаете, какое наказание самое страшное? Безделье. Почти пятнадцать лет без работы — вот испытание, но я смогла его выдержать. А возвращение к работе… разве это усилие? Это счастье.

Журналистам очень нравится выспрашивать, что я почувствовала, когда поняла, что первая после возвращения коллекция проваливается?

Что плюхнулась в кучу дерьма, но засиживаться там не собираюсь! Уже через год Шанель снова была № 1, и это место я не уступлю никому. Потому что не позволю вытворять с женской модой то, что делали всякие там желающие продемонстрировать свой «новый взгляд» или оригинальность в ущерб здравому смыслу.

Если хотите выделиться, встаньте на ходули или выкрасите волосы в зеленый цвет, а одежда должна быть, прежде всего, удобной. Сложите руки на груди, если вам трудно это сделать, грош цена такой модели и такой моде. Нельзя считать хорошим жакет, который, чтобы выглядеть, обязан быть застегнут на все пуговицы, это не жакет, а доспехи, нормальные женщины такого не носят.

Глупы те, кто твердит, что Шанель вернулась в моду. Я была в ней всегда. Это правительства и режимы приходят и уходят, а Шанель остается! А вернулась я всего лишь в Париж.

Тянул ласковый ветер, щебетали птички, ярко, но не жарко светило солнышко, а у меня на душе мрак и желание послать все и всех к черту!

Принесли новые журналы мод. Отчет о последнем показе от-кутюр. При одном взгляде на обложку разыгралась изжога.

Я всегда говорила: нарисовать можно что угодно, вы попробуйте в этом жить!

Почему они никак не научатся создавать одежду для женщин, а не для красивой картинки? Диор объявил «Нью Лук», ну и в чем этот новый взгляд? Надоело носить военную форму и жакеты, похожие на мундиры пожарных? Чтобы сообразить такое, вовсе не нужно иметь свой Дом моделей и считаться выдающимся кутюрье. А затянуть бедной женщине талию до черных мушек в глазах мог только мужчина, которому никогда не приходилось

носить корсет или что-то подобное.

Осиная талия, как у кукол, корсеты и снова китовый ус… Маленькие плечи, узкий неудобный рукав, жакетики, в которых руки не поднять, юбки, в которых не сесть… Зачем?! Но журнал за журналом демонстрировали именно такое безобразие.

Хорошо знавшая меня прислуга мигом попряталась по щелям, а вот Шпатц, гостивший у меня в «Ла Паузе», умудрился лениво поинтересоваться:

— Что случилось, снова Скиапарелли?

Ему почти удалось увернуться от летящей пепельницы, но край задел стакан с соком, и светлые брюки оказались безнадежно испорчены. Поделом, не будет задавать идиотские вопросы.

Обиженный Шпатц удалился, причем не просто в другую комнату, а вообще уехал на Ибицу, но мне было все равно. Шпатц — это прошлое, мысленно я уже жила будущим. Я должна вернуться и еще раз дать бой всем этим истребителям китов и мучителям женщин. Элегантными имеют право быть все, а не только обладательницы идеальных фигур. Я твердо знала, что скоро женщинам надоест невозможность нормально дышать, нормально ходить, нормально сидеть. Они снова захотят удобства, значит, им нужна я.

И я вернулась. Но произошло это не так-то просто…

Окончательно к такому решению меня подтолкнула Америка. В 1953 году мне пришлось съездить туда ради рекламы духов. Занимательная поездка…

Я собиралась пожить у баронессы Ротшильд в Нью-Йорке, а заодно решить дела с духами. Проблемы начались в Париже, чертов консул не спешил выдавать мне визу, пришлось на него прикрикнуть. В отместку он вообще отказал в визе моей горничной. Мерзкий паук воспользовался служебным положением, считая, что я уже никто! Я тебе покажу!

На пароходе вместе с нами плыл знаменитый американский боксер Эл Браун, негр. Я знала, что в Америке помешаны на спортсменах, тем более боксерах, а потому, увидев на пристани Нью-Йорка толпу журналистов, поспешила к себе в каюту. Пусть встретят свою знаменитость, я не слишком тороплюсь. Попадать в толпу американских журналистов не советую никому, сметут и не заметят.

Мы с сопровождавшей меня племянницей Тини укладывали чемоданы, когда пришел какой-то мальчик и попросил пройти в салон. Я только отмахнулась: нашел время! Но немного погодя явился сам капитан и заявил, мол, боясь, что журналисты

разнесут пароход, запер их в зимнем саду, и умолял пройти туда.

— Кого?

— Вас, Мадемуазель. Там толпа журналистов, желающих взять интервью. Прошу вас, их слишком много, чтобы отмахнуться.

Пароход французский, но весь рейс капитан делал вид, что не подозревает о моем присутствии на борту. А теперь разве только не на коленях стоял, чтобы я вышла к журналистам.

— Мадемуазель, что вы думаете о «New look»?

— Посмотрите на мой костюм. Похоже, что он оттуда?

Смех.

— Мадемуазель, вы будете делать платья?

— Не знаю, во время войны я закрыла Дом Шанель. Пока не знаю.

— Где следует душиться?

Хороший вопрос от молодой журналистки.

— Там, где вы хотите, чтобы вас поцеловали.

Через день эту фразу знала половина Америки.

Вторую по поводу духов произнесла не я, а замечательная Мэрилин Монро.

— Что вы надеваете на ночь?

— Несколько капель «Шанель № 5».

Если мои духи и не были самыми продаваемыми в Америке, то после этой фразы стали!

Мари-Эллен де Ротшильд готовилась к выходу, у нее первый бал. Такое знаменательное событие требовало столь же отменного наряда.

— Что это?

Уже по моему тону было ясно, что я от наряда в ужасе. На глазах у дебютантки выступили слезы, она так готовилась, так старалась, давно купила это платье и сотни раз вертелась в нем перед зеркалом…

А во мне уже проснулась так долго дремавшая кутюрье.

— Ну-ка, иди сюда. Вот это нам не нужно… это тоже…

Мать и дочь с ужасом смотрели, как я попросту рву дорогущий наряд. Они не знали, что я умею рвать красиво, но потом еще красивей восстанавливаю.

Через несколько минут с окна оказалась снята красная занавеска из тафты и сооружен новый наряд, приведший в совершеннейший восторг всех.

— Я была самой заметной на балу. Все только и спрашивали, от кого это платье.

Мари-Эллен считала, что я решила вернуться именно тогда.

Может быть, одно дело со злостью разглядывать нелепые предложения молодых кутюрье, и совсем другое почувствовать в руках ткань, податливую или непокорную, но, в конце концов, послушную твоей воле.

Во всяком случае, платье Мари-Эллен меня подтолкнуло.

И снова в Америке я смотрела на дурные копии своих моделей, как попало скроенные и как попало сшитые, и вспоминала совет Ириба: сделай свою одежду доступной всем, кроме денег получишь признание.

В Париже «новый взгляд» Диора — талии в пятьдесят сантиметров, а потому корсеты, китовый ус, невозможность не только есть, но и нормально дышать…. Америка тоже заразилась, но не вся, здесь предпочитали нормальную одежду. Америка ждала Шанель, но что я могла предложить? Старые довоенные модели из твида? Нужны ли они сейчас?

И все-таки обратно я вернулась в смятении.

Ночь за ночью крутилась без сна, день за днем гуляла по Парижу, пытаясь понять, что же сейчас нужно женщинам. Чем больше размышляла, тем тверже верила: то же, что и раньше, — удобная элегантность. К черту корсеты, к черту юбки на немыслимой основе, в которых не сесть, к черту платья, снова требующие сложнейшего кроя и многих метров ткани! Даже если подавляющее большинство в Париже будет носить то, что пригодно только для подиума, в Америке найдется достаточно разумных женщин, для которых удобство не пустой звук. И одежду для них создам я, причем создам в массовом объеме, а не в единственном числе.

Диор решил своим «новым взглядом» завоевать Париж? Я удобными и элегантными моделями завоюю весь мир! Да, я создам эти модели на рю Камбон и там же их покажу, но жить они будут по ту сторону океана.

Этого не ожидал никто. Уж тем более Вертхаймеры, в руках которых было производство моих духов и на чьи деньги я намеревалась делать новую коллекцию.

Говорят, нельзя дважды войти в одну реку. Наверное, но если я захочу это сделать, реке придется вернуться на прежнее место. Конечно, за время моего затянувшегося отдыха изменился не только Париж, изменился мир. Слава богу, женщины отказались от огромных котлет на плечах — нелепой выдумки бешеной Скиапарелли. Зато шарахнулись в другую крайность — позволили затянуть себя в корсеты.

Не спорю, это прекрасно смотрелось на молоденьких

манекенщицах и белозубых актрисах, которым даже удаляли нижние ребра, чтобы затянуть талию потуже. Словно без такого садизма выглядеть элегантно уже нельзя.

Пьер Вертхаймер стоически промолчал, субсидировав новую коллекцию, просто он понимал, что со мной лучше не связываться. Тем более продажу духов в Америке требовалось подстегнуть. Там умеют делать рекламу, и блестящий показ новой коллекции после пятнадцатилетнего перерыва был бы столь же блестящей рекламой.

Был бы… если бы коллекция имела успех.

Тем, кто не знаком с изнанкой от-кутюр: коллекции стоят бешеных денег, каждую мелочь приходится переделывать неимоверное количество раз, то и дело перекраивать заново детали, снова и снова распускать швы, в ужасе убеждаться, что расставить нечем, шить все заново, потом убеждаться, что не успеваешь… На каждую модель уходит ткани в несколько раз больше, чем если бы шили на заказ, но далеко не все созданные модели доходят до показа.

Я не понимаю модельеров, создающих для подиума костюмы взбесившегося пугала с немыслимыми деталями. Куда они потом девают эти «шедевры»? Вряд найдется много желающих наряжать свои огородные чучела так дорого. Я всегда создавала модели, которые можно одеть не на маскарад или пугать ворон, а каждый день. И они всегда продавались, не принося убытков.

Но в этот раз уже по молчанию сидевших людей, которые не свистели и не топали ногами только потому, что хорошо воспитаны, было понятно, что коллекция не удалась. Люди вежливо скрывали зевки, и я уже знала, что напишут завтрашние газеты: Коко Шанель выдохлась, у нее пропало чувство времени, не стоило мадемуазель отсутствовать так долго… «Конец Великой Мадемуазель!» «В семьдесят один год возвращаться к созданию моделей от-кутюр поздновато»…

Журналисты оказались ничуть не изобретательней меня самой, все, что я перечислила, они бездарно повторили. Полный провал — так решили газеты во Франции и в Англии.

Денег нет, доверия нет, желания со мной работать тоже.

Но первое, что я сделала утром, едва придя в себя после провала, — заставила девушек показать коллекцию еще раз мне одной. Придирчиво разглядывая каждую модель, вдруг поняла: вчерашние зрители неправы, это не только можно носить, это будут носить!

Однако книга заказов пуста, старые клиентки либо разбежались, либо одевались у кого-то другого. А те, кто повзрослел за время моего отсутствия, не знали Коко Шанель, для

них я была всего лишь маркой духов, не более. Стиль тридцатых не вдохновлял молодых женщин.

То, что ты постарела, лучше подскажет не зеркало или фальшь в комплиментах, а то, что тебя не знают. Пятнадцать лет слишком большой срок для моды, Париж меня забыл.

На следующий день пришел Пьер Вертхаймер. Только его не хватало! Едва сдержалась, чтобы не съехидничать, мол, пришли полюбоваться на поверженную Шанель?

Но он просто попросил поговорить.

— Мне некогда, я работаю.

— Тогда я посмотрю.

Выгнать бы, только как, если я от него зависела? Ну и пусть смотрит, может, надоест и сам уйдет?

Он сидел и смотрел, как я доделывала костюм, не вошедший в коллекцию. Это продолжалось долго, манекенщица терпеливо стояла, Вертхаймер терпеливо сидел. Немного погодя я про него вовсе забыла. Сидит, ну и пусть сидит!

Мои руки лепили из ткани нечто, я вспомнила Дягилева и Нижинского, Лифаря и Стравинского, Анну Павлову и Шаляпина… всех русских, которые на моих глазах умирали ради роли и с ней же рождались заново. Я творила…

Костюм был готов, манекенщица ушла, я знаком подозвала следующую. И снова колдовала, словно сама себе объясняя, что еще нужно сделать, как исправить, чтобы получилось идеально. Пьер молча ждал…

Через несколько часов, когда руки перестали меня слушаться, работу пришлось прекратить. С трудом поднявшись с колен (гордо отказалась от протянутой Пьером руки: «Сама справлюсь!»), я присела на стул совершенно без сил.

Рядом сидели два пожилых человека, столько лет воевавших друг с другом. Теперь нас объединило нежелание признавать, что мы пожилые, что нас хотели бы списать со счетов, что наше время прошло…

— Габриэль, неудивительно, что ваши модели не принял Париж, он устал от войны и разрухи. Парижу нужно время, чтобы вернуться к нормальной одежде, а пока ваше место в Америке, там любят удобную одежду. Коллекция будет иметь успех в Америке.

Я с изумлением смотрела на своего давнего противника, Пьер говорил то, что думала я сама.

— Вы правы. На Париже мир не заканчивается, хотя я очень люблю этот город.

— Я тоже.

Уже перед самым расставанием, когда он проводил меня до

«Ритца», я вдруг спросила:

— Пьер, а ведь вы любили меня…

— Любил? — Вертхаймер слегка пожал печами. — Почему в прошедшем времени?

— Спасибо…

Примирение состоялось, но это вовсе не означало, что мы перестали ссориться. Однако весь вечер я думала о Пьере Вертхаймере, вспоминая прежние годы. А ведь он был красив, высок, строен и умен. Почему я тогда не обратила на Пьера внимания? Кажется, впервые пожалела, что жизнь нельзя вернуть лет на тридцать назад.

Но тут же решила, что ничего хорошего из такого романа не вышло бы. Разве можно иметь любовником своего делового партнера? Кому-то обязательно пришлось бы уступать. Вполне понятно, что это была не я, значит, довольно скоро перестала уважать любовника. Нет, лучше иметь таких, с кем делами не связана.

«Провальная» коллекция действительно имела огромный успех по ту сторону океана, Америка «шанелезировалась» не только благодаря духам, но и благодаря твидовым костюмам «от Шанель». Коллекция ушла в Америку, разошлась по магазинам, в том числе и Парижа, то, что не приняли журналисты на подиуме, с восторгом приняли женщины! Улица сделала это вопреки газетам. Я не понравилась Парижу? Неважно, я пришлась по

душе всему остальному миру. И вдруг оказалось, что на Париже свет клином не сошелся. Как бы я ни любила этот город, теперь я могла обойтись и без его признания!

Мир от-кутюр в Париже предал меня анафеме. Работать на массовое производство?! Конечно, а что ей остается, если на подиуме освистали.

Я презирала их всех! Они ни черта не смыслили в одежде, потому что просто соединять между собой куски ткани не значит уметь одевать женщин. Я знала, что моя простота еще потребуется, и не только в Америке, к ней вернется и Франция!

И все же по настойчивой просьбе вступила в их профсоюз. От одного слова «профсоюз» меня тошнило, слишком памятна забастовка тридцать шестого года, перечеркнувшая жизнь. Как можно загнать в организацию совершенно несовместимых людей? Заставить подчиняться правилам тех, кто призван эти правила разрушать, причем дважды в год — по числу сезонных показов?

Конфликты с этим самым профсоюзом у меня начались довольно быстро. Фотографировать свои модели только в определенное время, ни днем раньше. Это еще что?! Я

фотографирую, когда все готово и когда есть погода. Твидовые костюмы нелепо снимать в летнюю жару или, наоборот, на снегу. Манекенщицы будут выглядеть дурацки, они же чувствуют погоду на себе. Снимать в помещении, где искусственные деревья, искусственная листва, снег, солнце?.. Ни за что! У меня все настоящее.

Хотя, должна признать, это был всего лишь повод для ссоры. Ссоры самой тоже не было, просто я хорошо понимала, что не желаю находиться в союзе с теми, для кого мода просто «способ самовыражения», а подиум место демонстрации «шедевров» из бумаги и консервных банок.

Я не принимаю показов, где присутствуют сотни человек. Что можно увидеть с десятого ряда зала?

Я не люблю, когда лица манекенщиц раскрашены так, словно они из дикого племени. Лица должны быть человеческими, ведь одежда для людей, а не для монстров.

Я не считаю хорошим платье, в котором трудно поднять руки, манекенщицы должны двигаться свободно, а не судорожно перебирать ножками, боясь свалиться. Знаете, способ проверки удобства одежды? Сложите руки на груди, это требует максимальной свободы движения. Если вам неудобно — грош цена такой одежде.

Но всего этого не было на подиумах у тех, с кем я состояла в одном союзе. Они считали меня старой, а я их глупыми. Какой уж тут союз? Я вышла из него.

Однако они зря думали, что старуха уже ни на что не способна. Моими заказчицами снова стали женщины с именами, я одевала актрис, жен президентов и королей, жен политиков, богачей… а еще просто половину мира, потому что одежду в стиле Шанель можно приобрести в магазинах. Наверное, это даже важнее, чем мои костюмы на Роми Шнайдер или Жаклин Кеннеди, на Бриджит Бардо или Марлен Дитрих…

Come back! Я вернулась! Начался новый период моей работы и жизни. Оказывается, и в семьдесят один год можно начать все сначала.

Но чтобы вернуться, нужно сначала прийти, а потом уйти…

Маленькое черное платье и я

Мода существует не для того, чтобы удивлять публику на показах. Она для того, что бы одевать эту публику. Если созданную сегодня модель завтра не увидишь на улице — грош ей цена. Если увидишь много раз — она бесценна.

В те годы, когда появилось маленькое черное платье, я была абсолютной законодательницей моды. Модные журналы писали преимущественно обо мне, любая модель, предложенная мной, даже если она отличалась от предыдущей всего лишь мелкой деталью, становилась сенсацией. Журнал «Вог» сравнил сделанное мной платье с автомобилем: «Это «Форд», созданный Шанель».

Родилось оно случайно и не случайно. В театре я сидела в ложе, пытаясь найти взглядом кого-то из знакомых, даже не помню кого именно. Искала и не могла отыскать, но не потому что толпа была слишком большой, она была слишком пестрой. В антракте прошлась по фойе и снова обратила внимание на то, что не вижу лиц, у любой дамы в глаза бросался, прежде всего, цвет ее наряда.

В этой пестрой толпе не было по-настоящему элегантных женщин. Замечательные платья, даже сшитые в моем ателье, но все не то… Чего-то не хватало. Или было слишком много.

Я пыталась понять, чего именно, и вдруг осознала — цвета! Сообразив это посреди ночи, отправилась к шкафу перебирать собственные платья. Не то… не то… не то… Вот — черное! Лишь черное платье выглядело по-настоящему элегантным.

До этого черный носили только будучи в трауре, но я показала, что маленькое черное платье может быть отличной основой для любого времени суток и любой ситуации. Белые воротники и манжеты делали его строгим и деловым, множество украшений — нарядным, а роскошные колье — вечерним. Само платье при этом было практически незаметно, оно лишь подчеркивало фигуру женщины и красоту ее кожи.

Париж ахнул: Мадемуазель Шанель пытается навязать всему Парижу траур по Кейпелу! Но женщины быстро оценили возможности маленького черного платья. Несколько лет все поголовно ходили в черном с белыми воротничками и манжетами, в черном с богатыми наборами бижутерии на шее, в

черном с дорогими бриллиантовыми колье и брошами…

Эту моду называли нищенской, говорили, мол, француженки играют в бедность. Люсьен Франсуа написал, что женщины были в восторге, играя в бедность, но не теряя при этом элегантности. А одна из журналисток дошла до того, что изобразила меня в виде дамы под большой вуалью, склонившейся над могилой. Какие глупцы! Бедность и простота не одно и то же, как может быть бедным платье, сшитое из дорогой ткани с множеством дорогих аксессуаров?! А держать траур по Кейпелу я могла и без их помощи!

Я обрезала свои роскошные волосы, и Париж, словно сойдя с ума, тут же постригся!

Разве я была первой, кто так поступил? Нет, Пуаре тоже стриг своих манекенщиц, но за ним же не последовали? А стоило подстричься мне, как мода привилась. Я делала моду Парижа много лет!

Сначала шляпы, потом свободные наряды для отдыха, мужские пижамы, превращенные в женские, жакеты из пуловеров… Существует легенда о том, что однажды, серьезно замерзнув на конной прогулке, я взяла пуловер Кейпела (или Бальсана, неважно) и разрезала его, превратив в кофту. Глупости, чем можно искромсать пуловер во время конной прогулки? Я сделала это дома и нормальными ножницами. А кофта вышла довольно симпатичная.

Также нашла применение пижама Бальсана. Когда во время Первой войны сигнал воздушной тревоги посреди ночи сгонял парижанок с верхних этажей зданий на нижние, они спускались в халатах, накинутых на красивые бордовые или белые шелковые пижамы «от Шанель». Показывать моду во время бомбежек — до такого не догадывался еще никто.

Когда механиков моих клиенток забрали на фронт, я придумала для женщин разноцветные прорезиненные плащи наподобие водительских. Прижилось не только в военном Париже, но и в жаркой Аргентине.

Еще одна выдумка, очень понравившаяся женщинам, — бижутерия. Я с удовольствием делала украшения. Но только один раз — с Рибом — настоящие. Это было его влияние, сама по себе я настоящими драгоценностями не увлекалась, предпочитая искусственные. А еще чаще соединяя одни с другими.

Вендор охотно и много дарил мне огромные камни — сапфиры величиной с кулак, изумруды и еще кучу всего. Зачем? Зачем вообще нужно то, что нельзя надеть на себя просто так

каждый день?

Не люблю бриллианты ради бриллиантов, камни ради самих камней. Часто об этом говорила, но повторяю еще и еще раз. Потратить сумасшедшие деньги или даже получить в подарок огромный бриллиант вроде пробки от графина, чтобы держать его в сейфе и дрожать от страха: вдруг кто-то догадается о коде этого сейфа? Иногда по вечерам вынимать и любоваться, мол, у меня есть защита от кризиса?

Глупости! Защитой от любых кризисов должна быть собственная голова, а не сверкающий камень. А бриллиантовые серьги или колье, ради сохранности которых за спиной выстраивается толпа охранников, сверлящих взглядами любого, кто приблизится… Это для богатых, я их не люблю, хотя сама богата. Богатство должно давать только независимость и уверенность в будущем, но никак не доставлять волнения «вдруг кризис!», иначе от него не будет никакого удовольствия.

Хорошее жилье, хорошее авто, возможность заказывать качественную одежду, отдыхать и помогать тому, кому помощь нужна, — вот для чего нужно богатство, а вовсе не для того, чтобы им кичиться.

Я делаю искусственные украшения, очень похожие на настоящие. Вообще, украшений должно быть много, очень много. Но если они настоящие, это дурной вкус. Я всегда советую: покупайте искусственные, и вам не будет стыдно.

Однажды, слишком азартно выплясывая шимми, я оборвала большую нить топазов, и пара десятков человек ползали на коленях по танцполу, собирая камни. Глупо.

Все знают, что герцог Вестминстерский подарил мне восемь метров жемчугов. Поистине роскошные нити, но на улицу я надеваю точно такие же фальшивые. Мне так понравилось, что пришлось выпустить подобные в продажу, теперь многие могут купить точную копию «жемчугов Шанель».

Когда оглядываешься вокруг, становится ясно, что моя мода всегда создавалась из моих собственных интересов.

На мне очень плохо смотрятся платья с пышными турнюрами? Отменим!

Неудобны большие шляпы? Сделаем маленькие.

Раздражает корсет? Откажемся.

Нет денег на нормальную амазонку? Наденем мужскую одежду.

Нет приличной ткани, чтобы шить новые платья? Пустим в ход джерси, от которого отказались все…

Неудобно ходить в длинных платьях? Надо их укоротить.

Надоели зонтики от солнца? Куда лучше выглядит загорелая кожа!

И так все время, мода рождалась просто из моей необходимости, я старалась сделать свою, а заодно и всеобщую жизнь легче и удобней. Может, поэтому ее так легко принимали?

Я постоянно теряла свою сумочку, просто оставляла ее там, где сидела или, задумавшись, бросала в сторону и потом не могла вспомнить, где это произошло. Когда мне надоело, пришлось прикрепить к сумочке полоску кожи, а потом заменить ее толстой цепочкой, чтобы носить на плече.

Вы знаете, как это понравилось женщинам! Освободить руки и не ломать голову над тем, куда бросила сумочку… Вот это успех — когда твоя идея подхватывается и копируется или перерабатывается в миллионах вариантов.

Говорят, я невыносима во время примерок, жестока в обращении с манекенщицами и не люблю их. Да, большинство не люблю.

Знаете, как я подбирала манекенщиц, когда ушла моя любимица Мари-Элен Арно? Взамен пришли восемнадцать красоток, у всех замечательные фигуры, волосы, кожа… Через помощницу попросила их встать, чтобы показать себя и… занялась работой с первой швеей. Они еще не знали секрета моих зеркал, мне с любого места видно все, что происходит на подиуме.

Некоторое время девушки стояли, чуть завистливо или самоуверенно присматриваясь друг у дружке. Постепенно начали

нервничать, потом все сильнее и сильнее. Помощница успокоила: Мадемуазель сейчас подойдет, она занята. А я просто перекалывала новое платье на одной из манекенщиц. Шли минуты… десятки минут… прошел час, второй…

Через три часа большинство из претенденток ни на что не годились, они были выжаты ожиданием, как лимоны на устриц, и форму держали не лучше этих же устриц. Поднявшись наконец с колен, я махнула рукой манекенщице, что та может снимать платье, и, повернувшись к новеньким, вгляделась в лица. Только у одной оно выражало готовность работать, остальные были злы, как черти.

— Вы остаетесь, остальные мне не подходят!

— Но, Мадемуазель… вы даже не посмотрели нас!

— Ошибаетесь, я все это время внимательно на вас смотрела. Работа манекенщицы это не только дефиле в новом платье по подиуму, это многочасовое стояние на примерках и ангельское терпение. А сохранять готовность после трех часов мучительного

безделья совершенно обязательно!

Это действительно так и есть. Я не провожу примерки на манекенах, мне нужны живые люди. Как, скажите, можно посадить рукав на манекене без рук? Как проверить свободу движения на кукле, которой все равно, удобно или нет?

По этому поводу я не раз кричала на своих дурочек:

— Как сидит рукав? Ну-ка, подними руку, удобно?

— Все хорошо, Мадемуазель.

— Я же вижу, что тянет! Почему ты говоришь, что нет?! Надоело стоять, пока исправлю?

Конечно, для них мучительно стоять неподвижно, испытывая бесконечные уколы булавками или нажимы моих рук (я часто работаю костяшками пальцев, разглаживая или приминая ткань прямо на теле манекенщицы), им хочется поскорее освободиться и бежать к своим молодым людям. Но мне-то хочется создать идеальную модель! И почему я должна при этом жалеть манекенщиц? Разве Дягилев жалел своих танцоров?

Моя любимица Мари-Элен Арно ушла, решив, что я мало ценю ее талант. Я знаю, что это влияние отца. Мари-Элен красивая, очень красивая, с замечательной фигурой и умением показать модель, что очень важно. Я даже сделала мсье Арно своим помощником, ее саму часто приглашала обедать или ужинать, волновалась, когда ей приходилось возвращаться к родителям слишком поздно, потому что я люблю поговорить после ужина.

И однажды господин Арно решил, что я не ценю его малышку, мол, Мари могла бы получать больше. Глупец! Мари-Элен могла получить по завещанию немалую часть моего наследства! Я пыталась понять, будет ли она продолжать мою линию в Доме. В конце концов, коллекции создавать могут другие, но приглядывать за всем, чтобы и мой Дом со временем не скатился к показам огородных пугал, способна только та, что прониклась самим духом Великой Мадемуазель. Мне казалось, что Мари-Элен прониклась, ну, почти прониклась. У нее хороший вкус, она могла бы… Но господин Арно предпочел временный большой заработок огромным деньгам в недалеком будущем. Я же не вечна… Мой стиль вечен, а бренное тело, увы, нет.

Я не люблю своих манекенщиц? Бывает, очень не люблю, почти презираю. Здесь все: злость на то, что они не могут постоять спокойно, айкают в ответ на уколы, устают или просятся в туалет как раз тогда, когда что-то начинает получаться!

Досада, что они, такие красивые и умные, не могут ничего добиться в жизни. Природа подарила им красоту, и эти дурочки не умеют подарком пользоваться.

Раздражение, что позволяют не считаться с собой своим молодым людям. Разве может уважающая себя женщина разрешить разговаривать с ней таким тоном? Преклоняться должны, а ей хамят! Какое мне дело? Но она показывает МОЮ модель, если у нее самой нет гордости и чувства собственного достоинства, как она сможет преподнести то, что создала я?

А еще… конечно, зависть, что у них еще все впереди, а у меня уже очень мало. Мися всегда говорила, что она родилась на двадцать лет позже, чем нужно. Я наоборот — на двадцать лет раньше! Как бы я ни была подвижна и энергична, бренное тело не желает признавать, что мне не двадцать пятый год, увы…

А им двадцать пятый и даже меньше в действительности, но они не желают пользоваться таким огромным преимуществом. Разве не обидно? Неужели то, что я завидую молодым, говорит о моей собственной старости? Нет, я молода душой, а они просто ничего не понимают в жизни, их надо учить жить. Людей почему-то вообще не учат жить, а это надо делать обязательно.

Я нужна всему миру, и весь мир признал меня. Весь, кроме Франции! Своя собственная страна подобна капитану парохода, который не замечал мое присутствие на борту, пока его не вынудили сделать это американские журналисты.

Меня пригласил в Америку Маркус на пятидесятилетие сети своих магазинов. Нарочно прилетал, чтобы пригласить! Сказал, что на афишах к празднику наверху огромными буквами напишет: «Приедет Великая Мадемуазель Шанель». Вот так! В Америке я Великая Мадемуазель, а в своей собственной стране спасибо толком не дождешься. Они готовы рукоплескать Диору за его «новый взгляд», в котором нет ничего нового, кроме глупости. Все модели повторяли то, что я предлагала и активно шила перед войной, добавив в них огромную толику неудобства.

Но я заставила мир вернуться к удобной одежде, потому что без удобства не бывает элегантности.

Еще и еще раз повторяю, что одежда для женщин — это не театральные костюмы, которые создаются только для показов. Грош цена платью, если его, кроме подиума, никуда надеть невозможно! Любую модель нужно носить, пусть она подойдет не всем и не всем понравится, но если вы не увидите ее ни на ком и никогда, это не от-кутюр, а сплошное безобразие.

Я много-много лет старалась приучить женщин (а заодно и мужчин), что самое главное в одежде — удобство, даже внешний вид должен идти у него на поводу. Если кутюрье удается совместить то и другое, рождается элегантность. Никогда не жертвуйте удобством ради внешнего вида, но и про него не

забывайте.

Меня очень много ругали и очень часто завидовали. Это не страшно, если ругают, значит, жива. А завистников нет только у ничтожеств. Лучше иметь первых, чем быть вторым.

Отец

Люсьен разыскал нашего отца. Давно, тогда я еще жила у Бальсана.

Альбер Шанель тогда торговал подержанной одеждой на рынке в Кимпере, сильно пил и жил с такой же пьяницей. Одно время его разыскивала жандармерия за торговлю краденым. Может, не сам воровал, но продавал чье-то. А еще обманывал доверчивых крестьян на ярмарках. Приезжал, красочно расписывал толпе, что его хозяин барон разорился и завтра будет распродавать свою посуду буквально за гроши. Ему верили, скупали простецкие изделия, годные только для паршивых лавчонок, все это втридорога как посуду из дома барона. Пока кто-то не разоблачил.

Люсьен старался не вспоминать, что увидел, я старалась при встречах не расспрашивать.

Вместо красавицы незнакомки у отца оказалась пьянчужка, вместо благородства, пусть даже разбойничьего, мелкие преступления…

Но для меня самым страшным казалось не то, что он кого-то обманывал, я сама могла бы купить каждому из обманутых крестьян по дорогому сервизу, не то, что отец пил или жил с опустившейся женщиной, а то, что он был жив, жил неподалеку, но не вернулся.

Обещал вернуться и не вернулся…

Наверное, его уже давно нет на свете, но я все равно жду. Того молодого, красивого белозубого, что обещал, всегда обещал…

Шанель навсегда

Ну вот, я рассказала все честно. Разве что-то изменилось во мне самой, в том, что я создавала, в моем стиле? Наверное, зря столько лет скрывала мои детство и юность. Да, я сирота, меня воспитал приют, тем ценнее то, что смогла сделать потом сама.

От какого количества проблем избавляется тот, кто решает стать не чем-то, а кем-то. Смею считать, что стала.

Когда-нибудь не будет Коко Шанель, закроется Дом моделей на рю Камбон, придут другие кутюрье и будут диктовать другую моду. Но если в шкафу хотя бы одной из ста женщин найдется маленькое черное платье, а мужчина обернется вслед, ловя запах «Шанель № 5», значит, я не зря боролась с сиротством в Обазине и торговала шляпами в Довиле, не зря злилась и мучилась, радовалась и много-много трудилась.

Коко Шанель не будет, но обязательно останется СТИЛЬ ШАНЕЛЬ — удобная элегантность.

Я не жалею ни о чем, что было в моей жизни.

> Жизнь не костюм, ее нельзя перекроить и сшить заново, но и жалеть о прошлом тоже не стоит, иначе старость превратится в сплошной зубовный скрежет от сожалений.
>
> Что было, то было, смотрите вперед, а не назад и живите тем, что будет, даже когда вам много лет. Возраст вообще не количество прожитых дней, а состояние души. Я вот умру в двадцать пять, но последние шестьдесят лет мне все время двадцать четыре, и когда следующий день рождения, не знает никто. Даже я…

Так говорила Шанель

Так говорила Шанель

Моду нельзя называть модой, если ее не носят на улице.

Сделайте мир совершенным, и я перестану его ругать.

Детские обиды самые сильные и помнятся дольше других, потому что дети обижаются сердцем, а взрослые разумом. Разум способен победить обиду, сердце нет, на нем остаются шрамы, которые не расправишь, как складки на ткани.

Что такое свобода? Это возможность не делать то, что тебя заставляют делать, или возможность делать то, чего хочется самому?

В том, что Пигмалион создал Галатею, заслуга не только Пигмалиона, но и самой Галатеи. Разве можно создать великолепную женщину без ее на то согласия?

Если вам нужно, чтобы выполнили вашу волю, не стоит уговаривать или кричать, достаточно спокойно потребовать, но так, чтобы никто не подумал, что можно поступить иначе.

По какому праву моду женщинам диктуют мужчины-кутюрье? Кто-нибудь из них пробовал надеть на себя то, что изобретает, и проходить хоть несколько часов? Случись такое, со следующего дня кутюрье выпускали бы на подиум манекенщиц исключительно в пижамах!

Все в наших руках, поэтому их нельзя опускать.

У каждого в жизни должна случиться сильная любовь. Хоть на несколько лет, на несколько часов, хоть на миг, но должна. Те, кто ее не испытал, — душевные импотенты.

Мы любим людей за то хорошее, что сами им сделали, а еще за их недостатки, которые не замечаем у себя. И наоборот, собственные минусы, если их не удается побороть, у других кажутся просто гипертрофированными.

За свой успех, за право делать любимую работу я заплатила судьбе одиночеством.

Если и через неделю вы помните лицо человека, с которым только раскланялись при случайной встрече, немедленно встречайтесь еще раз. Возможно, он гениален или это ваша судьба.

Гении, как и безденежье, бывают разными.

Одна гримаса судьбы может испортить тонны французской косметики.

Я умираю с каждой моделью, пока она создается, и возрождаюсь, когда манекенщица идет в ней по подиуму. И неважно, аплодируют или нет, я сама вижу, не зря ли были смертные муки.

Говорят, я все время нарушаю правила.
Глупости! Я их не нарушаю, я их разрушаю.
К чему мне правила, которые неудобны, да к тому же чужие?

Шанель всегда № 1, даже если это «Шанель № 5»!

Вас ценят ровно настолько, насколько вы цените себя сами. Если количество нулей в оценке собственной и внешней не совпадают, одно из двух: либо вы не все сделали, чтобы дотянуться до себя, либо до вас не доросли остальные.

Любовники бывают первый, второй… десятый…
Любовь всегда единственная. Даже к сотому возлюбленному.

Если ты рожден без крыльев, не мешай им расти.

«Она встала вровень с мужчинами!» Почему это считается похвалой? Я знаю стольких мужчин-ничтожеств… Что же мне, опускаться на колени, чтобы быть с ними вровень?

Я уважаю только тех, кто хорошо делает свое дело, а не тех, кто много кричит и чего-то требует.

Обида возникает тогда, когда ты не можешь ничем ответить, обида — это собственное бессилие, неважно перед чем — поступком человека или многих людей, несправедливостью судьбы. Если человек может что-то сделать против, исправить или даже отомстить, он не обижается, он действует.

Это смешно — влюбиться в шестьдесят? Ничего подобного, хоть в сто!

Самые беспокойные времена не военные, когда все знают, кто враг, а послевоенные, когда врагами становятся все против всех.
Сохранить достоинство в такое время труднее, потому что

сильно желание громко хлопнуть дверью самой жизни.

Знаете, какое наказание самое страшное? Безделье.

Это правительства и режимы приходят и уходят, а Шанель остается!

Мода существует не для того, чтобы удивлять публику на показах. Она для того, чтобы одевать эту публику.

Если созданную сегодня модель завтра не увидишь на улице — грош ей цена.

Если увидишь много раз — она бесценна.

Защитой от любых кризисов должна быть собственная голова, а не сверкающие камни или золото.

Моя мода рождалась просто из моей необходимости, я старалась сделать свою, а заодно и всеобщую жизнь легче и удобней. Может, поэтому ее так легко принимали?

Красиво только то, что удобно.

Возраст вообще не количество прожитых дней, а состояние души. Я умру в двадцать пять, но последние шестьдесят лет мне все время двадцать четыре, и когда следующий день рождения, не знает никто. Даже я.

Коко Шанель не будет, но обязательно останется СТИЛЬ ШАНЕЛЬ — удобная элегантность.

Если вы хотите иметь то, что никогда не имели, вам придется делать то, что никогда не делали.

Каждая женщина имеет тот возраст, который заслуживает.

Если вас поразила какая-нибудь женщина, но вы не можете вспомнить, во что она была одета, — значит, она была одета идеально.

У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление.

Ваше лицо в двадцать дано вам природой; каким оно будет в

пятьдесят, зависит от вас.

Самое лучшее в любви — это заниматься ею.

Жизнь не костюм, ее нельзя перекроить и сшить заново, но и жалеть о прошлом тоже не стоит, иначе старость превратится в сплошной зубовный скрежет от сожалений.

Что было, то было, смотрите вперед, а не назад и живите тем, что будет, даже когда вам много лет.

Завистников нет только у ничтожеств. Лучше иметь первых, чем быть вторым.

Самое страшное для человека — попасть в колею. Жизненная колея лишает самой жизни, потому что следование «положенному» лишь слабое ей подражание.

Если не видите выхода из положения, поступайте нелогично, именно это окажется выходом.

У женщин нет друзей, их либо любят, либо нет!